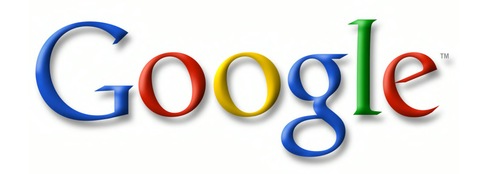
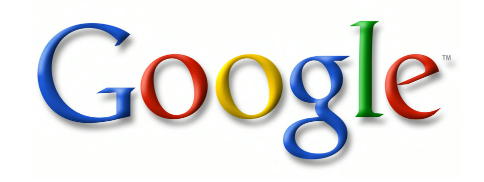

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

МАТЕРІАЛЫ

ПО АРХЕОЛОГІИ ВОСТОЧНЫХЪ ГУБЕРНІЙ РОССІИ.

I.

ПРИУРАЛЬСКІЙ КРАЙ.

Археологическія розысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи.

А. А. Спицына.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1893.

запросамъ, обращеннымъ ко всѣмъ 9 смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, только двое отнеслись внимательно, яранскій и глазовскій. Яранскій смотритель Кропачевъ просилъ директора обезпечить ему доступъ въ мѣстные архивы и распорядиться черезъ Земскій Судъ, чтобы всѣ яранскія волостныя правленія донесли ему объ имѣющихся при нихъ предметахъ древности, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ долженъ описывать только тѣ древности, „которыя ему извѣстны по наружности и болѣе относятся къ исторической части“ (?). Кропачевъ все-таки какъ-то успѣлъ побывать въ мѣстныхъ архивахъ и сообщилъ директору небезъинтересныя свѣдѣнія о старинныхъ документахъ г. Царевосанчурска, объ имѣющихся тамъ пушкахъ, пороховыхъ бочкахъ и старыхъ мѣрахъ. Глазовскій же смотритель, оговорившись, что по условіямъ своей службы онъ знакомъ съ мѣстными древностями только по наслышкѣ и что „начальству не безъизвѣстно, съ какими трудностями сопряжено какое бы то ни было теоретическое изслѣдованіе въ городахъ вовсе почти безкнижныхъ“, сообщилъ по Забловскому свѣдѣнія о двухъ глазовскихъ городищахъ и указалъ на древній могильный памятникъ близъ дер. Гординской. Остальные смотрители уѣздныхъ училищъ не постѣснились отвѣтить директору, что въ ихъ уѣздахъ древностей „не оказалось“. Полиновскій, сообщая Коссовичу собранныя имъ „не слишкомъ значительныя по количеству“ свѣдѣнія, указывалъ, что эти свѣдѣнія „не могли быть обильны по условіямъ службы смотрителей и по недостатку способовъ къ нимъ“[1]). Въ концѣ того же 1838 г. изъ всѣхъ оказавшихся въ распоряженіи Казенной Палаты свѣдѣній, кто-то сдѣлалъ извлеченіе для „Губернскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ описано было восемь извѣстнѣйшихъ вятскихъ городищъ[2]).

Новая оффиціальная попытка собиранія свѣдѣній о вятскихъ древностяхъ относится ко времени около 1844 г. Но свѣдѣнія эти оказались столь скудными, что, печатая ихъ, редакція Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ сочла нужнымъ прибавить отъ себя, что „здѣсь, въ отдаленной глуши сѣверныхъ лѣсовъ, жатва памятниковъ старины естественно не могла быть изобильна“. Въ этомъ новомъ описаніи вятскихъ древностей упоминается о городищахъ пижемскомъ и елабужскомъ, объ арской дорогѣ, о шланскомъ курганѣ и кромѣ того даются свѣдѣнія о нѣсколькихъ древнихъ церквахъ[3]).

Интересъ къ изученію вятскихъ древностей оживился только много лѣтъ спустя, въ началѣ 60-хъ годовъ, благодаря случайному открытію ананьинскаго могильника и учрежденію Вятскаго музея. Раскопка могильника была поручена энергичному удѣльному чиновнику П. В. Алабину, который съ этого времени сталъ усердно изучать всѣ доступныя ему мѣстныя древности и въ промежутокъ между 1859—1865 г. написалъ о нихъ нѣсколько любопытныхъ статей[4]). Кромѣ ананьинскаго могильника онъ раско-

---

[1]) Въ архивѣ Вятской гимназіи дѣло 1838 г., № 98. Въ архивѣ Вятской Казенной Палаты соотвѣтственнаго дѣла не было отъискано.

[2]) Вят. Губ. Вѣд. 1838 г. № 25 прибавленій. Статья „О курганахъ и древнихъ памятникахъ въ Вятской губерніи“.

[3]) Ж. М. В. Д. 1844 г. т. IV, стр. 511—516, статья „Древности губерніи Вятской“.

[4]) 1) „Ананьинскій могильникъ“ Вят. Вѣд. 1859, 27—30 и Вѣстн. Геогр. Общ. 1860, 6; 2) „Древности Вятскаго края“ Вят. Вѣд. 1865, 54—58. Тоже отдѣльно подъ заглавіемъ: „Замѣтки относительно нѣкоторыхъ древностей Вятскаго края“ Вятка 1865 г., 38 стр.; 3) „Новое пріобрѣтеніе каменныхъ орудій, сдѣланное Вятскимъ музеемъ“ Вят. Вѣд. 1865, 74.

геологической экскурсіи на верховьяхъ Камы собралъ здѣсь интересныя свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ[1]).

Въ настоящее время, вслѣдствіе стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, оказалось возможнымъ болѣе или менѣе систематическое изученіе древностей вятскаго края, результатомъ котораго является между прочимъ и предлагаемая теперь работа. Еще въ 1881 г. для предпринятаго мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ сборника въ память столѣтія Вятской губерніи нами составленъ былъ сводъ всего доступнаго тогда печатнаго матеріала о вятскихъ древностяхъ[2]). „Каталогъ древностей Вятскаго края" вызвалъ весьма благопріятный отзывъ гр. Уварова[3]) и одобрительный Малахова[4]), но въ сущности онъ представляетъ собою трудолюбивую компиляцію, лишенную обобщеній и дающую почти одно внѣшнее описаніе древностей. „Каталогъ" почти не вызвалъ дополненій въ мѣстной литературѣ, но зато по поводу его одинъ изъ нашихъ молодыхъ и дѣятельныхъ археологовъ, уже упомянутый М. В. Малаховъ, составилъ хорошее общее обозрѣніе вятскихъ доисторическихъ древностей, дополнивъ его свѣжими свѣдѣніями о раскопкахъ Пономарева и Кузнецова и нѣкоторыми другими[5]). Позднѣе, въ 1884 г., нами было составлено дополненіе къ „Каталогу" на основаніи вновь собранныхъ свѣдѣній[6]). Условія службы и другія обстоятельства на нѣкоторое время сдѣлали невозможнымъ продолженіе начатыхъ археологическихъ работъ, пока близость Ярославскаго археологическаго съѣзда не внушила намъ твердаго намѣренія составить для него возможно полный и обработанный рефератъ о вятскихъ древностяхъ. Устроившееся по счастливой случайности знакомство съ гр. П. С. Уваровой значительно расширило задачи нашей работы, такъ какъ благодаря внимательному участію ея сіятельства мы имѣли возможность совершить (въ 1887 г.), на средства московскаго Археологическаго Общества большую археологическую поѣздку по губерніи. Вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ вятскія древности на Ярославскомъ съѣздѣ были представлены въ такой небывалой полнотѣ, что это не могло не обратить вниманія спеціалистовъ. Вятскій статистическій комитетъ собралъ для Съѣзда новыя свѣдѣнія по археологіи края[7]), доставилъ небольшую коллекцію предметовъ отъ частныхъ лицъ и археологическія вещи вятскаго музея[8]); инспекторъ глазовскихъ училищъ Н. Г. Первухинъ доставилъ большое сообщеніе о древностяхъ Глазовскаго уѣзда и собранную имъ при раскопкѣ коллекцію предметовъ[9]); московское Археологическое Общество доставило свою коллекцію древностей ананьинскаго могильника[10]), казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи — коллекцію предметовъ съ вятскихъ костеносныхъ городищъ[11]);

---

[1]) *Ивановъ,* Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края. Труды Казанск. Общ. естествоисп. Т. X 1881.
[2]) Вятскій календарь на 1882 г. *А. Спицынъ,* Каталогъ древностей Вятскаго края, стр. 25—90.
[3]) Древности, т. IX стр. 3.
[4]) *Малаховъ,* Вятскія древности. Ж. М. Н. П. т. CCXXII, стр. 119—140.
[5]) *Малаховъ,* Къ антропологіи вятскаго края. Спб. 1882 г. Отдѣльный оттискъ изъ Извѣст. Геогр. Общ. т. XVIII.
[6]) Вятскій календарь на 1885 г.
[7]) *Спицынъ,* Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи вятскаго края. Вятка, 1887 г. 59 стр.
[8]) Указатель выставки при VII археологическомъ съѣздѣ. Ярославль, 1887 г. стр. 1—7.
[9]) Указатель выставки, стр. 10—18 и 130—134.
[10]) Тамъ же, стр. 7—9.
[11]) Тамъ же, стр. 73—77.

I. Находки каменныхъ орудій.

Вопросъ о томъ, обиталъ или нѣтъ въ системѣ р. Камы человѣкъ эпохи мамонта и пещернаго медвѣдя, остается до настоящаго времени открытымъ, такъ какъ немногочисленныя данныя, которыя уже добыты для его приблизительнаго рѣшенія, говорятъ еще слишкомъ мало; рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ представляется пока наиболѣе правдоподобнымъ. О находкахъ этой эпохи по теченію р. Вятки и ея притоковъ ничего неизвѣстно. Хотя и было разъ сообщено, что каменныя орудія совмѣстно съ костями мамонта найдены на Моломѣ близъ с. Окатьева и что тамъ даже собрана значительная коллекція этихъ орудій [1]), но наши разспросы на мѣстѣ не подтвердили этого указанія. Чтобы отмѣтить для будущихъ изслѣдователей тѣ мѣстности губерніи, гдѣ предстоитъ наибольшая возможность найти слѣды пребыванія человѣка палеолитической поры каменнаго вѣка, мы, слѣдуя обычаю, должны дать обозрѣніе постпліоценовыхъ образованій края, насколько они выяснились въ спеціальныхъ геологическихъ изслѣдованіяхъ.

Вся площадь губерніи занята пластами песчано-мергелистой группы пермской формаціи; на сѣверѣ они мѣстами перемежаются съ юрскими напластованіями, и чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе къ этимъ формаціямъ присоединяется известковыхъ породъ [2]). На этотъ основной горизонтъ налегли постпліоценовыя образованія, а на нихъ мѣстами эрратическіе наносы, мѣстами торфъ, мѣстами позднѣйшіе песчаные и глинистые наносы или вывѣтрившіяся пермскія породы — въ качествѣ уже новѣйшихъ образованій. Постпліоценовыя образованія занимаютъ въ губерніи значительныя площади. Въ южной полосѣ губерніи по лѣвому берегу Вятки они прослѣжены на сѣверѣ отъ линіи Атары-Аѳанасьевское до линіи Мелеть-Касихинская на югѣ. Здѣсь они тянутся большею частью сплошнымъ покровомъ, достигая иногда значительной ширины (70—80 и болѣе верстъ). На С.-В. и Ю.-В. границы постпліоценовыхъ пластовъ еще не опредѣлены, но можно догадываться, что они заходятъ и въ глазовскій уѣздъ, напр. къ с. Святополью, а къ Ю.-В. отъ Шурминскаго завода они отмѣчены въ окрестности

---

1) Извѣст. Казан. Общ. Археол., Ист. и Этногр. т. I, 90.

2) Известняки южныхъ уѣздовъ губерніи состоятъ большею частью изъ глинистыхъ и песчаныхъ, то оолитивыхъ, то плотныхъ, рѣдко доломитовыхъ породъ. Въ нихъ мѣстами попадаются кремневыя конкреціи.

Объясненіе таблицъ рисунковъ.

Табл. I. Рис. 1—11. Костяные наконечники боевыхъ молотовъ (о нихъ см. на стр. 41).
Рис. 12. Предметъ неизвѣстнаго назначенія, съ Пижемскаго городища.
Рис. 13. Костяная ложка изъ Ройскаго городища.

Табл. II. Костяные наконечники стрѣлъ съ костеносныхъ городищъ. Четвертый въ второмъ ряду снизу слѣва — съ чудского Еманаевскаго городища (стр. 149).

Табл. III. Костяные наконечники стрѣлъ, оттуда же.

Табл. IV. Рис. 1—3, 5—10, 12, 13. Костяныя остроги съ костеносныхъ городищъ (стр. 42).
Рис. 4, 11, 14—24. Наконечники стрѣлъ съ однимъ и двумя зубцами.

Табл. V. Рис. 1, 3—10. Костяные ножи.
Рис. 11—13 и 15. Костяные ножички.
Рис. 2 и 14. Предметы неизвѣстнаго назначенія.

Табл. VI. Рис. 1—13. Костяныя шилья и вязальныя иглы.
Рис. 14—19. Костяные ножички.
Рис. 20—26. Костяные кодочиги (?), изъ нихъ 21—24 съ чудского Поркарскаго городища.

Табл. VII. Рис. 1—5, 7, 8 и 11. Костяныя лопаточки съ Пижемскаго городища, неизвѣстнаго назначенія (стр. 43).
Рис. 6, 9 и 10. Лопаточки съ чудского Еманаевскаго городища (стр. 150).

Табл. VIII. Рис. 1—8. Костяныя ручки отъ ножей съ изображеніемъ звѣриныхъ головъ (стр. 61).
Рис. 9—11. Костяныя лопаточки.
Рис. 12 и 13. Костяные обломки съ изображеніемъ звѣриныхъ головъ.

Табл. IX. Рис. 1—12. Костяныя удочки (рыболовные крючки), нѣкоторыя съ изображеніемъ звѣриной (лосиной) головы.

Табл. X. Рис. 1—13. Кружки изъ глины и известняка, съ костеносныхъ городищъ. Рис. 2 изъ предметовъ Свиногорскаго городища. Рис. 3 — со слѣдами налива. Рис. 7 — кружокъ сдѣланный изъ черепка. Рис. 5 и 8 — съ изображеніемъ дракона (?).

Табл. XI. Рис. 1—5. Орудія неопредѣленнаго назначенія, съ костеносныхъ городищъ.
Рис. 6. Костяной гребень съ Буйскаго городища.
Рис. 7. Обломокъ гребня съ Поркарскаго городища (стр. 76).
Рис. 8 и 9. Костяныя пластинки съ дырочками.
Рис. 15. Обломокъ съ изображеніемъ головы дракона, съ Буйскаго городища.
Рис. 10, 13, 14, 16—18. Костяныя пронизки.
Рис. 19, 21, 22, 24—27. Зубы и кости животныхъ, съ дырочками.
Рис. 20. Обломокъ кремневой стрѣлки съ Пижемскаго городища.
Рис. 11, 12, 28, 30. Костяныя иглы и игольныя острія.
Рис. 23. Костяная ложка.
Рис. 29. Костяной наконечникъ тупой стрѣлы, съ Пижемскаго городища.
Рис. 31. Полая кость съ орнаментами, съ Буйскаго городища.
Рис. 32 и 33. Предметы неизвѣстнаго назначенія.

Рис. 34 и 40. Небольшіе обломки реберъ съ рубцами (стр. 61).

Рис. 35—37 и 39. Части удилъ (?).

Рис. 38. Красивая гладкая костяная пластинка изъ чудского Ижевскаго городища (стр. 147).

Табл. XII. Рис. 1—4, 12, 18, 32. Желѣзные ножи съ костеносныхъ городищъ (стр. 44 и 62). Рис. 18 — изъ Буйскаго городища.

Рис. 5, 15, 16. Металлическія украшенія съ костеносныхъ городищъ (стр. 62).

Рис. 6. Желѣзный наконечникъ стрѣлы, изъ чудского-Пижемскаго городища.

Рис. 7—11 и 19. Желѣзныя шилья съ костеносныхъ городищъ (стр. 44 и 62).

Рис. 13. Тигель съ Пижемскаго городища.

Рис. 14. Обломокъ льячка съ одного изъ чудскихъ Пижемскихъ городищъ.

Рис. 17. Обломокъ малаго сосуда изъ Пижемскаго городища.

Рис. 20. Желѣзная стрѣла съ Пижемскаго городища.

Рис. 21—23. Мѣдныя вещицы съ Буйскаго городища (сравнительно позднѣйшія).

Рис. 24—26. Чудскія подвѣски изъ Ижевскаго городища (стр. 149). Рис. 26 — подражаніе диргему.

Рис. 27—29). Желѣзные наконечники копій, изъ того же городища.

Рис. 30 и 31. Желѣзные ножъ и шило изъ Ижевскаго городища.

Табл. XIII. Рис. 1—9. Желѣзные предметы изъ Ижевскаго городища: три вязальныя иглы, 5 ножей и молотокъ.

Рис. 10 и 11. Серебряная бляшка и кольцо, оттуда же.

Рис. 12—17 и 19. Желѣзныя вещи съ Поркарскаго городища: три стрѣлы, ножъ, огниво и два обломка (стр. 76).

Рис. 18. Костяная ручка, оттуда же.

Рис. 20—27. Металлическія и стеклянныя украшенія, оттуда же.

Рис. 28 и 29. Черепокъ и обломокъ формы для литья, оттуда же.

Табл. *а* и *б*: Схемы городищъ.

27. Ройское.
30. Пижемское.
31. Пижемское.
33. Балезинское.
34. Балезинское.
35. Елабужское.
38. Елабужское.
39. Лебяжское.
39. Котловская шишка.
41. Котловское.
45. Воткинское.
47. Нечкинское.
48. Усть-Нечкинское.
51. Яромазское.
53. Непрязинское.
54. Межнинское.
55. Сухаровское.
56. Сухаровское.
57. Машкарское.
58. Верхне-Каракулинское.
59. Нижне-Каракулинское.
60. Юньгинскія.
61. Чегандинское.
64. Еманаевское.
66. Ижевское.
68. Бабья-Учинское.
69. Варзи-Ятчинское.
70. Утчанское.
84. Скорняковское.
85. Ковровское.
87. Истобенское.
88. Орловское.
89. Вершининское.
90. Вершининское.
91. Ногавицынское.
93. Чижевское.
94. Никулицкое.

запросамъ, обращеннымъ ко всѣмъ 9 смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, только двое отнеслись внимательно, яранскій и глазовскій. Яранскій смотритель Кропачевъ просилъ директора обезпечить ему доступъ въ мѣстные архивы и распорядиться черезъ Земскій Судъ, чтобы всѣ яранскія волостныя правленія донесли ему объ имѣющихся при нихъ предметахъ древности, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ долженъ описывать только тѣ древности, „которыя ему извѣстны по наружности и болѣе относятся къ исторической части" (?). Кропачевъ все-таки какъ-то успѣлъ побывать въ мѣстныхъ архивахъ и сообщилъ директору небезъинтересныя свѣдѣнія о старинныхъ документахъ г. Царевосанчурска, объ имѣющихся тамъ пушкахъ, пороховыхъ бочкахъ и старыхъ мѣрахъ. Глазовскій же смотритель, оговорившись, что по условіямъ своей службы онъ знакомъ съ мѣстными древностями только по наслышкѣ и что „начальству не безъизвѣстно, съ какими трудностями сопряжено какое бы то ни было теоретическое изслѣдованіе въ городахъ вовсе почти безкнижныхъ", сообщилъ по Зябловскому свѣдѣнія о двухъ глазовскихъ городищахъ и указалъ на древній могильный памятникъ близъ дер. Гординской. Остальные смотрители уѣздныхъ училищъ не постѣснились отвѣтить директору, что въ ихъ уѣздахъ древностей „не оказалось". Полиновскій, сообщая Коссовичу собранныя имъ „не слишкомъ значительныя по количеству" свѣдѣнія, указывалъ, что эти свѣдѣнія „не могли быть обильны по условіямъ службы смотрителей и по недостатку способовъ къ нимъ"[1]). Въ концѣ того же 1838 г. изъ всѣхъ оказавшихся въ распоряженія Казенной Палаты свѣдѣній, кто-то сдѣлалъ извлеченіе для „Губернскихъ Вѣдомостей", въ которомъ описано было восемь извѣстнѣйшихъ вятскихъ городищъ[2]).

Новая оффиціальная попытка собиранія свѣдѣній о вятскихъ древностяхъ относится ко времени около 1844 г. Но свѣдѣнія эти оказались столь скудными, что, печатая ихъ, редакція Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ сочла нужнымъ прибавить отъ себя, что „здѣсь, въ отдаленной глуши сѣверныхъ лѣсовъ, жатва памятниковъ старины естественно не могла быть изобильна". Въ этомъ новомъ описаніи вятскихъ древностей упоминается о городищахъ пижемскомъ и елабужскомъ, объ арской дорогѣ, о шланскомъ курганѣ и кромѣ того даются свѣдѣнія о нѣсколькихъ древнихъ церквахъ[3]).

Интересъ къ изученію вятскихъ древностей оживился только много лѣтъ спустя, въ началѣ 60-хъ годовъ, благодаря случайному открытію ананьинскаго могильника и учрежденію Вятскаго музея. Раскопка могильника была поручена энергичному удѣльному чиновнику П. В. Алабину, который съ этого времени сталъ усердно изучать всѣ доступныя ему мѣстныя древности и въ промежутокъ между 1859—1865 г. написалъ о нихъ нѣсколько любопытныхъ статей[4]). Кромѣ ананьинскаго могильника онъ раско-

---

[1]) Въ архивѣ Вятской гимназіи дѣло 1838 г., № 98. Въ архивѣ Вятской Казенной Палаты соотвѣтственнаго дѣла не было отыскано.

[2]) Вят. Губ. Вѣд. 1838 г. № 25 прибавленій. Статья „О курганахъ и древнихъ памятникахъ въ Вятской губерніи".

[3]) Ж. М. В. Д. 1844 г. т. IV, стр. 511—516, статья „Древности губерніи Вятской".

[4]) 1) „Ананьинскій могильникъ" Вят. Вѣд. 1859, 27—30 и Вѣстн. Геогр. Общ. 1860, 6; 2) „Древности Вятскаго края" Вят. Вѣд. 1865, 54—58. Тоже отдѣльно подъ заглавіемъ: „Замѣтки относительно нѣкоторыхъ древностей Вятскаго края" Вятка 1865 г., 38 стр.; 3) „Новое пріобрѣтеніе каменныхъ орудій, сдѣланное Вятскимъ музеемъ" Вят. Вѣд. 1865, 74.

копаннымъ довольно основательно, а для изслѣдованія другихъ вятскихъ доисторическихъ древностей въ мѣстной литературѣ не было подготовительныхъ работъ, то поѣздка по Вятской губерніи г. Лерха не дала сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. Онъ ограничился здѣсь тѣмъ, что произвелъ раскопку на подчуршинскомъ городищѣ (принявъ православное кладбище за древнее чудское), побывалъ на ананьинскомъ могильникѣ, снялъ планы какихъ-то городищъ и собралъ нѣкоторое количество предметовъ каменнаго вѣка[1]).

Изъ первыхъ четырехъ археологическихъ съѣздовъ важную работу по изученію вятскихъ древностей далъ только одинъ, первый. Проф. Невоструевъ (вятскій уроженецъ) приготовилъ для этого съѣзда между прочимъ два очень интересные реферата, излагающіе весьма подробно результаты его усидчивыхъ кабинетныхъ занятій надъ изученіемъ ананьинскаго могильника и елабужскаго городища и соображенія о бронзовомъ вѣкѣ и скиѳахъ. Помѣщенныя въ спеціальномъ, почти недоступномъ изданіи[2]), строго ученыя статьи Невоструева, несмотря на всѣ ихъ достоинства, не имѣли замѣтнаго вліянія на дальнѣйшее изученіе вятскихъ древностей, зато много новыхъ свѣдѣній о нихъ было собрано вскорѣ послѣ съѣзда Вятскимъ статистическимъ комитетомъ по предписанію Центральнаго статистическаго комитета, который въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ прямо подъ вліяніемъ Московскаго Археологическаго съѣзда. Свѣдѣнія собирались чрезъ волостныя правленія по особой программѣ, заключающей въ себѣ 12 вопросовъ. Конечно, почерпнутыя изъ этого источника описанія городищъ и другихъ мѣстныхъ древностей оказались запутанными и нерѣдко прямо ошибочными, но все-таки многія мѣстности губерніи здѣсь отмѣчены были вновь, описаны они были, благодаря обязательной программѣ, все-таки въ извѣстной полнотѣ, и вообще слѣдуетъ сказать, что безъ этихъ подготовительныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній систематическія изысканія вятскихъ древностей были бы невозможны. Но эти свѣдѣнія Статистическаго комитета были изложены въ рѣдкомъ, почти никому недоступномъ мѣстномъ изданіи[3]), отличаются большою сухостью, и потому до послѣдняго времени не вызвали подражаній и не подвергались ни дополненіямъ, ни повѣркѣ.

II и III Археологическіе съѣзды не дали ничего для изученія вятскаго края. Казанскій съѣздъ, четвертый, имѣлъ для вятской археологіи лишь то значеніе, что присланные въ Казань предметы Вятскаго музея были внимательно осмотрѣны и впослѣдствіи изданы гр. Уваровымъ. Для съѣзда вновь было описано только одно вятское городище, — свиногорское.

Основательное изученіе вятскихъ доисторическихъ древностей начинается лишь съ конца 70-хъ годовъ, именно со времени учрежденія въ Казани Общества археологіи, исторіи и этнографіи, совпавшаго съ оживленіемъ русской археологіи вообще. Такъ

---

[1]) О результатахъ своей поѣздки Лерхъ сообщалъ на I Археолог. съѣздѣ и въ отчетѣ Археолог. Комм. (1865, стр. XII—XIV). Описаніе каменныхъ орудій Вятскаго музея онъ помѣстилъ въ Изв. Моск. Археол. Общ. 1866 г. VI, вып. 2, стр. 59, а о раскопкѣ имъ Подчуршинскаго городища было напечатано въ Вят. Губ. Вѣд. 1865, 48. См. еще труды Моск. Археол. Общ. II, 10.

[2]) Труды I Археологическаго съѣзда т. II, 576—592 и 594—632 и раньше въ «Древностяхъ» т. III, вып. 1, стр. 189 (1871). г.

[3]) Отчетъ Вятск. статист. комитета за 1873 г. стр. 13—41.

геологической экскурсіи на верховьяхъ Камы собралъ здѣсь интересныя свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ[1]).

Въ настоящее время, вслѣдствіе стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, оказалось возможнымъ болѣе или менѣе систематическое изученіе древностей вятскаго края, результатомъ котораго является между прочимъ и предлагаемая теперь работа. Еще въ 1881 г. для предпринятаго мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ сборника въ память столѣтія Вятской губерніи нами составленъ былъ сводъ всего доступнаго тогда печатнаго матеріала о вятскихъ древностяхъ[2]). „Каталогъ древностей Вятскаго края" вызвалъ весьма благопріятный отзывъ гр. Уварова[3]) и одобрительный Малахова[4]), но въ сущности онъ представляетъ собою трудолюбивую компиляцію, лишенную обобщеній и дающую почти одно внѣшнее описаніе древностей. „Каталогъ" почти не вызвалъ дополненій въ мѣстной литературѣ, но зато по поводу его одинъ изъ нашихъ молодыхъ и дѣятельныхъ археологовъ, уже упомянутый М. В. Малаховъ, составилъ хорошее общее обозрѣніе вятскихъ доисторическихъ древностей, дополнивъ его свѣжими свѣдѣніями о раскопкахъ Пономарева и Кузнецова и нѣкоторыми другими[5]). Позднѣе, въ 1884 г., нами было составлено дополненіе къ „Каталогу" на основаніи вновь собранныхъ свѣдѣній[6]). Условія службы и другія обстоятельства на нѣкоторое время сдѣлали невозможнымъ продолженіе начатыхъ археологическихъ работъ, пока близость Ярославскаго археологическаго съѣзда не внушила намъ твердаго намѣренія составить для него возможно полный и обработапный рефератъ о вятскихъ древностяхъ. Устроившееся по счастливой случайности знакомство съ гр. П. С. Уваровой значительно расширило задачи нашей работы, такъ какъ благодаря внимательному участію ея сіятельства мы имѣли возможность совершить (въ 1887 г.), на средства московскаго Археологическаго Общества большую археологическую поѣздку по губерніи. Вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ вятскія древности на Ярославскомъ съѣздѣ были представлены въ такой небывалой полнотѣ, что это не могло не обратить вниманія спеціалистовъ. Вятскій статистическій комитетъ собралъ для Съѣзда новыя свѣдѣнія по археологіи края[7]), доставилъ небольшую коллекцію предметовъ отъ частныхъ лицъ и археологическія вещи вятскаго музея[8]); инспекторъ глазовскихъ училищъ Н. Г. Первухинъ доставилъ большое сообщеніе о древностяхъ Глазовскаго уѣзда и собранную имъ при раскопкѣ коллекцію предметовъ[9]); московское Археологическое Общество доставило свою коллекцію древностей ананьинскаго могильника[10]), казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи — коллекцію предметовъ съ вятскихъ костеносныхъ городищъ[11]);

---

1) *Ивановъ*, Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края. Труды Казанск. Общ. естествоисп. Т. X 1881.
2) Вятскій календарь на 1882 г. *А. Спицынъ*, Каталогъ древностей Вятскаго края, стр. 25—90.
3) Древности, т. IX стр. 3.
4) *Малаховъ*, Вятскія древности. Ж. М. Н. П. т. CCXXII, стр. 119—140.
5) *Малаховъ*, Къ антропологіи вятскаго края. Спб. 1882 г. Отдѣльный оттискъ изъ Извѣст. Геогр. Общ. т. XVIII.
6) Вятскій календарь на 1885 г.
7) *Спицынъ*, Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи вятскаго края. Вятка, 1887 г. 59 стр.
8) Указатель выставки при VII археологическомъ съѣздѣ. Ярославль, 1887 г. стр. 1—7.
9) Указатель выставки, стр. 10—18 и 130—134.
10) Тамъ же, стр. 7—9.
11) Тамъ же, стр. 73—77.

I. Находки каменныхъ орудій.

Вопросъ о томъ, обиталъ или нѣтъ въ системѣ р. Камы человѣкъ эпохи мамонта и пещернаго медвѣдя, остается до настоящаго времени открытымъ, такъ какъ немногочисленныя данныя, которыя уже добыты для его приблизительнаго рѣшенія, говорятъ еще слишкомъ мало; рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ представляется пока наиболѣе правдоподобнымъ. О находкахъ этой эпохи по теченію р. Вятки и ея притоковъ ничего неизвѣстно. Хотя и было разъ сообщено, что каменныя орудія совмѣстно съ костями мамонта найдены на Моломѣ близъ с. Окатьева и что тамъ даже собрана значительная коллекція этихъ орудій [1]), но наши разспросы на мѣстѣ не подтвердили этого указанія. Чтобы отмѣтить для будущихъ изслѣдователей тѣ мѣстности губерніи, гдѣ предстоитъ наибольшая возможность найти слѣды пребыванія человѣка палеолитической поры каменнаго вѣка, мы, слѣдуя обычаю, должны дать обозрѣніе постпліоценовыхъ образованій края, насколько они выяснились въ спеціальныхъ геологическихъ изслѣдованіяхъ.

Вся площадь губерніи занята пластами песчано-мергелистой группы пермской формаціи; на сѣверѣ они мѣстами перемежаются съ юрскими напластованіями, и чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе къ этимъ формаціямъ присоединяется известковыхъ породъ [2]). На этотъ основной горизонтъ налегли постпліоценовыя образованія, а на нихъ мѣстами эрратическіе наносы, мѣстами торфъ, мѣстами позднѣйшіе песчаные и глинистые наносы или вывѣтрившіяся пермскія породы — въ качествѣ уже новѣйшихъ образованій. Постпліоценовыя образованія занимаютъ въ губерніи значительныя площади. Въ южной полосѣ губерніи по лѣвому берегу Вятки они прослѣжены на сѣверѣ отъ линіи Атары-Аѳанасьевское до линіи Мелеть-Касихинская на югѣ. Здѣсь они тянутся большею частью сплошнымъ покровомъ, достигая иногда значительной ширины (70—80 и болѣе верстъ). На С.-В. и Ю.-В. границы постпліоценовыхъ пластовъ еще не опредѣлены, но можно догадываться, что они заходятъ и въ глазовскій уѣздъ, напр. къ с. Святополью, а къ Ю.-В. отъ Шурминскаго завода они отмѣчены въ окрестности

---

1) Извѣст. Казан. Общ. Археол., Ист. и Этногр. т. I, 90.

2) Известняки южныхъ уѣздовъ губерніи состоятъ большею частью изъ глинистыхъ и песчаныхъ, то оолитивыхъ, то плотныхъ, рѣдко доломитовыхъ породъ. Въ нихъ мѣстами попадаются кремневыя конкреціи.

жетъ вамъ, что яранскія пещеры недоступны даже для любопытныхъ, и тѣмъ болѣе онѣ не могли когда-либо служить мѣстомъ обитанія человѣка. До сихъ поръ фантазія мѣстныхъ крестьянъ населяетъ пещеры чудовищами; про рѣдкую пещеру не разсказывается, что она идетъ на многія версты, въ глубинѣ своей представляетъ рядъ озеръ и скрываетъ всякаго рода чудеса. Лично извѣстныя намъ пещеры Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ представляютъ, по нашему мнѣнію, или выпаденіе изъ известковаго берега, или полузасыпанный выходъ огромной щели, или рукавъ переставшаго бить родника; обширныхъ пещеръ съ крѣпкими стѣнами мы здѣсь не предполагаемъ, особенно потому, что почва этой мѣстности вообще недостаточно для нихъ плотна и легко осыпается. Входъ въ пещеры низокъ и грязенъ.

Для устройства пещеръ едва ли не болѣе удобенъ высокій правый берегъ Камы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ понемногу проходятъ массивныя песчаниковыя толщи. Песчаникъ здѣсь не слишкомъ плотенъ и безъ особеннаго труда поддается обработкѣ твердымъ орудіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ настолько крѣпокъ, что не очень проникается влажностью и мало осыпается. Необходимо впрочемъ замѣтить, что камскій песчаникъ вполнѣ надеженъ только въ неширокихъ и невысокихъ шахтахъ, большихъ же пустотъ и пещеръ въ немъ не можетъ быть, такъ какъ потолокъ отъ просачиванія подпочвенной влаги рано или поздно неизбѣжно обвалится, какъ это и было нами наблюдаемо. Прикамскихъ пещеръ мы знаемъ уже нѣсколько, и нѣкоторыя изъ нихъ, особенно гегандинскія пользуются широкою извѣстностью, но ближайшій осмотръ показалъ намъ, что онѣ представляютъ собою въ сущности неширокіе и низкіе ходы въ глубь берега, едва-ла когда-нибудь обитаемые и несомнѣнно сравнительно поздняго происхожденія. Пещеры могли существовать еще въ твердомъ мергелѣ и легкихъ песчаниковыхъ прослойкахъ, залегающихъ на берегахъ Вятки по ея среднему теченію, но замѣчательныхъ пещерообразныхъ пустотъ здѣсь еще не найдено. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что въ небольшомъ количествѣ естественныя пещеры встрѣчаются на верховьяхъ Камы. Ниже по теченію Камы, уже въ Пермской губерніи, древнюю пещеру нашелъ г. Ивановъ, замѣтившій въ ней искусственную обработку и нашедшій въ ея глубинѣ кости, которыя онъ признаетъ костями пещернаго медвѣдя.

Неолитическая эпоха каменнаго вѣка, по установившемуся взгляду, относится ко времени новѣйшихъ геологическихъ образованій, въ чемъ главнымъ образомъ и состоитъ отличіе ея отъ палеолитической. Но распространеніе по губерніи позднѣйшихъ пластовъ обширно: какія же именно мѣстности человѣку могли показаться особенно удобными для поселеній позднѣйшей эпохи каменнаго вѣка?

Поселенія и временныя стоянки людей каменнаго вѣка могутъ встрѣтиться прежде всего по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ. Отыскивая ихъ здѣсь, надо имѣть въ виду, что рѣчныя долины, по гелогическому своему образованію, представляютъ для жизни человѣка различныя условія. Въ камско-волжской системѣ берега, по наблюденіямъ г. Штукенберга, спускаются къ рѣкѣ тремя террасами. На пластахъ пермской формаціи лежитъ верхняя терраса, состоящая изъ песчаной глины и песку съ остатками мамонта и другихъ, принадлежащихъ постпліоценовому періоду животныхъ. Какъ и другія, эта терраса то удаляется отъ рѣки, то подходитъ къ ней, представляя собою

или обрывы, или отлогости. Къ ней примыкаетъ и частью ее покрываетъ терраса вторая, надлуговая, состоящая главнымъ образомъ изъ глины и принадлежащая къ новѣйшимъ образованіямъ. Терраса третья представляетъ собою заливную долину, непосредственно примыкающую къ водѣ. По времени образованія послѣдняя терраса наиболѣе новая; но, такъ же какъ и предъидущія, она предшествуетъ каменному періоду. Находки каменныхъ орудій дѣлаются въ культурномъ слоѣ, покрывающемъ какъ нижнія террасы, такъ и верхнюю, и такимъ образомъ поселенія этого времени можно встрѣтить на всѣхъ террасахъ, но одной изъ нихъ человѣкъ дѣлалъ замѣтное предпочтеніе. Терраса верхняя была вообще удалена отъ рѣки. Терраса нижняя заливалась полою водою и вслѣдствіе этого не могла служить мѣстомъ постояннаго обитанія, терраса средняя представляла для того наиболѣе удобствъ. На средней террасѣ проф. Высоцкимъ были открыты древнія поселенія каменнаго вѣка въ Казанской губерніи, на ней же слѣдуетъ искать стоянки этого времени и въ Вятской. По замѣчанію проф. Штукенберга, изслѣдованіе найденныхъ въ рѣчныхъ долинахъ стоянокъ каменнаго вѣка представляетъ особенную цѣнность въ виду того, что нигдѣ такъ не ясны условія залеганія орудій и такъ не видна относительная древность слоевъ, какъ здѣсь; напр, нахожденіе поселеній на второй террасѣ служитъ хорошимъ доказательствомъ, что они принадлежатъ не палеолитическому вѣку[1]). Не можемъ съ своей стороны не замѣтить, что мы тщетно стали-бы искать средней террасы на правомъ, всегда сильно оборванномъ берегу вятскихъ рѣкъ, а на лѣвомъ въ большинствѣ случаевъ она очень удалена отъ ихъ современнаго русла. Возможно также, что нынѣшній уровень весенняго разлитія рѣкъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ уровню его въ прежнее время, и потому сохраняющіяся очертанія современныхъ вторыхъ террасъ не совершенно совпадаютъ съ ихъ прежними очертаніями. Прихотливыя извилины небольшихъ рѣкъ нерѣдко представляютъ очень удобныя для поселенія мѣста. Рѣчка, слѣдуя естественному своему склону, набѣгаетъ на твердую массу мергелей или другой породы, но не будучи въ состояніи пробить ее, откидывается въ ту или другую сторону и затѣмъ вновь спускается на площадь своего склона, подбѣгая иногда къ самому тому мѣсту, которое старалась пробить. Когда величина и высота образовавшихся такимъ путемъ извивовъ достаточны, то недоступность мѣстности, близость воды, близость лѣса на одной и луговъ на другой сторонѣ дѣлаютъ ее очень удобною для постояннаго жилья. Такія излучины (по мѣстному „хобота") отмѣчены г. Ивановымъ на верховьяхъ Камы[2]), но, конечно, они найдутся и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, напр. по берегамъ такихъ небольшихъ рѣкъ какъ Юмъ, Летьма, Пижма и пр.

Удобнымъ мѣстомъ для поселеній людей каменнаго вѣка могли служить также оставшіеся не размытыми въ долинахъ рѣчекъ острова и мысы, образовавшіеся при впаденіи одной рѣчки въ другую (по рч. Юму такіе мысы называются „губáми").

Удобными для той же цѣли могли оказаться выступающіе въ долину или низменность возвышенные отроги и мысы (особенно если они окружены оврагами) и ставшіе на ровномъ мѣстѣ холмы. Такихъ отроговъ и холмовъ въ мѣстную археоло-

---

1) *Штукенбергъ* въ Труд. Каз Общ. Естеств.

2) *Ивановъ*. Матеріалы къ антропологіи пермскаго края, въ Труд. Каз. Общ Естествоисп. т. X, вып. 1 стр. 7.

гическую литературу много было занесено въ качествѣ кургановъ и городищъ. Курганообразныхъ холмовъ особенно много въ Котельническомъ уѣздѣ, гдѣ они получили даже техническое названіе („палатки") и въ Сарапульскомъ — вдоль Камы, гдѣ имъ дается названіе „пупковъ". Есть подобные холмы и въ долинахъ рѣкъ, напр. по Тоймѣ (пустобаевскіе Текуры).

Постоянныя поселенія каменнаго вѣка могли образоваться также около тѣхъ мѣстъ, гдѣ находился въ большомъ количествѣ хорошій матеріалъ для орудій, напр. кремень, который вслѣдствіе частой потери вырабатываемыхъ изъ него орудій и излома ихъ былъ особенно необходимъ. Около такихъ мѣстъ могутъ быть открыты такъ называемыя „мастерскія" каменнаго вѣка, главнымъ признакомъ которыхъ служатъ оставленныя ядрища, разсѣянные осколки и обломки неудавшихся орудій[1]). Къ сожалѣнію, не знаемъ, гдѣ именно въ нашей губерніи кремень хорошаго качества залегаетъ массами, и такъ какъ породы кремня въ собранныхъ даже на очень ограниченномъ районѣ подѣлкахъ весьма разнообразны, то возможно, что онъ привозный, а не мѣстнаго происхожденія. Мастерская долотъ, стрѣлъ и ножей изъ мѣстной породы (опочнаго кремня) открыта около д. Оришуть Уржумскаго уѣзда, но не имѣемъ основаній относить эту мастерскую къ каменному вѣку, такъ какъ совершенно такія же каменныя издѣлія и изъ того же матеріала найдены на костеносныхъ городищахъ, принадлежащихъ ко времени сравнительно позднѣйшему. Другія необходимыя для обработки каменныхъ орудій плотныя породы встрѣчаются въ губерніи только въ видѣ голышей и валуновъ. Болѣе всего можно встрѣтить ихъ на сѣверѣ губерніи, въ эрратическомъ наносѣ, который залегаетъ здѣсь на пермской формаціи и состоитъ изъ песковъ и глины съ разсѣянными въ нихъ камнями; иногда валуны лежатъ и прямо на поверхности. Южная граница распространенія валуновъ въ Вятской губерніи проходитъ во водораздѣлу Чепцы и Вятки, отъ Глазова черезъ с. Елово до с. Сезенева, оттуда поворачиваетъ на сѣверо-западъ и, обойдя Слободской, направляется къ с. Лекмѣ на рч. Летькѣ. Оттуда она поворачиваетъ на ю.-в. и чрезъ с. Великорѣцкое и д. Носковскую (нѣсколько сѣвернѣе с. Русанова) направляется къ с. Курину на Моломѣ, а отъ этого села идетъ далѣе на ю.-з. до дер. Ждановской (въ 10 в. отъ Котельнича), потомъ поворачиваетъ на з.-ю.-з. и идетъ по линіи Смертинское-Александровское-Шмелево-Богословское и уходитъ за предѣлы Костромской губерніи. Между валунами преобладаютъ валуны сѣраго гранита, слюдистаго кварцита, кварцевого песчаника и горноизвестковаго кремня. Въ восточной части валунной полосы до р. Кобры преобладаютъ уральскія породы, а далѣе на западъ большая часть валуновъ состоитъ изъ горноизвестковаго кремня. Песчаныя и глинистыя образованія долинъ рч. Кобры, Моломы и другихъ рѣчекъ этой мѣстности содержатъ только тѣ голыши и валуны, которые снесены были потоками съ основного эрратическаго наноса. Вдоль Пижмы валуновъ нѣтъ, такъ какъ постпліоценовыя образованія этой рѣки состоятъ только изъ разноцвѣтныхъ глинъ[2]). Въ настоящее время у насъ нѣтъ доказательствъ того, чтобы люди каменнаго вѣка дѣйствительно пользовались валунами вятскаго эрра-

---

1) *Гр. Уваровъ*, Каменный вѣкъ, I, 228.

2) *Кротковъ* въ Труд. Казан. Общ. Ест. VIII, в. 2, стр. 114.

было найти въ большомъ количествѣ каменныя орудія. „Губерніи сѣверныя (кромѣ Олонецкой), между прочимъ говорилъ онъ на II Археол. съѣздѣ, до сихъ поръ не представили намъ каменныхъ молотовъ.“ Изъ Вятской губерніи ему были извѣстны только копья и стрѣлы, и то лишь въ небольшомъ количествѣ[1]). Насколько со времени II Археолог. Съѣзда двинулось впередъ изученіе археологіи нашихъ сѣверныхъ областей, видно уже изъ того, что въ настоящее время изъ находокъ каменныхъ орудій одной Вятской губерніи можно было бы составить весьма порядочную коллекцію.

Первая по времени коллекція каменныхъ орудій въ нашей губерніи была собрана яранскимъ священникомъ Ѳ. П. Мышкинымъ, по Пижмѣ и впадающимъ въ нее рѣчкамъ; въ 1865 г. она перешла отъ владѣльца въ собственность Вятскаго музея, въ количествѣ 18 экз. Нѣсколько позднѣе собираніемъ каменныхъ орудій занялся въ с. Окатьевѣ на Моломѣ священникъ о. А. Чемодановъ; составленная имъ коллекція была передана мѣстному исправнику, но гдѣ находится въ настоящее время, неизвѣстно[2]). Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ нѣкоторое количество каменныхъ орудій было собрано при геологическихъ экскурсіяхъ гг. Кротовымъ и Ивановымъ, — первымъ въ Котельническомъ уѣздѣ, вторымъ на верховьяхъ Камы, и въ то же время порядочное количество каменныхъ предметовъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи было доставлено въ музей возникшаго въ Казани Археологическаго Общества, въ коллекцію г. Заусайлова въ Казань и г. Теплоухова въ с. Ильинское. Въ послѣднее время каменныя орудія въ губерніи были собираемы для ярославскаго Археологическаго Съѣзда и московскаго Археологическаго Общества вятскимъ Статистическимъ Комитетомъ, Первухинымъ, Шатровымъ и нами. Въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ каменныя орудія изъ Вятской губерніи находятся въ Археологической Коммиссіи, въ московскомъ Публичномъ музеѣ, въ московскомъ Археол. Обществѣ, въ собраніи Гельсингфорскаго университета. По словамъ Малахова, значительное количество орудій изъ Вятской губерніи находится въ извѣстной казанской коллекціи г. Зажайлова.

О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка на верховьяхъ Камы довольно подробныя свѣдѣнія сообщаетъ г. Ивановъ[3]). Правый берегъ въ верховьяхъ Камы возвышенный, сложенъ изъ группы пестрыхъ мергелей и спускается къ рѣкѣ двумя или тремя рѣзко очерченными террасами. Нижняя терраса, ближайшая къ рѣкѣ и возвышающаяся надъ заливной равниной, — послѣтретичнаго образованія. Эта страна вятскихъ мергелей, по предположенію г. Иванова, была густо заселена человѣкомъ каменнаго періода. Каменныя орудія находятъ здѣсь въ довольно большомъ количествѣ и преимущественно на тѣхъ излучинахъ Камы, о которыхъ мы говорили выше: близость рѣки, обиліе лѣса, рыбы и неприступность жилья должны были сдѣлать эти излучины мѣстомъ, весьма удобнымъ для поселеній. У крестьянъ дер. Гординой г. Ивановъ видѣлъ нѣсколько десятковъ собранныхъ ими въ окрестностяхъ деревни каменныхъ орудій. Возвышенность, на верху которой найдены были эти орудія, ограждена со всѣхъ сторонъ обрывами, оврагомъ и болотомъ. Подобные же угоры распо-

---

1) Труды Моск. Арх. Общ. II, 10.
2) Въ Вятскомъ музеѣ ея нѣтъ.
3) «Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края» въ Трудахъ Казан. Общ. Ест. т. X, в. I.

честву, что едва ли могъ быть добываемъ въ одномъ мѣстѣ, и потому его легко счесть привознымъ. Въ общемъ числѣ находокъ стрѣлки представляютъ болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ ножи, скребки и нуклеусы.

Свящ. Чемодановъ описываетъ слѣдующіе типы кремневыхъ орудій изъ коллекціи, собранной имъ въ окрестностяхъ с. Окатьева: 1) громовыя стрѣлы двухъ видовъ: a) въ три грани, толщиною въ обухъ перочиннаго ножа, шириною $^1/_2$ верш., длиною $1—1^1/_2$ верш. на подобіе солдатскаго штыка, b) въ четыре грани, круглыя (?), толщиною въ палецъ, длиннѣе первыхъ. Тѣ и другія имѣютъ острый конецъ и чисто отбитыя грани. 2) Копья ромбоидальной формы, въ родѣ церковныхъ копій, съ рукояткой; края обиты желобчатыми ямками. 3) Скребки. Внутренняя сторона гладкая, изогнуты, наружная сторона въ корѣ; тонки, остріе иногда подержано. 4) Топорики, похожіе на нынѣшніе желѣзные топоры, но безъ отверстія для топорища. 5) Два ядрища, образованныя правильными гранями (числомъ 8 и 12), нѣсколько болѣе вершка длиною и $^1/_2$ верш. толщиною. 6) „Въ видѣ бубновой масти, съ выпуклостью по срединѣ на обѣихъ сторонахъ, правильно идущею отъ каждаго изъ 4 краевъ. Орудіе это уже не изъ кремня, а изъ какого-то стекловиднаго свѣтло-бѣлаго камня, съ маленькими, рядами идущими, оваловидными ямочками; въ каждомъ рядѣ такихъ ямочекъ понѣскольку, около, помнится, десятка въ каждомъ рядѣ, отчего на солнцѣ отъ этого камня игра свѣта“ [1]).

Мы уже упоминали, что составленная о. Чемодановымъ коллекція въ настоящее время куда-то безслѣдно исчезла, но я личнымъ опытомъ убѣдился, что въ окрестностяхъ Окатьева и теперь можно составить хорошее собраніе предметовъ каменнаго вѣка. Въ деревняхъ окатьевскаго прихода мнѣ удалось пріобрѣсти довольно много кремневыхъ стрѣлокъ, а разсказовъ о находкахъ каменныхъ орудій пришлось слышать еще болѣе. Стрѣлокъ, скребковъ и осколковъ всего болѣе пріобрѣтено мною было въ д. Поповщинской, гдѣ ихъ особенно много находятъ на такъ-называемой „долгой“ полосѣ. Чѣмъ далѣе отъѣзжаешь отъ Окатьева вдоль Моломы къ Котельничу, тѣмъ менѣе слышно о находкахъ громовыхъ стрѣлъ. На этомъ пути мнѣ сообщили между прочимъ, что продолговатая кремневая стрѣлка, желтая, съ зубчиками разъ найдена была гдѣ-то въ Соболевской волости, да удалось пріобрѣсти нѣсколько стрѣлокъ, найденныхъ въ полѣ д. Рогачевки. Еще ближе къ Котельничу, напр. въ Спасской волости, о находкахъ каменныхъ орудій почти не слышно [2]). Отъ крестьянъ, собравшихся изъ сосѣднихъ деревень въ село Юрьево на сходъ, можно было узнать, что кремневыя стрѣлки въ этой мѣстности были находимы, но рѣдко; одинъ изъ нихъ описалъ продолговатую стрѣлку, другой кремневый клинъ, третій маленькій наконечникъ стрѣлы. На угорѣ близъ д. Гвоздевской (близъ Юрьева) найденъ очень хорошій кремневый скребокъ, половину котораго я могъ пріобрѣсти. Зато на устьѣ Моломы находки каменныхъ орудій очень часты; изъ разспросовъ въ прилегающихъ деревняхъ

[1]) Вят. Вѣд. 1888, 57. Изъ личнаго объясненія съ о. Чемодановымъ мы заключили, что этими словами онъ описываетъ копье изъ какого-то свѣтлаго минерала; подъ «топориками» слѣдуетъ разумѣть, кажется, кремневые клинья.

[2]) Одинъ крестьянинъ на вопросъ о громовыхъ стрѣлахъ отвѣтилъ: «Богъ милуетъ, все у насъ благополучно».

коллекцію изъ найденныхъ ими на палаткѣ скребковъ, стрѣлокъ и нуклеусовъ. Всего болѣе въ моей коллекціи оказалось скребковъ; нуклеусовъ пріобрѣтено было менѣе, а стрѣлокъ лишь нѣсколько. Матеріалъ орудій — разноцвѣтный, не особенно крѣпкій кремень, преимущественно бурый и темный съ бѣлыми крапинами; величина ихъ вообще незначительна, вѣроятно, вслѣдствіе того, что слабый матеріалъ не допускалъ обработки орудій крупныхъ размѣровъ. Вполнѣ надѣясь на новыя находки, крестьяне разставались съ собранными ими предметами совершенно равнодушно. По дорогѣ въ дер. Заболотскую путемъ разспросовъ я узналъ, что кремневыя стрѣлки находимы были неоднократно въ поч. Бѣловскомъ, но теперь всѣ утеряны; въ поч. Бѣловскомъ 2-мъ находокъ этого рода не оказалось; время отъ времени кремневыя орудія находимы были въ поляхъ дер. Хмѣльнички, но вообще такъ рѣдко, что крестьяне этой деревни имѣютъ о нихъ малое понятіе. По пути вдоль Юма мною пріобрѣтено было нѣсколько кремневыхъ орудій въ дер. Кроты. По разсказамъ крестьянъ при распашкѣ нови въ полѣ дер. Ивки кремневыхъ осколковъ и стрѣлъ въ началѣ было находимо столько, что во время пашни или послѣ дождя ихъ можно было собирать пригоршнями. Ивковскіе крестьяне въ такой мѣрѣ пренебрегаютъ подобными находками, что не придаютъ имъ никакого значенія, и мое вниманіе къ нимъ показалось для нихъ весьма страннымъ. Мѣсто находокъ расположено на берегу Юма, на второй террасѣ[1]).

Не малое количество кремневыхъ орудій найдено также по среднему теченію Пижмы и по впадающимъ въ нее съ правой стороны притокамъ. Небольшую коллекцію такихъ орудій въ 60-хъ годахъ составилъ, какъ мы уже видѣли, свящ. Ѳ. П. Мышкинъ, пожертвовавшій свое собраніе въ Вятскій музей, гдѣ оно почти въ цѣлости хранится до настоящаго времени и можетъ быть подробно описано[2]).

---

1) Недалеко отсюда, у мельницы, изстари носящей названіе «Сарапулъ», при впаденіи въ Юмъ рч. Собы, есть «губа», на которой десятка два лѣтъ тому назадъ видѣли большую груду расколотыхъ костей, что заставляетъ отнестись къ этому мѣсту съ особеннымъ вниманіемъ; да и вообще изученіе долины рч. Юма въ археологическомъ отношеніи представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ задачъ для изслѣдователей вятскихъ древностей.

2) Описаніе этихъ орудій можно найти еще въ статьяхъ Алабина Вят. Вѣд. 1865, 58 и 74. Коллекція Мышкина была представлена на Казанскій Археологическій Съѣздъ и была послѣ того описана въ трудѣ гр. Уварова о каменномъ вѣкѣ, причемъ съ нѣкоторыхъ предметовъ даны были рисунки. (Во II томѣ, стр. 13—15 и 112—115, таблица 2). Съ новымъ описаніемъ тѣ же вещи были доставлены на выставку при Ярославскомъ Съѣздѣ. (По указателю №№ 42—68).

Таблица I. № 1—6. Кремневые ножички съ тонкими остріями. №№ 1—4 взяты у крестьянъ д. Вынуръ, лежащей близъ р. Пижмы, № 5 найденъ близъ поч. Ахтамугова. № 7. Нуклеусъ изъ хорошаго сѣраго кремня, длиной 66, толщиною 15 мм. Гр. Уваровъ, № 181 табл. 9. Дер. Тужи. № 8. Нуклеусъ изъ темнаго кремня, короткій, съ широкимъ основаніемъ, длин. 31, шир. 28 мм. Гр. Уваровъ. № 180 табл. 9. Найденъ на Пижмѣ. № 9. Ножъ, грубо отбитый изъ красноватаго кремня, съ двумя гранями на одной сторонѣ. Дл. 90, шир. 30 мм. Гр. Уваровъ. № 3462, табл. 9. Отъ крестьянъ д. Вынуръ. № 10. Кремневый скребокъ типичной формы изъ прекраснаго матеріала и отличной работы. Дл. 100, шир. 27 мм. Изъ д. Скаты, Малм. уѣзда, по р. Вяткѣ. Остріе отбито крестьянами съ цѣлью узнать, какова должна получаться искра отъ «громовой стрѣлы». Искра получалась большая. (Этотъ скребокъ доставленъ въ Музей нами). № 11. Три обломка разбитаго ножа. Матеріалъ—свѣтлосѣрый роговикъ, работа грубая. Ножу придана форма длиннаго и узкаго скребка—дл. 163, шир. 25, толщ. 15 мм. Полученъ отъ крестьянъ дер. Вынуръ. № 12. Небольшой овальной формы скребокъ изъ темнаго кремня, тонкій и широкій, облицованъ тремя почти одинаковой величины гранями. Дл. 60, шир. 28, толщ. 5 мм. Гр. Уваровъ. № 3469. Изъ д. Вынуръ? № 13. Закругленный, лунообразный, плоскій ножъ изъ желтоватаго кремня, по предположенію Лерха, вставлявшійся въ ручку. (Коллекція Мышкина была осмотрѣна имъ въ декабрѣ 1865 г. и также описана въ Изв. Арх. Общ. 1866 г., VI, 2, 59). Дл. 87, шир. 25 мм. Гр. Уваровъ № 178, табл. 9. Найденъ близъ Пижмы.

учителю, теперь священнику с. Великорѣчинскаго, Яранскаго уѣзда А. Д. Жилину. Чрезъ инспектора народныхъ училищъ В. К. Магницкаго цѣлая коллекція каменныхъ оришутскихъ орудій была доставлена въ Музей Казанскаго Археолог. Общества. Коллекція эта намъ извѣстна. Состоитъ она главнымъ образомъ изъ множества осколковъ отъ орудій. Самыя любопытныя орудія въ ней — оригинальныя долота изъ опоки, встрѣченныя и въ другихъ мѣстностяхъ Уржумскаго уѣзда, а также на Камѣ и даже на костеносныхъ городищахъ. Долота эти очень толсты и обработаны изъ опоки, кремнистой или даже обыкновенной. Одна сторона ихъ плоска или нѣсколько округлена, другая, лицевая, всегда имѣетъ три грани, и тѣмъ напоминаетъ бронзовые кельты, отъ которыхъ эти долота, вѣроятно, и произошли. Въ той же коллекціи находятся въ большомъ количествѣ осколки скребковъ и ножей, нѣсколько стрѣлокъ (одна большая съ плечиками и насадомъ, другая маленькая). Любопытно, что опочныя долота всѣ очень подержаны, и быть можетъ занесены въ Оришуть изъ другой мѣстности, тогда какъ многочисленные осколки кремнистой опоки показываютъ, что ножи и стрѣлы обработаны на мѣстѣ[1]). 21—27). Семь орудій каменнаго вѣка присланы въ Казанское Археолог. Общество изъ сосѣднихъ съ Оришутью деревень: Салтанъ, Казаковки и Вѣрки. Это: a) толстое опочное долото болѣе двухъ вершковъ длиною, b) и c) обломки такихъ же долотъ, d) половина широкаго скребка, e) и f) обломки, но не нуклеусы, g) наконечникъ стрѣлы[2]). 28) Какія-то орудія найдены въ дер. Чумбари[3]). 29) Въ д. Катковщинѣ найдено ядрище изъ чернаго кремня съ бѣловатыми прослойками, длина 4 см., наибольшая ширина 3 см.[4]).

Съ Чепцы, важнѣйшаго лѣваго притока р. Вятки, мы знаемъ очень мало орудій каменнаго вѣка. Изслѣдователь чепецкихъ древностей, г. Первухинъ, собралъ свѣдѣнія, насколько намъ извѣстно, объ очень немногихъ мѣстахъ нахожденія такихъ орудій и имѣетъ отсюда въ своей коллекціи всего лишь нѣсколько клиньевъ и нуклеусовъ; вѣроятно, эти орудія заносились сюда случайно, а если принадлежатъ осѣдлому племени, то относятся къ сравнительно позднѣйшему періоду, именно ко времени чудской культуры. Мы лично по теченію Чепцы знаемъ только нѣсколько мѣстъ нахожденія каменныхъ орудій, но эти мѣста отстоятъ другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, и потому слѣдуетъ надѣяться, что подобныхъ мѣстностей при дальнѣйшемъ изученіи чепецкихъ древностей окажется несравненно болѣе. По нашимъ свѣдѣніямъ довольно много каменныхъ орудій находили въ полѣ дер. Стар. Поркаръ. Въ полѣ дер. Сянинской, Ежевской вол. нашли сѣраго цвѣта оваловидную кремневую стрѣлку. Обломокъ такой же стрѣлы найденъ въ д. Пушкаревской, недалеко отъ Рябиновскаго правленія. Вотякъ одной изъ прилежащихъ ст. Поркару деревень нашелъ желтоватаго камня точило, замѣчательное тѣмъ, что оно обдѣлано было въ мѣдную оправу. Толщиною оно было до $^1/_2$ вершка, съ одного конца прямо, съ другого кругло.

---

1) Каталогъ Казанской археологич. выставки, 7.
2) Каталогъ выставки, 7. Тамъ указаны размѣры упоминаемыхъ орудій.
3) Тамъ же.
4) Каталогъ Казанск. Отд. Моск. Антроп. выставки, стр. 11.

Съ болотистыхъ и лѣсистыхъ верховьевъ р. Вятки, мало населенныхъ и до сихъ поръ, мы не имѣемъ пока ни одного каменнаго орудія, — ни стрѣлы, ни скребка, ни молота. Находки ихъ попадаются по теченію рѣки начиная лишь отъ Слободскаго.

1) Вятскій фотографъ Тихоновъ въ маленькомъ лѣсу у Холуницкаго перевова нашелъ оригинальное орудіе, которое мы назвали бы всего охотнѣе земледѣльческой мотыкой. Орудіе это сланцевое, прекрасно отполировано, имѣетъ форму продолговатаго треугольника, съ сквознымъ отверстіемъ по срединѣ, длиною болѣе четверти. Утрачено. 2 и 3) Двѣ кремневыя стрѣлки получены отъ слободскихъ крестьянъ Лерхомъ[1]). 4) У учителя городскаго училища г. Рязанцева хранится каменная стрѣлка, найденная въ Хлыновской слободѣ въ Вяткѣ. 5) У Ѳ. Ѳ. Гусева въ Вяткѣ хранится прекрасный экземпляръ стрѣлы изъ голубаго кремня, найденный въ окрестностяхъ Вятки. 6) Въ дер. Курагиной и Вершининской въ окрестностяхъ Вятки находимы были очень оригинальныя, не яснаго назначенія гладкія, шлифованныя сланцевыя орудія. По разсказамъ, эти орудія продолговаты, безъ отверстій и болѣе всего напоминаютъ точильные бруски. По имѣющемуся у насъ обломку можно замѣтить только то, что они очень удобны для охватыванія рукою. 7) Поле съ громовыми стрѣлками указываютъ близъ с. Рябово, Вятскаго уѣзда. Оно находится между двумя параллельно текущими рѣчками, между селомъ и двумя деревеньками. 8) По свидѣтельству очевидца, каменный молотокъ, полированный, былъ найденъ въ Котельничѣ при постройкѣ завода Кардаковыхъ. 9) По указанію крестьянъ, кремневыя стрѣлки были находимы въ поляхъ около Скорняковскаго городища, за кладбищемъ гор. Котельнича. 9) Каменныя стрѣлки находимы были въ полѣ д. Топоровской, около Орлова, у городища. 11) Въ полѣ дер. Шустовской и сосѣдней кремневыя стрѣлы находятся нерѣдко, но ихъ не прибираютъ. По описанію крестьянъ онѣ имѣютъ удлиненную листовидную форму. 12) Стрѣлки изъ плотнаго сѣровато-голубаго камня (не кремня) находимы были въ полѣ с. Сорвижскаго[2]). 13) По сообщенію крестьянъ, въ поляхъ с. Кирмыжа находимы были кремневыя стрѣлки, но ихъ не приберегли. 14) Стрѣлка желтаго кремня найдена въ деревнѣ, ближайшей къ Лебяжскому городищу.

Значительно большее количество находокъ орудій каменнаго вѣка начинаетъ попадаться по р. Вяткѣ съ устья Кильмези. 15) Одинъ крестьянинъ д. Рыбныя Ватаги въ полѣ при своемъ селеніи, въ песчаномъ грунтѣ нашелъ кремневый наконечникъ стрѣлы въ вершокъ длиною. Стрѣла эта, судя по рисунку, широкая и съ неровными боками[3]). 16) По разсказамъ черемисъ, много каменныхъ стрѣлъ находили первые поселенцы въ поч. Павлуничи, расположенномъ на Кильмези, въ 15 в. отъ с. Кильмезь. 17) Ножъ и наконечникъ стрѣлы, оббивные, изъ желтоватаго кремня Малаховъ видѣлъ у крестьянъ д. Воробьевой[4]). 18) Находки кремневыхъ стрѣлъ, по разсказамъ крестьянъ, не составляютъ рѣдкости въ приходѣ с. Рѣшетниковскаго. 19) Каменный молотъ найденъ на нови въ полѣ дер. Черемисская Верхгоньба, Малорожкинской вол.,

[1]) Вят. Вѣд. 1865, 48.

[2]) Каталогъ древностей, 28.

[3]) „Новыя свѣдѣнія“, 10. Владѣлецъ стрѣлки думаетъ, что она очень полезна при родахъ, и по рѣдкости подобныхъ находокъ въ этой мѣстности не рѣшился разстаться съ нею даже на время.

[4]) *Малаховъ*, 15.

могли быть употребляемы мѣстными инородцами до позднѣйшей поры, а каменныя шлифованныя орудія встрѣчены на такихъ городищахъ, которыя невозможно отнести къ слишкомъ отдаленной порѣ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, яранскіе черемисы до послѣдняго времени закалывали своихъ жертвенныхъ животныхъ каменнымъ ножемъ, а насколько вѣроятно предположеніе, что здѣшніе инородцы и въ сравнительно недавнее время употребляли еще луки съ каменными стрѣлами, можно видѣть изъ того факта, что въ началѣ XVII в. даже и русское населеніе этого края для личной обороны имѣло только топоры, рогатины и стрѣлы[1]).

Если же принять, что всѣ найденныя въ Вятской губерніи каменныя орудія относятся къ каменному вѣку, то обозрѣніе всѣхъ находокъ позволяетъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

1) Въ глубокой древности была заселена только западная часть губерніи, правый, нагорный берегъ рѣки Вятки, особенно берега впадающихъ въ нее притоковъ Моломы и Пижмы, съ притокомъ послѣдней Юмомъ. Покрытая непроходимыми лѣсами, громадная мѣстность между лѣвымъ берегомъ Вятки и среднимъ теченіемъ Камы (кромѣ южной своей окраины) была недоступна для людей каменнаго вѣка.

2) Теченіе Камы и южная часть расположенныхъ по Пижмѣ и низовьямъ р. Вятки уѣздовъ заняты приволжской полосой шлифованныхъ орудій, а остальная часть западной половины губерніи представляетъ полосу мелкихъ кремневыхъ орудій.

3) Нѣкоторыя изъ вятскихъ каменныхъ орудій очень своеобразны, и если встрѣчены въ другихъ мѣстностяхъ, то какъ большая рѣдкость. Таковы упомянутыя выше: мотыкообразное орудіе изъ окрестностей г. Слободскаго, сланцевыя рукояти изъ-подъ Вятки, плоскій молотокъ эоценоваго песчаника изъ Елабужскаго уѣзда, опочныя долота. Сюда же причислимъ очень оригинальный песчаниковый топоръ изъ ананьинскаго могильника или его окрестностей онъ прикрѣпляется къ рукояти помощью однихъ ремней, какъ голышъ, и для ремней этихъ въ разныхъ мѣстахъ на поверхности топора выточены выемки; топоръ отдѣланъ старательно и очень красивъ[2]).

---

1) Древніе акты Вятскаго края, стр. 62.

2) Въ коллекціи Геологическаго кабинета Казанскаго Университета, бывшей на мѣстной выставкѣ 1890 г., мы насчитали до 45 экз. каменныхъ орудій изъ Вятской губ., почти исключительно изъ Уржумскаго уѣзда. По сдѣланному намъ пр. Штукенбергомъ заявленію коллекція эта будетъ издана Кабинетомъ и не можетъ быть до того времени никѣмъ описываема.

По сообщенію извѣстнаго собирателя каменныхъ орудій В. И. Заусайлова (Казань), въ его коллекціи, состоящей въ настоящее время почти изъ 2.000 экз., находится не менѣе 400 или 500 предметовъ изъ Вятской губерніи, преимущественно изъ Уржумскаго и Яранскаго уѣздовъ. Коллекція была на Казанской выставкѣ 1890 г., но мы не могли ею воспользоваться, такъ какъ не имѣли каталога къ ней.

Попытки Невоструева и Шишкина произвести въ могильникѣ раскопку долгое время не удавались, и только четыре года спустя, благодаря ихъ непрерывнымъ настояніямъ, удѣльное вѣдомство наконецъ разрѣшило изслѣдованіе ананьинскаго могильника, поручивъ его своему чиновнику Алабину, уже зарекомендовавшему себя литературными трудами. Алабинъ извѣстенъ за человѣка несомнѣнно умнаго, образованнаго и энергичнаго, но онъ не имѣлъ спеціально ученой и въ особенности археологической подготовки; принимаясь за раскопку, онъ не могъ предугадать, какое важное значеніе его труды будутъ имѣть впослѣдствіи, и все это, взятое вмѣстѣ, было причиною того, что раскопка вышла неудовлетворительной въ научномъ отношеніи. Изслѣдованіе огромнаго могильника произведено было импровизированнымъ археологомъ въ одинъ день, и уже судя по этому не могло быть достаточно внимательнымъ. Съ гибелью безцѣнной насыпи насъ можетъ примирить лишь то соображеніе, что раскопка ея могла быть произведена и хуже, если бы попала въ другія руки, и еще то обнаружившееся впослѣдствіи обстоятельство, что могильникъ былъ раскопанъ не вполнѣ.

Вотъ что въ общихъ чертахъ сообщаетъ Алабинъ о могильникѣ и найденныхъ въ немъ въ 1859 г. предметахъ, въ довольно большомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо сознаться, довольно запутанномъ отчетѣ о своей раскопкѣ[1]).

Могильникъ расположенъ вблизи г. Елабуги, за околицей подгородной дер. Ананьино, на самомъ краю второй террасы р. Камы, недалеко отъ прежняго устья р. Тоймы. Внѣшній видъ могильника совсѣмъ не соотвѣтствуетъ обычному нашему представленію о курганной насыпи: онъ представляетъ собою простое продолговатое, въ видѣ небольшой гривы возвышеніе, не имѣющее ни правильной формы, ни какихъ-либо другихъ признаковъ, что надъ нимъ потрудилась творческая воля человѣка. Хотя высота насыпи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до сажени, но при длинѣ окружности ея, доходящей до 70 саж., эта высота остается совершенно незамѣтною. Могильникъ насыпанъ вдоль берега и, кажется, не на ровной плоскости, а на береговомъ скатѣ. По мнѣнію г. Алабина могильникъ снаружи покрытъ былъ каменной одеждой (идущей впрочемъ не сплошь, а нѣсколькими дугами), но теперь мы имѣемъ основаніе утверждать, что найденныя имъ при раскопкѣ плиты частью составляли ложе для покойниковъ, частью, быть можетъ, были поставлены надъ костяками въ видѣ гробницъ, какъ думалъ еще въ 1859 году Шишкинъ, присутствовавшій при раскопкѣ въ качествѣ зрителя. Найденную внутри кургана землю Алабинъ называетъ черноземомъ (особенно въ верхнемъ слою), но чаще признаетъ ее пережженою землею и глиною и говоритъ, что въ насыпи можно было отмѣтить два, неравномѣрныхъ по массивности, слоя такой земли. Въ настоящее время выброшенная изъ могильника земля составляетъ однообразную смѣсь чернозема, угля, золы и обыкновенной земли, можетъ быть дѣйствительно пережженой[2]).

Въ раскопанной части могильника Алабинымъ было обнаружено до 50 костяковъ. Весьма немногіе изъ нихъ лежали группами по 2 и по 3, остальные положены были отдѣльно, на разстояніи приблизительно въ аршинъ. Кромѣ 4 костяковъ, всѣ прочіе

---

1) Вятск. Вѣд. 1859 г. 27—30 и Вѣсти. Геогр. Общества 1860, 6.

2) Кое-что въ данномъ описаніи могильника принадлежитъ намъ.

3) отдѣльныя головы, погребенныя въ могильникѣ, могли принадлежать плѣннымъ, тѣла которыхъ или сожигались, или даже, быть можетъ, были съѣдаемы (?); 4) костяки располагались по направленію къ югу; 5) остатки сожженныхъ покойниковъ помѣщались на одрѣ изъ угольевъ, каменномъ ложѣ или просто на пережженой землѣ; 6) вещи вообще полагались послѣ сожженія; 7) присутствіе лошадиныхъ костей доказываетъ, что при погребеніи убивались лошади.

Статьей г. Алабина о раскопкѣ ананьинскаго могильника воспользовался прежде всѣхъ Эйхвальдъ, нашедшій въ ней новые факты для доказательства своей извѣстной теоріи о широкомъ распространеніи чуди-скиѳовъ. Ученый академикъ соглашается со всѣми выводами Алабина, вполнѣ довѣряетъ его описанію и путемъ сравненія и всякаго рода соображеній продолжаетъ обрабатывать данный имъ матеріалъ. Статья Эйхвальда о могильникѣ[1]) заключаетъ въ себѣ очень цѣнныя мысли, но по недостаточности матеріала не могла дать многаго и прочно обоснованнаго. Въ ней подробно описаны найденные въ могильникѣ черепа и признаны финскими, указано сходство ананьинскихъ находокъ съ вещами изъ крымскихъ и сибирскихъ кургановъ, опредѣлено особенное значеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ находокъ, напр. сѣмянъ конопли. Ученый изслѣдователь усиленно проводитъ аналогію погребенія въ ананьинскомъ могильникѣ съ обычаемъ погребенія скиѳовъ по Геродоту и считаетъ даже возможнымъ предполагать, что погребенные въ могильникѣ скиѳы были современниками царя персидскаго Дарія (V в.); кромѣ того въ своей статьѣ онъ дѣлаетъ рядъ другихъ предположеній, напр. то, что всѣ 46 скелетовъ могильника были сожжены на многихъ небольшихъ кострахъ въ одинъ день и что въ общемъ курганъ представляетъ собою могилу важнаго владѣтеля погребеннаго вмѣстѣ съ женами, придворными и рабами, что при обрядѣ погребенія съѣдались лошади, свиньи, птицы и даже люди, что могильникъ происхожденіемъ своимъ обязанъ, быть можетъ, столкновенію южныхъ, прикавказскихъ скиѳовъ съ сѣверными, камскими.

Записка Алабина и доставленная имъ въ Географическое Общество коллекція побудили г. Лерха, отправленнаго въ 1865 г. для археологическихъ изысканій въ Вятскую и другія сѣверныя губерніи, обратить должное вниманіе и на ананьинскій могильникъ. Онъ предпринялъ дальнѣйшія раскопки въ насыпи, не особенно впрочемъ счастливыя, собралъ у крестьянъ небольшую коллекцію вещей и сдѣлалъ (надо сознаться очень рискованное) замѣчаніе, что бронзовые топоры могильника происходятъ прямо отъ топоровъ каменнаго вѣка[2]). Понадѣявшись на раскопку Алабина, Лерхъ не произвелъ въ могильникѣ основательныхъ развѣдокъ[3]).

Раскопка ананьинскаго могильника Лерхомъ признавалась долгое время окончательною, несмотря на увѣреніе Невоструева, что бока кургана остаются нетронутыми. Невоструевъ доставилъ на первый археологическій съѣздъ (1869 г.) обширную, достойную его учености, трудолюбія и основательности работу объ этомъ, имъ открытомъ могильникѣ, въ которой дѣлаетъ сводъ всего, что до того времени сдѣлано было для

---

[1]) Ueber Säugethierfauna въ Bulletin de la soc. des natur. de Moscou 1860, 4 стр. 458—479.
[2]) Не имѣлъ ли онъ въ виду указать на одни кельты?
[3]) Отчетъ Археолог. коммиссіи за 1865 г., стр. XIII—XIV.

нька вещи, такъ какъ почти всѣмъ вещамъ могильника найдены аналогичные предметы въ другихъ, притомъ очень отличныхъ другъ отъ друга, курганахъ.

Среди находокъ, добытыхъ съ могильника самимъ Невоструевымъ, представляетъ большую научную цѣнность извѣстная опочная плита съ изображеніемъ человѣка, нѣсколько разъ изданная и описанная. Невоструевъ находитъ, что вооруженіе и украшенія изображеннаго на камнѣ лица вполнѣ походятъ на тѣ, какія добыты въ самомъ могильникѣ, и проводитъ аналогію ихъ со скиѳскими.

Обсуждая вопросъ о времени, когда могильникъ могъ быть насыпанъ, Невоструевъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ принадлежитъ не къ концу бронзоваго вѣка, а къ другому, болѣе отдаленному періоду этого вѣка. Въ доказательство своей мысли изслѣдователь приводитъ слѣдующіе факты: желѣзныя вещи встрѣчаются и въ древнихъ курганахъ бронзовой поры, а въ ананьинскомъ ихъ сравнительно немного, составъ ананьинской бронзы древній, рисунки украшеній первоначальныя, кельты имѣютъ древнюю форму безъ ушковъ, въ могильникѣ нѣтъ тѣхъ замысловатыхъ украшеній и предметовъ бронзовой поры, какія найдены въ позднѣйшихъ западныхъ и скиѳскихъ могилахъ, символическіе предметы имѣютъ сходство съ ассирійскими. Обозрѣвъ существующія въ наукѣ мнѣнія о началѣ и распространеніи бронзоваго вѣка въ Европѣ, Невоструевъ находитъ, что они не объясняютъ древностей ананьинскаго могильника, и создаетъ самостоятельную теорію о происхожденіи этого вѣка въ восточной Европѣ отъ азіатскихъ скиѳовъ, имѣвшихъ сношенія съ Персіею и Ассиріею и хорошо извѣстныхъ Птоломею[1]).

Дальнѣйшая исторія изученія ананьинскаго могильника тѣсно связана съ дѣятельностью возникшаго въ 1878 г. въ Казани Археологическаго Общества. Въ 1879 г. могильникъ былъ осмотрѣнъ предсѣдателемъ Общества П. Д. Шестаковымъ; тогда же произведена была на немъ небольшая раскопка[2]). Въ томъ же 1879 году Ананьино было посѣщено членомъ Общества Н. А. Толмачевымъ, который, много времени спустя, въ 1881 г., на Ярославскомъ съѣздѣ, демонстрировалъ рисунки пріобрѣтенныхъ имъ тогда вещей и представилъ нѣкоторыя соображенія о насыпавшей могильникъ народности[3]). Вскорѣ послѣ основанія Общества были доставлены въ его музей отдѣльные предметы изъ могильника гг. Бушмакинымъ и особенно Пасынковымъ, въ довольно значительномъ количествѣ[4]). Имѣя въ виду особенную важность изслѣдованія могильника, Общество въ 1881 году поручило своему дѣятельному члену П. А. Пономареву произвести окончательную раскопку его. Раскопка эта, продолжавшаяся около двухъ недѣль, была ведена вполнѣ научно и, несмотря на прежде бывшія расхищенія могильника, дала прекрасные результаты. Найденъ былъ нетронутый склепъ, гдѣ обнаружено 10 костяковъ съ сопровождающими ихъ бронзовыми, желѣзными, каменными и даже серебряными вещами; двѣ могилы принадлежали повидимому начальникамъ[5]).

---

[1]) Труды I Арх. Съѣзда II, 595—632. Въ болѣе краткомъ видѣ въ Древностяхъ т. III в. 1, 189 (1871 г.).

[2]) Въ Извѣстіяхъ Общества т. II, стр. 128—134 и Вятск. Вѣдомости 1881 г. 20 и 23 (перепечатка).

[3]) Извѣстія о занятіяхъ Съѣзда № 11.

[4]) Протоколы Общества т. IV, 28 и 34.

[5]) Къ сожалѣнію, описаніе этой раскопки еще не издано, и мы знаемъ о ней лишь по краткимъ замѣткамъ Малахова и въ изданіяхъ Общества. *Малаховъ,* Къ антропологіи Вятскаго края, 17—19. Отчетъ Общества за 1881 г. стр. 10. Каталогъ выставки 1882 года, стр. 8—18. Протоколы т. IV стр. 34.

Отдѣльныя находки. Еще г. Лерхъ въ 1865 г. писалъ, что экземпляры бронзоваго оружія часто попадаются въ окрестностяхъ Елабуги. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время мы можемъ указать довольно много отдѣльныхъ находокъ бронзоваго вѣка въ районѣ ананьинскаго и пьяно-борскаго могильниковъ. Такъ около Елабуги найдены:

1) Великолѣпный экземпляръ бронзовой сѣкиры съ головою дракона на обухѣ и головою орла надъ втулкой. Хранится въ коллекціи гр. Уварова и изображенъ въ каталогѣ ея подъ № 90. Подобныхъ сѣкиръ извѣстно пока три экземпляра, и два изъ нихъ найдены въ Ватской губерніи, на Камѣ. Второй экземпляръ доставленъ въ Геологич. Кабинетъ Казанскаго университета изъ Воткинскаго завода, а третій найденъ на берегу рѣки Пинеги въ Архангельской губерніи.

2) Красивый небольшой кельтъ съ городчатымъ украшеніемъ вдоль отверстія и съ большимъ ушкомъ съ боку. Атласъ Аспелина рис. 194.

3) Сѣкира съ втулкой по срединѣ и головой животнаго на обухѣ, типа ананьинскаго. Тамъ же, рис. 242.

4) Кинжалъ съ тонкой ручкой, оканчивающейся бляхою и имѣющей посрединѣ утолщеніе. Лезвее обоюдоострое. Тамъ же, рис. 171.

5) Большое пламевидной формы копье со втулкой и ушкомъ на боку для прикрѣпленія. Тамъ же, рис. 22.

6) Два мѣдные серпа. Находятся въ музеѣ Казанскаго археолог. Общества. На находку серповъ г. Лихачевъ смотритъ, какъ на особенно важное доказательство существованія по Камѣ самостоятельнаго бронзоваго періода[1]).

7) Мѣдное кайло. Тамъ же.

8) Мѣдная кирка, состоящая изъ стержня съ массивнымъ утолщеніемъ для втулки на одномъ концѣ. Тамъ же.

9) Мѣдная кирка безъ отверстія. Прикрѣплялась при помощи особыхъ выступовъ, вылитыхъ по бокамъ. Находится тамъ же.

10) Въ 1854 году учитель Елабужскаго уѣзднаго училища представилъ директору Вятской гимназіи, своему начальнику, мечеобразный предметъ съ кабаньей головой[2]).

11) Въ деревнѣ Пустобаевой найдено оригинальное копье ананьинскаго типа, изображенное у Аспелина (рис. 250). Оно состоитъ изъ втулки, къ бокамъ которой примыкаютъ плоскія дугообразныя лопасти, имѣющія близъ втулки такія же вырѣзки.

12) По свѣдѣніямъ Ватскаго Статистическаго Комитета, при распашкѣ нови поч. Рождественскаго, Асановской вол. найдены: особенной формы мѣдный топоръ, кинжалъ, жерновà изъ дикаго камня и большая мѣдная игла[3]). Можетъ быть этотъ самый топоръ находится теперь въ Казанскомъ музеѣ. Онъ изящной формы съ расширеннымъ остреемъ и прочной втулкой на обухѣ[4]).

головки на обухѣ, 8 мѣдныхъ стрѣлокъ, 5 наконечниковъ стрѣлъ изъ обыкновеннаго кремня, опочнаго кремня и эоценоваго песчаника, красивый песчаниковый молотъ, нѣсколько бляшекъ отъ поясного набора, три черепка и желѣзная стрѣла типа Ижевскаго городища, вѣроятно найденная въ другомъ мѣстѣ.

[1]) Волжскій Вѣстникъ 1887 г. 318.

[2]) Въ архивѣ гимназіи дѣло 1854 г. № 16. Кажется это орудіе было выпахано близъ Чортова городища.

[3]) Каталогъ древностей стр. 56.

[4]) Каталогъ выставки, стр. 38.

щупомъ дно ямы, крестьянинъ замѣтилъ, что щупъ идетъ свободно. Находокъ при раскопкѣ кургана никакихъ не было найдено. По увѣренію крестьянъ, другихъ подобныхъ возвышеній въ окрестности нѣтъ.

Въ мѣстной литературѣ есть еще неопредѣленное указаніе на развалившійся курганъ въ полѣ одного починка Кокшагскаго прихода, Яранскаго уѣзда. Въ немъ, по молвѣ, сложено имущество ушедшихъ отсюда черемисъ, сохранившееся по предположеніямъ и до сихъ поръ, но никто не рѣшился приняться за его разыскиваніе [1]).

---

1) Вятск. Вѣдом. 1865 г., 39. На Казанской выставкѣ 1890 г. мы видѣли сплющенный мѣдный кельтъ грубой обработки и почти безъ орнамента, съ отмѣткой, что онъ полученъ изъ дер. Якасуръ Карак-солинск. вол., Уржумскаго уѣзда. Находка эта любопытна тѣмъ, что упомянутая волость находится далеко отъ берега р. Вятки, въ самой глубинѣ уѣзда.

[illegible] культура Вятскаго края и костеносныя городища.

[illegible] несмотря на добросовѣстныя попытки ученыхъ путемъ внима-
[illegible] точно опредѣлить мѣсто, занимаемое ананьинскимъ могильникомъ
[illegible] древностей. онъ остается для насъ до сихъ поръ совер-
[illegible] какому народу могильникъ принадлежитъ, гдѣ были мѣста
[illegible] народа, каковъ былъ его образъ жизни — всѣ эти вопросы
[illegible] даже приблизительно. Хотя изученіе камскихъ древно-
[illegible] значительные успѣхи, ананьинскій могильникъ до
[illegible] такимъ же таинственнымъ и одиночнымъ археологическимъ фак-
[illegible] ученымъ въ 1859 году. Особенно поражаетъ и
[illegible] могильника отъ прочихъ камскихъ древностей:
[illegible] чтобы гдѣ-нибудь вблизи не нашлось древностей ана-
[illegible] той же культурности. Раздумывая надъ вопросомъ,
[illegible] вятскихъ и камскихъ древностей ананьинскій могиль-
[illegible] остановили свое вниманіе на такъ-называемыхъ косте-
[illegible] могильника и городищъ на первый взглядъ столь
[illegible] не рѣшился указать на возможность очень близкой
[illegible] изученіе ихъ, на нашъ взглядъ, показываетъ,
[illegible] существуетъ. Вотъ соображенія, ведущія насъ
[illegible] могильникъ и костеносныя городища принадлежатъ

[illegible] что предметы древности изъ могиль-
[illegible] другъ съ другомъ. Если въ могильникѣ
[illegible] и довольно богатыми украшеніями,
[illegible] обыкновенный человѣкъ того же
[illegible] что всѣ люди того же народа
[illegible] сложенія. Цари и вельможи
[illegible] Богатство и разнообразіе до-
[illegible] свидѣтельствомъ того, что ихъ также
[illegible] находкамъ въ могилахъ, особенно
[illegible] ежедневномъ бытѣ оставившаго
[illegible] городищахъ мы находимъ издѣлія
[illegible] еще не слѣдуетъ, что
[illegible] и желѣзнаго вооруженія. Из-
[illegible] не по матеріалу, а по

формамъ, — въ отношеніи же формъ ананьинскій могильникъ и костеносныя городища имѣютъ такъ много сходнаго, что это сходство невольно заставляетъ задуматься.

Прежде всего мы должны отмѣтить тотъ важный, рѣзко бросающійся въ глаза фактъ, что находимые на костеносныхъ городищахъ предметы въ отношеніи разнообразія формъ и изящества выполненія, какъ это мы увидимъ далѣе, почти нисколько не уступаютъ находкамъ изъ могильника. Богатые и знатные люди извѣстнаго племени имѣли возможность пользоваться орудіями и украшеніями металлическими, бѣдняки и люди средніе того же племени должны были дѣлать всѣ такіе предметы изъ матеріала болѣе доступнаго — кости и камня; вотъ откуда, по нашему мнѣнію, идетъ столь рѣзкое отличіе между костеносными городищами и могильникомъ въ отношеніи матеріала встрѣченныхъ на нихъ издѣлій. Не останавливаясь здѣсь далѣе на вопросѣ о неожиданномъ на первый взглядъ богатствѣ культуры костеносныхъ городищъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію формъ и изображеній интересующихъ насъ предметовъ древности.

Кельты, одни изъ характернѣйшихъ орудій ананьинскаго могильника, найдены также и на костеносныхъ городищахъ. На выставку при Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ изъ Казани было доставлено пять бронзовыхъ кельтовъ съ камскихъ и вятскихъ костеносныхъ городищъ, да одинъ найденъ нами на буйскомъ городищѣ. Большинство кельтовъ найдены въ сплавленномъ видѣ или безъ орнамента, но среди ихъ есть одинъ совершенно ананьинскаго типа и рисунка (Невоструевъ, рис. 2); въ музеѣ Казанскаго Археологическаго Общества хранится половина формы для отливки кельта точно такого же типа и тоже изъ находокъ съ костеноснаго городища. По коллекціи предметовъ съ костеносныхъ городищъ, находящейся въ упомянутомъ музеѣ, можно заключить, что кельты на этихъ городищахъ нерѣдко замѣнялись кельтообразными долотами изъ кремнистой опоки — и обломокъ именно такого долота былъ пріобрѣтенъ нами у ананьинскаго крестьянина.

Ананьинскія *бронзовыя сѣкиры* по типу очень похожи на оригинальныя ударныя орудія костеносныхъ городищъ: ихъ стержень всегда такъ же круглъ, какъ у послѣднихъ, и обухъ незначителенъ (Невоструевъ, рис. 11 и 12). На нѣкоторыхъ добытыхъ изъ могильника черепахъ видны круглыя сквозныя отверстія — слѣды ударовъ боевымъ оружіемъ; еслибы неизвѣстны были ананьинскія сѣкиры, можно было бы допустить, что удары эти были нанесены круглымъ костянымъ молотомъ, какихъ много найдено на костеносныхъ городищахъ.

Нѣсколько подобныхъ ананьинскимъ бронзовыхъ *наконечниковъ стрѣлъ* находится въ музеѣ Казанскаго Археологическаго Общества въ коллекціи предметовъ съ камскихъ костеносныхъ городищъ[1]). Иногда форма костяныхъ стрѣлокъ прямо напоминаетъ бронзовыя: такова напримѣръ найденная нами на пижемскомъ городищѣ небольшая треугольная костяная стрѣлка съ круглой втулкой. Что это иное, какъ не ясное подражаніе металлическому образцу? Что, кромѣ желанія сдѣлать изъ дешеваго матеріала столь же совершенный предметъ, могло заставить мастера трудиться надъ вытачиваніемъ въ кости значительнаго углубленія? Костяныя стрѣлы костеносныхъ городищъ, какъ и мѣдныя

---

[1]) Указатель выставки при VII Археолог. Съѣздѣ, стр. 74.

[illegible] изображено [illegible] трубчатыхъ [illegible] часть [illegible] въ у[illegible] и въ могильник[illegible] [illegible] стружки [illegible] [illegible].

Найденные [illegible] форм[illegible] [illegible] значительно [illegible]

Шило, [illegible] найдены на [illegible] городищахъ [illegible] Найденный въ могильник[illegible] [illegible] городищахъ [illegible] Невострuева [illegible] форму [illegible] шарообразную.

Изъ [illegible] городищъ [illegible] такого же круглаго [illegible] формы [illegible] Невострuевъ, рис. [illegible].

[illegible] характерной формой для [illegible] городищъ [illegible] небольшія [illegible] кружки съ отверстіемъ по [illegible] и [illegible] съ какими-нибудь изображеніями на лицевой сторонѣ [illegible] по всей [illegible] подвѣски на ожерельяхъ. Подобные по величинѣ и формѣ кружки [illegible] и въ ананьинскомъ могильникѣ, но здѣсь они не [illegible] какъ на городищахъ, а металлическіе, и не съ однимъ отверстіемъ, а съ [illegible] Невострuевъ рис. [illegible] и [illegible].

Ананьинскія пронизки изъ [illegible] въ [illegible] вполнѣ напоминаютъ подобныя же изъ кости, находимыя на городищахъ. Въ [illegible] Казанскаго Археологическаго Общества хранится замѣчательное ожерелье изъ [illegible] съ [illegible] или нефритовыми подвѣсками, найденное на какомъ-то костеносномъ городищѣ; какъ извѣстно, такія бусы въ очень незначительномъ количествѣ найдены и въ могильникѣ. Подобная ананьинской конусообразная полая привѣска (Невострuевъ, рис. 40) найдена на буйскомъ костеносномъ городищѣ. Самыми характерными изъ добытыхъ въ ананьинскомъ могильникѣ украшеній слѣдуетъ считать мѣдныя [illegible] набора, разныхъ формъ котораго много изображено въ таблицахъ Невострuева (рис. 30 и др.). Насъ сильно смущало то обстоятельство, что до послѣдняго времени не было найдено ни одного образца такого набора ни на одномъ извѣстномъ костеносномъ городищѣ; наконецъ [illegible] одна бронзовая пряжка съ рубчатымъ украшеніемъ, несомнѣнно ананьинскаго типа (Невострuевъ, рис. 33) была найдена нами на пижемскомъ костеносномъ городищѣ, и слѣдовательно есть надежда, что современемъ на костеносныхъ городищахъ найдутся и другія формы ананьинскаго поясного набора, равно какъ и другихъ мелкихъ металлическихъ украшеній.

На костеносныхъ городищахъ совсѣмъ не найдено кинжаловъ, какихъ не мало собрано въ могильникѣ, но это обстоятельство можетъ быть объяснено мирнымъ на-

значеніемъ городищъ и недостаткомъ въ изысканіяхъ. Въ свою очередь, въ могильникъ не могли проникнуть предметы общежитія, въ обиліи находимые на городищахъ: вязальныя иглы, лопаточки, ложки, гребни, удочки, остроги и т. п.

Мы перечислили, можно сказать, всѣ типичныя формы орудій, какъ для могильника, такъ и для городищъ, и нашли, что они или одни и тѣ же, или весьма сходны. Но есть вещи, весьма обильныя на костеносныхъ городищахъ и совершенно отсутствующія въ ананьинскомъ могильникѣ — костяныя стрѣлы (другихъ подобныхъ вещей мы не знаемъ). Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Почему вообще такихъ подѣлокъ изъ кости не попало въ могильникъ, что повидимому неизбѣжно при предположеніи, что могильникъ и костеносныя городища принадлежатъ одной культурѣ? Трудно отвѣтить на такой вопросъ. Можетъ быть потому, что костяные предметы не считались достаточно почетными, цѣнными, можетъ быть потому, что эти предметы совершенно испепелялись на кострѣ; во всякомъ случаѣ этотъ фактъ, при всей необъяснимости своей, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ всѣмъ прочимъ, согласно говорящимъ за аналогію культуръ могильника и городищъ. Въ пользу аналогіи между разсматриваемыми древностями приведемъ еще нѣкоторыя данныя.

Древности Ананьинскаго могильника съ древностями костеносныхъ городищъ очень сближаетъ общая любовь оставившихъ ихъ народностей къ снабженію оружія и другихъ предметовъ *украшеніями въ видѣ животныхъ*. На сѣкирахъ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ Ананьинскаго могильника вы встрѣтите изображенія орла, кабана, медвѣдя и дракона (см. у Невоструева), — и головками тѣхъ же животныхъ обитатель костеносныхъ городищъ украшалъ свои ручки для ножей, кружки, удочки и пр.; онъ, можетъ быть, даже болѣе разнообразилъ свои украшенія, такъ какъ на предметахъ съ костеносныхъ городищъ найдены еще изваянія лося (особенно часто), коня и, можно думать, — собаки. Среди изображеній животныхъ особенное вниманіе обращаютъ на себя, конечно, изваянія дракона; какъ иначе эти изображенія могли проникнуть на костеносное городище, если не подъ ближайшимъ вліяніемъ бронзовой культуры? Изображеніе дракона найдено на костеносныхъ городищахъ не въ одномъ экземплярѣ, — но особенно замѣчательно то, которое вырѣзано на каменномъ кружкѣ съ Пижемскаго городища: оно представляетъ рѣшительное сходство съ изображеніемъ дракона на пряжкѣ, найденной въ Ананьинскомъ могильникѣ (Невоструевъ, рис. 54[1]).

Аналогія между костеносными городищами и Ананьинскимъ могильникомъ представлялась невозможною, между прочимъ, потому, что находимыя на нихъ гончарныя издѣлія казались совершенно различными. Черепокъ костеносныхъ городищъ — великъ, крѣпокъ, звонокъ и грубъ по орнаменту; черепокъ ананьинскій — мелокъ, слабъ и нерѣдко снабженъ сложнымъ и затѣйливымъ орнаментомъ. Но внимательный разборъ вывезенныхъ нами съ костеносныхъ городищъ черепковъ показалъ, что на нихъ встрѣ-

[1]) Во II вып. Antiquités Acnetuna (1877 г.) который намъ удалось лишь недавно увидѣть, мы нашли новыя данныя, подтверждающія наше мнѣніе. Въ немъ среди предметовъ Ананьинскаго могильника на рис. 423 изображена поломанная костяная ручка для ножа, украшенная изваяніемъ какого-то животнаго, длиною $2^1/_2$ вершка, на другомъ — такая же бронзовая ручка съ изображеніемъ головы фантастической птицы, на рис. 65 представлена бляшка отъ поясного набора, аналогичная съ найденной на Пижемскомъ городищѣ, а на рис. 435 даже трехгранная *костяная стрѣлка* обычной формы костеносныхъ городищъ.

чаются, хотя сравнительно рѣдко, черепки отъ сосудовъ, вполнѣ похожихъ по формѣ, составу глины и орнаментамъ на ананьинскіе.

Черепки ананьинскихъ глиняныхъ сосудовъ особенно близки къ черепкамъ съ Тихогорскаго городища, находящагося на Камѣ и въ то же время почти въ долинѣ р. Тоймы. Составъ черепковъ одинъ и тотъ же: сѣрая съ раковинною примѣсью глина, желтѣющая на поверхности. И тутъ, и тамъ встрѣчаются черепки изъ черной глины безъ примѣси, но одинаково рѣдко. Плотность черепковъ совершенно одинаковая. Отличія не существенны: на тихо-горскомъ городищѣ встрѣчены черепки желтой глины и съ крупною раковинною примѣсью, какихъ нѣтъ въ могильникѣ[1]), узоръ ананьинскихъ сосудовъ мелокъ, сложенъ и разнообразенъ, орнаментъ черепковъ тихо-горскаго городища хотя также сложенъ, но однообразнѣе (состоитъ преимущественно изъ различныхъ сочетаній веревчатыхъ линій). Предположите къ тому же, что погребальные сосуды дѣлались иначе, чѣмъ обыкновенные, и различіе въ гончарныхъ издѣліяхъ не представится столь поразительнымъ, какимъ оно кажется на первый взглядъ.

Вмѣстѣ съ черепками, въ могильникѣ и на костеносныхъ городищахъ всегда встрѣчаются цѣлые и битые куски крупной гальки, употребляемой, какъ намъ кажется, для скорѣйшаго нагрѣванія воды въ сосудахъ. Въ могильникѣ найдены кости животныхъ, въ изобиліи попадающіяся и на костеносныхъ городищахъ: лошади, быка, бобра, осетра, раковины Сургаеа. Довольно многочисленные слѣды существованія у обитателей костеносныхъ городищъ литейнаго искусства (находки тиглей и даже формъ) составляютъ, конечно, одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ близости этихъ городищъ къ бронзовому вѣку.

Приведенные факты даютъ ли серьезное основаніе признавать, что культуры ананьинскаго могильника и костеносныхъ городищъ близки между собою? Думаемъ, что да, но мы, конечно, не рѣшаемся утверждать, что тѣ и другіе памятники древности принадлежатъ непремѣнно одному народу и одному времени: это можно только предполагать[2]).

---

[1]) Впрочемъ помнится, что такіе черепки есть въ музеѣ Казанскаго Археологич. Общества, съ обозначеніемъ, что они взяты съ ананьинской дюны.

[2]) Наши соображенія впервые высказаны въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» 1888, 165 (перепечатка въ «Вятскихъ Вѣдом.» № 64).

Обыкновенно молоты отдѣлывались очень старательно, но иногда они подвергались только грубой обработкѣ, вѣроятно, преднамѣренно. Острія обработывались довольно тупо, конечно въ видахъ того, чтобы не ломались при ударѣ; когда же кость была слишкомъ тупа, въ полую середину ея ущемлялась костяная заостренная палочка[1]). Отверстій для прикрѣпленія наконечника бывало вообще немного, обыкновенно два или даже одно, рѣже три или четыре, еще рѣже не было ни одного; ширина отверстій не толще гусинаго пера. — Сильный ударъ такого оружія могъ безъ труда раздробить черепъ животнаго и долженъ былъ сразу нанести ему смертельную рану. Костяной молотъ по способу употребленія и прикрѣпленія играетъ роль сѣкиръ бронзовой поры и особенно близко напоминаетъ сѣкиры-молоты Ананьинскаго могильника. Молотовъ изъ оленьяго рога, подобныхъ найденнымъ на камскихъ костеносныхъ городищахъ[2]), вятскія пока не дали; но здѣсь встрѣчено нѣсколько обрубковъ лосиныхъ роговъ съ довольно длинной рукоятью, которые могли съ удобствомъ выполнять назначеніе молотовъ.

Стрѣлы разнообразныхъ формъ на костеносныхъ городищахъ встрѣчаются во множествѣ; видно, что онѣ составляли наиболѣе распространенный и удобный видъ оружія.

При раскопкахъ чаще всего попадаются стрѣлы плоскія четырехгранныя съ короткимъ насадомъ и довольно тупымъ остріемъ и такія же трехгранныя; совершенно плоскихъ, безъ граней, мало; много попадается длинныхъ стрѣлъ съ тремя рѣзко очерченными гранями, въ разрѣзѣ представляющими равносторонній треугольникъ, и почти нѣтъ круглыхъ. Большинство стрѣлъ длинныя и не широкія, съ округленными плечиками, немногія съ прямыми. Насадъ вообще очень короткій, но иногда бываетъ и длинный; попалась маленькая трехгранная стрѣлка, съ попыткой выточить въ ней круглую втулку, очевидное подражаніе бронзовому наконечнику стрѣлы. Обыкновенная величина стрѣлъ менѣе $1^1/_2$ вершка, но нерѣдко можно встрѣтить очень малыхъ размѣровъ.

Остроги и подобныя имъ неопредѣленныя орудія встрѣчаются сравнительно рѣдко. По величинѣ своей онѣ бываютъ всегда болѣе стрѣлъ; формы разнообразны.

Находка костяныхъ *удочекъ* не составляетъ рѣдкости. Сравнительно съ нынѣшними такія удочки велики и вѣроятно употреблялись для ловли большихъ рыбъ. Въ широкой части удочки провертывались два отверстія, чрезъ которыя продѣвалась шерстяная или жильная леса.

Ножи и ножички. Костяные ножи не могли имѣть большаго значенія и употреблялись почти исключительно для сниманія шкуръ съ убитыхъ звѣрей. Самые большіе и острые ножи готовились изъ широкихъ и длинныхъ (до четверти длиною) реберъ животныхъ, причемъ острый конецъ закруглялся и по возможности оттачивался, а позвонокъ служилъ довольно удобной ручкой. Нѣкоторые ножи встрѣчены безъ позвонка, вѣроятно потому, что вкладывались въ какую-нибудь ручку. Ребра нѣкоторыхъ ножей очень остры и крѣпки, на иныхъ можно видѣть щербинки — слѣды употребленія. Большіе костяные ножи встрѣчаются сравнительно рѣдко, и несравненно болѣе распро-

---

[1]) Экземпляръ такого наконечника найденъ П. А. Пономаревымъ на Сорочьей горѣ. Каталогъ выставки 1882 г., стр. 32, № 254.

[2]) Каталогъ выставки 1882 г., стр. 34, № 248 и Указатель выставки при Яросл. съѣздѣ, стр. 75.

срединѣ, которые, кажется, входили въ составъ ожерелья. Иногда они украшались изображеніями, и можетъ быть составляютъ мѣстное подражаніе подобнымъ же бронзовымъ и нефритовымъ кружкамъ, прекрасные экземпляры которыхъ на сохранившемся въ цѣлости ожерельѣ найдены на одномъ изъ камскихъ костеносныхъ городищъ[1]).

Всѣ костяныя издѣлія съ костеносныхъ городищъ обработаны весьма искусно, иногда художественно. На нѣкоторыхъ предметахъ, особенно на ручкахъ ножей и на лопаточкахъ, часто встрѣчаются рельефныя изображенія различныхъ фигуръ. Такъ какъ мысль и интересы обитателей этихъ городищъ сосредоточивались почти исключительно въ предѣлахъ животнаго царства, то именно изъ этого источника и взяты всѣ темы для рисунковъ и украшеній. Чаще всего встрѣчаются изображенія лося, иногда медвѣдя, лисицы, кабана, свиньи, лошади, изрѣдка изображенія дракона и другихъ фантастическихъ звѣрей.

Желѣзныхъ предметовъ и издѣлій на костеносныхъ городищахъ найдено очень мало: такъ напр. въ Пижемскомъ городищѣ на 900 находокъ приходится всего 6 желѣзныхъ (т.-е. $^2/_3 {}^0/_0$). При дороговизнѣ металла вещи изъ желѣза имѣлись лишь наиболѣе необходимыя: орудія для первоначальной обтески костей, ножи и буравы для сверленія отверстій. Топоровъ и рѣзцовъ для обрубки и начальнаго обтесыванья кости еще не найдено, но слѣды ихъ употребленія на неконченныхъ предметахъ ясны; они были долотообразны, съ острымъ, нѣсколько округленнымъ концомъ. Ножи, употреблявшіеся для окончательной обработки костяныхъ вещей, найдены въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ; они не очень велики, обыкновенно серповидны и часто снабжены изукрашенной костяной ручкой. Для просверливанія въ кости отверстій, употреблялись четырехгранныя, довольно хорошо закаленныя шилья болѣе вершка длиною. Въ незначительномъ количествѣ найдены обломки другихъ желѣзныхъ предметовъ, но вообще они очень не разнообразны; намъ извѣстенъ только одинъ экземпляръ желѣзной стрѣлы и одинъ желѣзный наконечникъ копья.

Нѣсколько больше, чѣмъ желѣзныхъ предметовъ, найдено подѣлокъ изъ мѣди и бронзы. Среди ихъ особенно замѣчательны кельты, которые на костеносныхъ городищахъ не составляютъ единичнаго явленія, такъ какъ найдены и на камскихъ и на вятскихъ городищахъ. Одни кельты ананьинскаго типа, съ простыми прямыми узорами, другіе меньшей величины и другой формы, но также безъ ушковъ. Кромѣ кельтовъ найдены: обыкновенныя двуперыя стрѣлки, иглы, шилья, кольца и разныя украшенія; подвѣсокъ чудского типа не найдено.

Найдены не только самые предметы изъ мѣди и бронзы, но также и слѣды самостоятельнаго литья металлическихъ издѣлій — тигли и формы. Тигли встрѣчены дре-

[1]) Отдѣльныя находки нефритовыхъ кружковъ въ разныхъ мѣстахъ Вятской губерніи не представляются слишкомъ необычайными. Около 1869 года г-жа Раевская писала въ Вятскій музей (по поводу подобнаго кружка, посланнаго ей отсюда съ замѣчаніемъ, что онъ найденъ на нижневотскомъ городищѣ), что много такихъ кружковъ она видѣла въ одномъ изъ кладовъ, полученныхъ изъ нашей губерніи въ Археолог. Коммиссіи. Два кружка (одинъ бѣлый, съ прямымъ краемъ и четыреугольнымъ отверстіемъ посрединѣ, другой опаловидный, обычной формы) найдены у устья рч. Шурминки г. Васнецовымъ («Каталогъ Казанской выставки», стр. 33). Три кружка какъ подвѣски къ иконамъ хранятся въ вятской Срѣтенской, вятской Преображенской, истобенской Никольской церквахъ и въ церкви с. Ильинскаго Нолинскаго уѣзда.

Обѣ боковыя стороны городища покрыты дерномъ и кустами; на лѣвой нами обнаружена осыпь зольнаго культурнаго слоя, настолько массивная, что кажется намъ заслуживающею внимательнаго изученія. Произведенныя здѣсь развѣдки дали значительное количество черепковъ, битые камни (галька), часть известковаго жернова, раздробленныя кости животныхъ (свиньи, лошади и др.), обломокъ костяной вещицы (ножичка). Находки, взятыя всѣ въ совокупности, даютъ право причислять Тихо-Горское городище къ числу костеносныхъ. Дальнѣйшее изученіе его представляется весьма интереснымъ въ виду того обстоятельства, что найденные на немъ черепки оказались весьма близкими къ черепкамъ ананьинскаго могильника.

Въ 1859 г. Тихо-Горское городище описано Алабинымъ, подъ именемъ кургана[1]). Описаніе это не даетъ характерныхъ чертъ, но по немъ можно видѣть, что 30 лѣтъ тому назадъ валъ городища находился въ такомъ же разрушенномъ состояніи, какъ и нынѣ. Въ 1881 г. городище было изслѣдовано Пономаревымъ и Лихачевымъ[2]), лѣтомъ 1887 года осмотрѣно мною.

2) *Свиногорское* городище находится на устьѣ р. Вятки, противъ Граханскаго[3]). Городище расположено на мысу между двумя глубокими оврагами, которые сливаются затѣмъ въ одинъ и выходятъ на широкій заливной берегъ Вятки, которая свыше 100 лѣтъ тому назадъ перемѣнила русло и передвинулась къ западному, правому берегу. Свиногорское городище самое большое изъ костеносныхъ и въ настоящемъ своемъ видѣ, а между тѣмъ можно предполагать, что оно оборвалось слѣва почти на половину. Валъ серпообразенъ. Ровъ замѣняется широкимъ ложкомъ. Площадь городища идетъ наклонно двумя скатами, и настолько велика, что на ней расположены двѣ полосы пашни[4]).

Культурный слой верхней площадки перешелъ на нижнюю, но и здѣсь онъ такъ незначителенъ, что кромѣ нѣкотораго количества черепковъ не далъ другихъ находокъ. Свиногорское городище впервые указано въ Трудахъ IV Археолог. съѣзда[5]).

По нашимъ первоначальнымъ развѣдкамъ на городищѣ въ 1887 г. оно оказалось довольно богатымъ, но мы не обратили на него серьезнаго вниманія, такъ какъ только сравнительное изученіе добытыхъ изъ него вещей показало ихъ принадлежность къ культурѣ костеносныхъ городищъ. Въ слѣдующую поѣздку мы подвергли его систематической раскопкѣ помощью рабочихъ. Изслѣдованъ былъ правый скатъ городища, оказавшійся единственнымъ мѣстомъ на городищѣ, заслуживающимъ раскопки. Здѣсь собрана отличная коллекція черепковъ, нашлось много костей (лошади, кабана, бобра, куницы, а болѣе всего свиныхъ и медвѣжьихъ), найдены слѣды кострищъ съ довольно значительнымъ, перемѣшаннымъ съ глиной зольнымъ слоемъ, желѣзная лопаточка со втулкой,

[1]) Вятск. Губ. Вѣд. 1859 г., 80.

[2]) Отчетъ Казанск. Археолог. Общества 1881 г., 21.

[3]) Отыскать городище не очень легко, такъ какъ здѣсь весь правый берегъ Вятки изрѣзанъ очень похожими другъ на друга оврагами и потому всего лучше взять въ с. Свиная Гора проводника за [illegible] городище знаютъ у мѣстныхъ крестьянъ [illegible].

[4]) Городище, какъ и весь лѣвый берегъ Вятки, было [illegible].

[5]) Нами это городище открыто самостоятельно.

ской, близъ Ш[illegible] [illegible]. [illegible] въ настоящее время [illegible] отъ подножія городища на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] себя глухую заводь, [illegible] въ ней небольшой [illegible]. [illegible], что [illegible] не выступило отъ берега, а [illegible] въ [illegible] [illegible] очень [illegible] [illegible]. Самое оригинальное [illegible] [illegible] Ройскаго городища — это [illegible] кокошникообразный валъ, [illegible] [illegible] [illegible] въ площадь [illegible], и такимъ образомъ даетъ на нее свободный и [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] 30 саж., валъ (поверху) около 2? саж. [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible] вала [illegible] [illegible] ложбиной, [illegible] въ [illegible] [illegible]. [illegible] городища [illegible] [illegible] [illegible] и мѣстами покрыты [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] видъ городища [illegible] [illegible]. Малаховъ, [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] для него [illegible] [illegible] городищъ, [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] подобныхъ сооруженій [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] изслѣдователя. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] валъ съ [illegible] стороны, съ [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] частей. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] .

Ройскій [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Статистическаго Комитета за 187? [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] городища, [illegible] корреспондентъ Комитета [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] узорчатые черепки и кости большихъ животныхъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] канавою болѣе аршина глубины и что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] жили разбойники. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] интересны и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] торыхъ любопытныхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] отъ городища лѣтъ 3? тому назадъ. [illegible] [illegible] [illegible] въ маѣ 1881 г. Ройское городище [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и Малаховъ. Кузнецовъ началъ раскопку [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] широкой и глубокой траншеей (глубиною до ? арш. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] вначалѣ на небольшой глубинѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], по предположенію Малахова, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на глубинѣ [illegible] аршинъ найдены [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible], на глубинѣ [illegible] арш. — грубое костяное копье, на [illegible] — [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] — [illegible] (эти вещи не найдены [illegible] [illegible] самой площади, [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] угли и жженыя кости. Кузнецовъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что валъ представляетъ собою [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Малаховъ держится [illegible] же [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ валу) были особенно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] здѣсь поселенія обитатели [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на валъ и [illegible]. [illegible]-

1) [illegible], [illegible] [illegible] [illegible].
2) Малаховъ, [illegible].
3) Мы считаемъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

пенно ихъ возвышая. Лежащій сзади ровъ, окаймляющій ихъ, указываетъ на мѣсто выемки земли". Къ сожалѣнію, изслѣдователями не отмѣчено, изъ какихъ именно частей вала извлекли они тѣ находки, которымъ они придаютъ такое рѣшающее значеніе, и потому интересное и важное наблюденіе ихъ представляется намъ недостаточно обоснованнымъ. Г. Малаховъ занялся раскопкою на самомъ концѣ площадки: „Я повелъ траншею вблизи сѣв.-восточной окраины, предполагая наткнуться на слѣды костра, которые обыкновенно обнаруживаются въ сосѣдствѣ воды; вблизи же костровъ, что я наблюдалъ при моихъ работахъ въ Пермской губерніи, встрѣчается преимущественно и главная масса вещей. Небольшая развѣдка позволила ознакомиться со строеніемъ культурнаго слоя. Неплотный дернъ, образующій дневную поверхность площади, состоитъ изъ жирнаго чернозема, толщина котораго, ничтожная при подошвѣ кокошника, постепенно возрастаетъ къ сѣверо-западной окраинѣ и здѣсь достигаетъ maximum'a мощности, до 7 вершковъ. Подобное распредѣленіе чернозема обусловилось дѣятельностью весеннихъ водъ, смывавшихъ его по незначительно наклонной плоскости, каковою является площадка; подъ черноземомъ залегаетъ глина. Почти тотчасъ же, какъ только черноземъ былъ прорѣзанъ лопатами, обнаружились черепки посуды изъ глины, съ примѣсью или со слѣдами раковинъ. Нѣсколько углубившись, мы встрѣтили трубчатыя расколотыя кости и костяныя стрѣлы, какъ въ нижнемъ слоѣ, такъ и на спаю его съ глиной. Пробный шурфъ былъ расширенъ и проведенъ поперекъ площади (т.-е. параллельно валу). Въ результатѣ получилось значительное собраніе костей и пробитыхъ череповъ разныхъ животныхъ (оленя, медвѣдя, свиньи и др.), просверленные зубы, костяныя и роговыя [1]) стрѣлы, гарпуны, шилья и различныя другія подѣлки; масса обломковъ сосудовъ изъ илистой глины съ разнообразнымъ орнаментомъ, и наконецъ мною найденъ былъ каменный скребокъ и нѣсколько кремешковъ, и также два кривыхъ желѣзныхъ ножа. Въ культурномъ пласту залегаютъ также въ большомъ числѣ створки раковины Unio, что указываетъ, повидимому, на употребленіе ихъ въ пищу". Перешедшій туда же со своими рабочими Кузнецовъ нашелъ здѣсь нѣсколько стрѣлъ изъ лосинаго рога. Затѣмъ, по предложенію Кузнецова, земля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ площадки была поднята сохою. Вспахано было до трети площадки, причемъ, кромѣ черепковъ, найдены: какой-то сплавленный бронзовый предметъ въ родѣ рукоятки отъ меча [2]) и бронзовая подвѣска [3]). Оказалось, что площадка покрыта толстымъ слоемъ золы [4]), который дѣлается тоньше по мѣрѣ удаленія отъ шихана.

На слѣдующій день въ изслѣдованіи городища приняли участіе проф. Штукенбергъ и Пономаревъ. По предложенію послѣдняго, раскопки были поведены на скатѣ городища, и дали на этотъ разъ весьма обильные результаты. Количество находимыхъ костей было „поистинѣ изумительно"; находимы были кости и дикихъ, и домашнихъ животныхъ, частью расколотыя, частью обожженныя [5]). Кромѣ костей найдены были:

---

[1]) Изъ оленьяго рога?

[2]) Кельтъ?

[3]) Точнѣе не подвѣска, а часть круглой пряжки украшенной четырьмя спиральными завитками. Подобные предметы находятъ среди пермскихъ древностей. См. у Ешевскаго (Пермск. Сборн. т. I рис. 30).

[4]) Это наблюденіе намъ представляется ошибочнымъ. Неточно и слѣдующее заключеніе.

[5]) Между прочимъ цѣлый черепъ медвѣдя.

довольно большое количество копій, стрѣлъ, шильевъ и иголъ изъ лосинаго рога, нѣсколько привѣсокъ изъ медвѣжьихъ и бобровыхъ зубовъ, масса черепковъ и нѣсколько обдѣланныхъ камней, служившихъ, очевидно, для обработки костяныхъ орудій[1]). Тогда же были открыты (гдѣ?) клинки двухъ желѣзныхъ мечей. Малаховъ снялъ двѣ фотографіи съ городища, а Пономаревъ начертилъ планъ его[2]).

Нѣсколько недѣль спустя г. Кузнецовъ предпринялъ новыя двухдневныя раскопки на Ройскомъ городищѣ, и на этотъ разъ, по его словамъ, добылъ особенно много находокъ. Лучшія изъ нихъ были обнаружены помощью траншей, проведенныхъ на новомъ, еще не тронутомъ мѣстѣ, именно на склонѣ стрѣлки городища; здѣсь изъ почвы была вынута масса костяныхъ стрѣлъ, черепковъ, костей животныхъ и разныхъ издѣлій изъ кости. Изъ находокъ особенно замѣчательны: костяная рукоятка небольшого тутъ же найденнаго желѣзнаго ножа, въ формѣ медвѣжьей или кабаньей головы съ ушами, костяная ложка, нѣсколько костяныхъ рыболовныхъ крючковъ, два медвѣжьихъ черепа.

По перечню предметовъ музея Казанск. Археолог. Общества мы узнаемъ, что кельтовъ на городищѣ было найдено два[3]). Одинъ изъ нихъ, видѣнный нами, снабженъ орнаментомъ прямого ананьинскаго рисунка, но обработка его довольно груба. Изъ другихъ, перечисленныхъ въ каталогѣ музея находокъ съ Ройскаго Шихана, особенно любопытны слѣдующія: костяная лопаточка, ложка, кодочигъ, ручка въ видѣ кабаньей головы съ отверстіемъ для подвѣшиванія, свиная бабка съ линейными нарѣзами (вѣроятно поперечными штрихами), гарпунъ[4]).

Пр. Штукенбергъ въ своей замѣткѣ о Ройскомъ Шиханѣ указываетъ, что найденныя на немъ кости принадлежатъ слѣдующимъ животнымъ: медвѣдю, лосю, куницѣ, зайцу, лошади, быку, барану и свиньѣ[5]).

Къ своему отчету о раскопкѣ на Ройскомъ городищѣ Малаховъ присоединилъ слѣдующее замѣчаніе: „При осмотрѣ полей, прилегающихъ къ задней сторонѣ вала, мы тамъ и самъ встрѣчали обломки сосудовъ, тождественныхъ съ находимыми на городищѣ, и кости животныхъ; отсюда мы можемъ заключить, что границы поселенія въ данномъ пунктѣ, въ ту отдаленную эпоху, значительно выходили за предѣлы укрѣпленной площадки“.

Г. Кузнецовъ въ концѣ своего описанія городища добавляетъ: „Вблизи Ройскаго Шихана, на правомъ берегу Вятки существуетъ не одинъ подобный шиханъ, и даже противъ раскопаннаго, на луговой сторонѣ Вятки, возлѣ д. Муней[6]) стоитъ точно такой же шиханъ, по близости котораго лѣтъ 15 тому назадъ были найдены три серебряныхъ жгута, проданныхъ на вѣсъ малмыжскимъ купцамъ[7]).

Несмотря на продолжительныя и основательныя раскопки г. Кузнецова, Ройское

[1]) Мы называемъ эти камни [illegible].

[2]) Находятся въ библіотекѣ Каз. Археолог. Общества № 325.

[3]) Каталогъ выставки. 34.

[4]) Каталогъ выставки, тамъ же. Учитель [illegible] доставилъ съ Ройскаго городища въ Казанск. Археологическое Общество желѣзное копье и кельтъ. [illegible]

[5]) Изв. Каз. Археолог. Общ. т. III. 334.

[6]) Такой деревни намъ не указали въ окрестностяхъ Ворожевской деревни.

[7]) См. [illegible], стр. 20—23. Кузнецовъ въ Изв. Каз. Арх. Общ. т. III. [illegible]

городище нельзя считать вполнѣ исчерпаннымъ. Побывавъ на немъ лѣтомъ 1887 г., мы при самомъ незначительномъ стараніи добыли на правомъ склонѣ подъ корнями кустарниковъ превосходную костяную ложку и обломокъ остроги, не говоря уже о нѣсколькихъ жерновыхъ камняхъ, между которыми встрѣтился рѣдкій экземпляръ жернова съ вогнутымъ углубленіемъ.

5) *Буйское*. Находится при дер. Буйское городище, какъ разъ надъ Буйскимъ перевозомъ, на правой сторонѣ рѣки Вятки, при впаденіи въ нее маленькой рѣчки Кажиперки[1]). По внѣшнему виду городище очень своеобразно. При своемъ сооруженіи оно было расположено на покатомъ и весьма выпукломъ мысу, но съ теченіемъ времени цѣлая половина его смыта водою, вслѣдствіе чего площадка городища въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ собою крышеобразный скатъ, опущенный по двумъ направленіямъ — впередъ и въ бокъ, что дѣлаетъ видъ его единственнымъ въ своемъ родѣ. Валъ съ тылу городища представляется весьма массивнымъ, но лишь потому, что его сопровождаетъ глубокій ровъ. Съ лѣвой стороны валъ оторванъ, конецъ правой стороны замѣтно загибается; вообще онъ имѣетъ видъ удлиненнаго кокошника. Длина лѣвой стороны площадки 37, правой — 27 саж., валъ тянется на 20 саж. Городище когда-то было распахано, для чего потребовалось расчистить его отъ кустовъ, но теперь заброшено. Проведенные нами по площадкѣ въ разныхъ направленіяхъ рвы, показали совершенное отсутствіе на ней культурнаго слоя, который давнымъ давно сползъ на правый скатъ городища; подъ слоемъ дерна и чернозема здѣсь найдены только черепки и кости, и то лишь въ незначительномъ количествѣ. Крестьяне, садившіе на площадкѣ огурцы, по ихъ словамъ, находили мѣдные предметы: пряжки, дужки отъ ведра (шейное кольцо?) и пр., но вообще очень мало.

Видъ сверху городища превосходный, что знаютъ и крестьяне, съ удовольствіемъ проводящіе здѣсь свободное время. Прямо подъ городищемъ раскинулась, какъ на ладони, живописная деревушка, нѣсколько лѣвѣе — обширнѣйшій и прекрасный видъ на нижнее теченіе Вятки, а съ высоты вала — на верхнее; горный и низовой берега рѣки, многочисленные ея извивы видны отсюда на многія версты. Безошибочно можно сказать, что съ Буйскаго городища открывается одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ мѣстнаго края. Городище было раскопано мною 18 іюня 1887 года и вновь осмотрѣно лѣтомъ слѣдующаго года. Въ первое посѣщеніе городища, нанявъ 15 человѣкъ рабочихъ, я размѣстилъ ихъ у подошвы праваго склона городища[2]) и сталъ съ ними подниматься наверхъ, снимая и перебирая всю толщу насѣвшаго здѣсь культурнаго слоя. Слой зольной земли оказался слабымъ и мало содержательнымъ на всемъ протяженіи склона, и особенно мало находокъ оказалось у самой подошвы городища, гдѣ залегаетъ толстый, но вполнѣ безсодержательный черноземный слой. Слой, хорошо промытый дождями и весеннею водою, пошелъ выше, почти въ полугорѣ, но и здѣсь находки попадались также рѣдко; рабочіе въ теченіе дня нашли на каждаго не болѣе 4, заслуживающихъ вниманія вещицъ. Болѣе всего находокъ было сдѣлано въ серединѣ

[1]) Находится отъ Ройскаго городища верстахъ въ 70, выше по теченію.

[2]) Только здѣсь можно было ожидать находокъ, такъ какъ лѣвый склонъ представляетъ собою крутой каменистый скатъ.

что находки оказались незначительными. Изъ числа послѣднихъ намъ были указаны слѣдующія: костяныя иглы, костяная съ рисункомъ рукоятка отъ ножа, обломленная стрѣлка изъ сѣраго кремня, копыто со слѣдами подковки (?), узорчатые черепки, кости и, кажется, былъ еще найденъ гребень. Нами Лебяжское городище осмотрѣно было лѣтомъ 1887 и 1888 гг. Развѣдки показали, что находокъ болѣе всего можно ожидать вблизи вала, гдѣ черепки встрѣчаются въ наибольшемъ количествѣ, чѣмъ на другихъ мѣстахъ площадки, и въ осыпи близъ площадки на лѣвомъ склонѣ. Здѣсь нами подняты: двѣ костяныя стрѣлки, обломки костяныхъ вещицъ, обломки мѣдной вещицы, много кремневыхъ осколковъ, створки раковинъ, черепки и мелкія раздробленныя кости. На вопросъ, не попадалось ли какихъ-либо предметовъ въ вывозимой съ городища землѣ, крестьяне отвѣчали отрицательно; о находкахъ на городищѣ они отзываются очень неопредѣленно, изъ чего можно было вывести заключеніе, что такія находки если и были, то въ весьма ограниченномъ количествѣ.

7) *Пижемское*. Это замѣчательное по богатству находокъ костеносное городище находится на устьѣ Пижмы, близъ дер. Городище[1]), и расположено между берегомъ Вятки и глубокимъ оврагомъ, по отлогой сторонѣ котораго пробита къ рѣкѣ проѣзжая дорога („ввозъ", какъ выражаются крестьяне). Самая любопытная особенность во внѣшнемъ видѣ Пижемскаго городища — его валъ. Онъ очень изященъ, кокошникообразный, съ длинными постепенно спускающимися концами, довольно отлого выходитъ на площадку и круто спускается въ ровъ; валъ этотъ виденъ издали и былъ бы очень красивъ, если бы болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ его не изрылъ одинъ любитель-археологъ. Длина дуги кокошника — 20 саж., да и вообще городище по своимъ размѣрамъ не принадлежитъ къ числу малыхъ: при наибольшей ширинѣ въ 20 саж. площадка городища достигаетъ въ длину 32 саж. Площадка спускается отлого къ концу стрѣлки, и была бы тоже очень красива, если бы рабочіе того же археолога пощадили ее. Кромѣ дерна на площадкѣ нѣтъ никакой растительности, и уже одно это обстоятельство показываетъ, что культурный слой на ней слабъ; онъ состоитъ изъ неглубокаго пласта, перемѣшаннаго съ мелкими камнями, чернозема, подъ которымъ мѣстами обнаруживается сплошной камешникъ, мѣстами прямо выступаетъ известковый каменистый материкъ. Острый конецъ площадки спускается въ правый бокъ еще болѣе отлогимъ склономъ на протяженіи 11 саж. Правый склонъ городища, благодаря лежащему на немъ богатому пласту чернозема, покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, а лѣвый занятъ мелкимъ осыпающимся камешникомъ и совершенно лишенъ растительности.

Городище обращено противъ теченія Вятки и Пижмы, и съ него открывается хорошій, хотя и не очень далекій, видъ по рѣкѣ на низкій луговой ея берегъ и на высокій нагорный. Оканчивая внѣшнее описаніе городища, мы должны упомянуть, что почва, на которой оно расположено, каменистая.

Самое раннее упоминаніе о Пижемскомъ городищѣ относится къ 1844 г. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ сообщаетъ о немъ слѣдующее: „Недалеко отъ дер. Городище,

---

[1]) Находится отъ Лебяжскаго городища верстахъ въ 50 слишкомъ выше по теченію рѣки.

Слѣды такихъ же печищъ попадались въ тѣхъ мѣстахъ площади городища, въ которыя мы углублялись шахтами, думая напасть на слѣды какой-либо каменной кладки, какъ намъ это удалось при разрытіи ананьинскаго могильника. Никакой кладки нигдѣ не оказалось, кромѣ упомянутаго колодца, да и вся внутренняя площадь городища изрыта глубокими слѣдами трудовъ кладоискателей[1]). Какъ при прорытіи галлерей во внутрь городища, такъ и при раскопкѣ внутри его (вала или городища), никакихъ вещей не найдено, кромѣ нѣсколькихъ горшечныхъ черепковъ. Когда же сдѣланы были углубленія во внутрь городища съ западной стороны, идущей обрывомъ въ оврагъ, то здѣсь въ разныхъ мѣстахъ оказались большія груды пеплу и какъ бы печища, сдѣланныя на каменномъ основаніи (?), тутъ же обнаружился уголь, перегорѣлая земля и значительное количество перегорѣлыхъ костей, но все это въ такой степени было перемѣшано между собою, что не позволяло сдѣлать никакого опредѣленія тому порядку, въ какомъ лежали эти предметы. Тутъ-то найдены[2]) представленныя нами въ Департаментъ Удѣловъ, а оттуда переданныя въ Археологическую Комиссію вещи, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторыя оставлены нами для Вятскаго музея". Г. Алабинъ перечисляетъ слѣдующіе найденные имъ на городищѣ предметы: 1) Какая-то фигурка, весьма грубо вырѣзанная изъ кости, съ двумя крылышками (можетъ быть служила идоломъ или амулетомъ; можетъ быть ее носили привязанною за шейку). Если, въ самомъ дѣлѣ, найденная г. Алабинымъ вещица напоминала идола, то это до сихъ поръ единственный предметъ изъ костеносныхъ городищъ, имѣющій религіозное назначеніе. 2) Шесть наконечниковъ копій разной величины и обломокъ седьмого (вѣроятно, это стрѣлы). 3) Что-то въ родѣ костяного долота (лопаточка?). 4) Обломокъ — надо полагать — пряжки изъ кости (?). 5) Нѣсколько заостренныхъ костей, съ дырочкою каждая (у одной отверстіе съ боку), вѣроятно замѣнявшихъ иглы для вязанья сѣтей. 6) До 20 костей различной величины, подобныхъ предыдущимъ. 7) Большая бабка съ сквозною и двумя несквозными дырочками. 8) Маленькая бабка съ сквознымъ отверстіемъ. 9) Мѣдный перстень (кольцо?). 10) Два какихъ-то костяныхъ орудія и обломокъ третьяго (наконечники молота?). 11) Два куска обрубленныхъ оленьихъ роговъ. 12) Глиняный горшокъ (цѣлый?) и множество черепковъ съ различными простыми узорами. 13) Множество свиныхъ клыковъ и череповъ небольшихъ животныхъ. Объ этомъ городищѣ мы не слыхали другого преданія, кромѣ упомянутаго разсказа, будто оно сообщалось подземнымъ ходомъ съ Кукаркой. Вещи, преимущественно изъ кости, находились здѣсь въ прежнее время въ значительномъ количествѣ, вымываемыя дождями изъ валовъ городища. Изъ коллекціи Алабина въ Вятскомъ музеѣ хранятся: удочки, наконечникъ молота, 5 стрѣлъ, лопаточка, 8 вязальныхъ иглъ[3]).

---

[1]) Присутствіе большихъ печищъ въ валу на площади городища намъ представляется весьма сомнительнымъ.

[2]) Вѣроятно, болѣе съ помощью ребятишекъ, чѣмъ рабочихъ.

[3]) Таблица III: № 1. Костяной крюкъ для уженья, остріе обломано. Дл. 98, шир. въ верхней части 23 мм. Изображенъ во II т. «Каменнаго вѣка» гр. Уварова № 3458, табл. 9. — № 2. Костяной наконечникъ молота длиной около 100 мм. Гр. Уваровъ, № 3446, табл. 9. — № 8 Кусокъ оленьяго рога со слѣдами нарѣзокъ и обдѣлки металлическимъ орудіемъ, съ обломанной круглой сверлиной вверху. Гр. Уваровъ считалъ это орудіе сверломъ (т. I, 360), гр. П. С. Уварова называетъ его приборомъ для натягиванія тетивы (Указатель выставки при Яросл. съѣздѣ, 5). —

Въ атласѣ Аспелина есть изображеніе 11 костяныхъ предметовъ съ Пижмы, вѣроятно, съ того же городища: небольшой наконечникъ молота, обломокъ рукоятки или чего-нибудь подобнаго (съ рѣзами), двѣ небольшія лопаточки съ втулками, обѣ съ нѣсколько закругленными остріями, игла, острая стрѣла, острога съ однимъ большимъ зубцомъ, бабка съ тремя сквозными несходящимися отверстіями, обломокъ гребня и еще двѣ неопредѣленнаго назначенія вещицы[1]).

Разспросы крестьянъ чрезъ волостное правленіе въ 1886 году только подтвердили, что на городищѣ были находимы костяныя и металлическія вещи[2]).

Кажется, что пижемскія городища были знакомы и Лерху. II Археолог. съѣзду онъ представилъ планы нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ городищъ и костяныя удочки; кромѣ того гдѣ-то на вятскихъ городищахъ онъ нашелъ еще весьма интересную кремневую палочку, вложенную въ костяной черешокъ[3]).

Лѣтомъ 1887 и 1888 г. пижемское городище было раскопано нами, въ началѣ съ нѣкоторымъ участіемъ П. А. Пономарева.

По предварительной развѣдкѣ оказалось, что весь культурный слой съ поверхности городища уже снесенъ на его склоны. На лѣвомъ склонѣ онъ оказался превосходно перемытымъ и вслѣдствіе того весьма удобнымъ для раскопокъ, а на правомъ залегъ массивнымъ вольнымъ пластомъ и поросъ лѣсомъ. Раскопки нами начаты были отъ подошвы лѣваго склона (отъ „взвоза“) и послѣдовательно доведены до самаго верха его, а П. А. Пономаревъ съ нѣсколькими рабочими спустился на правый. Въ мѣстѣ нашей раскопки каменистая материковая толща оказалась засыпанною желтою песчанистою глиною, на которую сверху налегъ небольшой слой плиточнаго камешника, спустившійся съ площадки городища, и уже на немъ насыпанъ слой вольной земли съ разными примѣсями и всѣми найденными тутъ предметами. Слой этотъ незначителенъ: рѣдко шелъ онъ четверти на двѣ глубиною, обыкновенно же былъ много тоньше. Внизу осыпи попадались плоскіе камни большихъ размѣровъ, вѣроятно, тоже свалившіеся съ площадки. Уголь встрѣченъ въ незначительномъ количествѣ. Вслѣдствіе указаннаго выше обстоятельства, лѣвый склонъ оказался несрав-

---

№ 4 и 5. Двѣ длинныя острыя костяныя стрѣлы, въ три грани, съ насадомъ. Дл. по 130, шир. по 10 мм Гр. Уваровъ, №№ 3448 и 3449, табл. 9. — № 6. Наконечникъ стрѣлы изъ плотной желтой кости, съ острыми ребрами, въ 4 грани, съ насадомъ. Дл. 83, шир. 25 мм. Гр. Уваровъ, № 3451. — № 7. Наконечникъ стрѣлы изъ бѣлой кости, можетъ быть какого-нибудь ископаемаго животнаго, съ ясно очертанными плечиками и широкимъ плоскимъ насадомъ. Дл. 78, шир. 14 мм. Гр. Уваровъ, № 3447, табл. 9. — № 8. Большая костяная стрѣла обыкновенной формы. Дл. 110, шир. 16 мм. Гр. Уваровъ, № 3450. — № 9. Обломокъ лопаточки. — № 10—16. Семь вязальныхъ иглъ, одна со сверлиною на тупомъ концѣ. Гр. Уваровъ, № 3452—57. табл. 9. — № 17. Обломокъ такой же иглы. Гр. Уваровъ, № 3460.

Къ числу находокъ съ *Пижемскаго городища* нужно еще прибавить: 1) костяныя лопаточки, 2) 15 костян. стрѣлокъ, изъ нихъ одна новой формы, 4) обломокъ костяной удочки, 5) 7 кост. ножичковъ, 6) игла со сверлиной, 7) 7 обломковъ отъ костяныхъ издѣлій, 8) половина медвѣжьяго клыка, обработаннаго для какой-то цѣли, 9) фрагментъ желѣзнаго кольца, 10) фрагменты двухъ толстыхъ глиняныхъ кружковъ.

Кромѣ того въ музеѣ хранится большое, обработанное изъ лосинаго рога, долото. (гр. Уваровъ, № 3459) и обломокъ серповиднаго желѣзнаго ножа.

[1]) *Aspelin*, Antiquités, livr. I, p. 376—386.

[2]) Новыя свѣдѣнія, 30.

[3]) Труды II Археолог. съѣзда т. II, 12.

ненно богаче находками, чѣмъ правый. Раскопано было здѣсь до 100 кв. саж. П. А. Пономаревъ повелъ раскопку карнизомъ. На избранномъ имъ мѣстѣ (близъ конца вала) подъ значительнымъ черноземнымъ слоемъ обозначился толстый (до $2^1/_2$ арш. въ отвѣсѣ) слой сѣрой, зольной земли съ прослойками угольныхъ остатковъ и глины, послѣ чего, какъ на лѣвомъ склонѣ, слѣдовалъ слой желтаго глинистаго песку. Въ зольномъ слоѣ найдено было огромное количество хорошо сохранившихся здѣсь костей, а также не мало и различныхъ вещей: иголъ, стрѣлокъ, вилокъ, ножей, нѣсколько наконечниковъ молотовъ и пр.; всего болѣе найдено здѣсь стрѣлокъ, вообще же, сравнительно съ лѣвой стороной, находки попадались здѣсь рѣдко. Самые любопытные предметы за все время раскопки отсюда: серповидный ножъ съ костяной ручкой, ручка отъ ножа съ изображеніемъ головы лося, острога, глиняный тигель, что-то въ родѣ мѣдной сережки. Когда рабочіе закончили раскопку лѣваго склона, они переведены были на правый, который и былъ пройденъ въ разныхъ мѣстахъ восемью карнизами до сажени вышины каждый (почти отъ стрѣлки городища до вала). Всего болѣе находокъ встрѣчено было на срединѣ этого склона, ближе къ концу вала. Въ концѣ работъ сдѣланы были основательныя развѣдки во многихъ мѣстахъ на площади городища, но онѣ не дали никакихъ находокъ; кое-что найдено только на концѣ стрѣлки, тамъ, гдѣ площадь спускается внизъ вторымъ скатомъ. Раскопка продолжалась два дня (14 и 15 іюня) и была ведена съ помощью 15 рабочихъ, и кромѣ того въ отыскиваніи вещей горячее участіе приняли крестьянскія ребята, въ общемъ нашедшіе не мало очень любопытныхъ предметовъ.

Лѣтомъ 1888 г. раскопка праваго склона была нами продолжена. Въ ней участвовали 5 рабочихъ и болѣе десятка крестьянскихъ ребятъ. На этотъ разъ найдено болѣе 150 предметовъ; изъ нихъ нѣкоторые оказались очень характерными.

По числу находокъ Пижемское городище навсегда останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ костеносныхъ городищъ и вообще изъ древностей волжско-камскаго края. Общее количество добытыхъ на немъ вещей такъ значительно (свыше 1000 №№) и самыя находки такъ разнообразны, что по нимъ однимъ только можно составить хорошее понятіе вообще о культурѣ всѣхъ костеносныхъ городищъ. Въ общемъ реестрѣ находимыхъ на этихъ городищахъ предметовъ не много найдется такихъ, которыхъ не оказалось на Пижемскомъ.

Цѣлыхъ костяныхъ наконечниковъ молотовъ на Пижемскомъ городищѣ найдено 22, поломанныхъ — 15, осколковъ — 14, всего 51 экземпляръ и въ 1888 г. — 4.

Стрѣлокъ плоскихъ трегранныхъ найдено 15, такихъ же четырехгранныхъ — 25, почти плоскихъ — 7, трехгранныхъ съ острыми ребрами — 26, такихъ же полыхъ — 9, четыреугольныхъ и пятиугольныхъ въ разрѣзѣ — 2, разнаго формата съ длиннымъ насадомъ — 7, плоскихъ съ острыми плечиками — 6, обломковъ отъ стрѣлъ — 26, стрѣлокъ на разныхъ ступеняхъ обработки — 66, всего 190, а въ 1888 г. къ нимъ прибавилось еще около 80. По размѣрамъ, стрѣлы костеносныхъ городищъ вообще не малы: средняя величина ихъ вершка полтора, но не очень рѣдки стрѣлы до 3-хъ вершк.; есть стрѣлки и маленькія, менѣе вершка. Насады вообще плоскіе и довольно коротки,

рѣдко круглы; попалась одна стрѣла даже со втулкой, которую выточить было, конечно, не легко. На обработку стрѣлъ обитатели костеносныхъ городищъ видимо обращали заботливое вниманіе. По находкамъ стрѣлъ на разныхъ ступеняхъ ихъ выдѣлки, можно довольно точно востановить ея процессъ. Выработанная кость прежде всего искусными ударами разбивалась на плоскіе стрѣлообразные черешки, которые затѣмъ обстругивались въ форму стрѣлы сильными и смѣлыми срѣзами круглаго ножа, — стрѣлки не отшлифовывались, а стругались, и полировались они только для окончательной обработки. На городищѣ въ небольшомъ количествѣ найдены и тѣ камни, при помощи которыхъ костяные предметы шлифовались.

Острогъ (?) разнаго вида найдено 16, удочекъ — 21, на нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ встрѣчены украшенія въ видѣ головокъ какихъ-нибудь животныхъ.

Ножей съ позвонками вмѣсто ручки и безъ нихъ, разныхъ величинъ, найдено 26, тонкихъ ножичковъ, иные съ дырочками въ широкой части, двухъ видовъ — 14 и 15, всего 29.

Вилокъ поднято 226, ложекъ — 2. Вязальныхъ иголъ цѣлыхъ сосчитано 46, съ отломленной головкой — 63, съ отломленнымъ концомъ — 6, игольныхъ остріевъ — 14, цѣлыхъ короткихъ вязальныхъ иголъ — 17, всего 115 и еще 32. Короткихъ съ тупымъ скошеннымъ концомъ иголъ встрѣчено 27, большихъ вязальныхъ иголъ съ отверстіемъ — 5. Острыхъ небольшихъ шильевъ найдено 2, тупыхъ, съ широкимъ основаніемъ — 6. Небольшая красивая костяная иголка съ ушками найдена одна[1]).

Кодочиговъ найдено 7.

Длинныхъ костей съ двумя дырочками по концамъ найдено 6, такихъ же костей съ двумя дырочками ближе къ срединѣ — 12. Быть можетъ тѣ и другія служили приспособленіями вмѣсто уздъ, на что намекаетъ аналогія ихъ съ уздечками изъ скиѳскихъ кургановъ.

Лопаточекъ на городищѣ встрѣчено 26. Рисунокъ на одной изъ лопаточекъ, изображающій животное въ видѣ свиньи, очень похожъ на подобный же, сдѣланный на кружкѣ изъ Аргыжскаго городища.

Ручекъ для ножей, цѣлыхъ и въ обломкахъ, найдено 13. Изъ нихъ наиболѣе любопытны ручки въ видѣ головокъ различныхъ животныхъ. Ручки имѣютъ обыкновенно небольшіе размѣры, такъ что могли служить и для другого назначенія.

Изъ вещей неяснаго назначенія найдены: обломокъ рога съ двумя отростками, подобный изображенному въ „Каменномъ вѣкѣ“ гр. Уварова, о которомъ мы говорили выше, восемь стрѣлообразныхъ предметовъ съ однимъ или двумя глубокими зубцами на боку, три погнутыя стрѣлообразныя вещицы, двѣ длинныя и тонкія костяныя палочки со скошеннымъ концомъ, три точеные костяные круглые и длинные стержня, коническая костяная пустая трубка со слѣдами смолы и съ отверстіями для прикрѣпленія, двѣ тонкія небольшія пластинки, другихъ костяныхъ предметовъ неопредѣленнаго назначенія 30, два плоскія изображенія головокъ животныхъ.

---

[1]) Послѣ найдена другая маленькая костяная игла.

Предметы украшенія найдены слѣдующіе: 1) 11 каменныхъ кружковъ съ дырочками по срединѣ, одинъ съ изображеніемъ дракона, другой (известковый) имѣлъ на лицевой поверхности подобное же изображеніе, сдѣланное наливомъ. Когда не было настоящихъ кружковъ, ихъ замѣняли округленные черепки, но иногда, взамѣнъ каменныхъ, изъ глины кружочки дѣлались и нарочно, 2) семь просверленныхъ медвѣжьихъ клыковъ, одинъ лошадиный зубъ, съ отверстіемъ, 3) двѣ птичьи косточки, съ дырочками по срединѣ, 4) двѣ просверленныя лодыжки и двѣ небольшія бабки, тоже просверленныя, 5) четыре удлиненныя пронизки.

На городищѣ собрано довольно значительное количество приготовленныхъ для издѣлій обрубковъ рога. Обрубаніе роговъ совершалось такъ, что и теперь едва ли можетъ быть произведено иначе. Орудіе, для этой цѣли употребляемое, было съ нѣсколько выгнутымъ острымъ лезвіемъ до 25 мм. ширины, съ совершенно прямыми сторонами, въ родѣ широкаго долота. Ровность и чистота работы доказываютъ, что приставивъ такое орудіе къ рогу, ударяли по нему, какъ по долоту. Рога въ палецъ толщиною обрубались вертикально, плоскіе и большіе — съ боку, зарубками; нѣсколько обрубивъ рогъ, старались его сломать, что, при помощи несложныхъ приспособленій, вполнѣ удавалось.

Изъ мѣдныхъ вещей найдены: бляшка изъ бронзоваго поясного набора, небольшое круглое кольцо, можетъ быть позднѣйшаго происхожденія, и длинная мѣдная привѣска къ серьгѣ; изъ желѣзныхъ: серповидный ножъ съ костяной рукояткой, украшенной продольными нарѣзками, и четыре другихъ, шесть острыхъ шильевъ разной величины и формы, три ножичка, одно плоское копье, желѣзное кольцо и четыре обломка какихъ-то другихъ вещицъ.

Предметы литейнаго искусства: одинъ цѣлый глиняный тигель въ видѣ небольшой чашечки на тонкой ножкѣ, съ острымъ носкомъ, высотою болѣе вершка, три обломка другихъ, обломки какого-то поддонка или тигля.

Изъ каменныхъ предметовъ найдены: удлиненная листовидная стрѣлка изъ краснаго песчаника, изъ того же матеріала прекрасно округленная и отшлифованная каменная палочка, длинный и узкій точильный брусокъ, четыреугольная удлиненная каменная плиточка съ двумя дырочками въ углахъ для привѣшиванія, едва ли не украшенная нѣкогда какимъ-нибудь рисункомъ; известковый кристаллъ, сильно соскобленный.

Кромѣ того на городищѣ были найдены слѣдующіе предметы древности: лошадиныя бабки съ дырочками, жернова и черепки.

Лошадиныхъ бабокъ съ признаками употребленія найдено 62; изъ нихъ почти половина имѣетъ отверстіе сверху, почти половина сверху и снизу, рѣдко бабки съ отверстіемъ внизу и еще рѣже съ двумя отверстіями снизу (3). Большинство дырочекъ не доходитъ и до средины бабокъ, нѣкоторыя только начаты и тогда можно замѣтить, что онѣ разрабатывались при помощи шила съ коническимъ концомъ; почти половина дырочекъ проходятъ чрезъ всю длину бабокъ. Дырочки круглы, имѣютъ толщину гусинаго пера, но нѣкоторыя сильно разбурованы. Лицевая сторона одной бабки отесана. Употреблялись-ли эти, найденныя въ столь значительномъ количествѣ.

бабки какъ какое-нибудь приспособленіе, трудно сказать. Кажется, едва ли не болѣе вѣрнымъ будетъ отвѣтъ отрицательный: бабки очень неудобны по своимъ угламъ и возвышеніямъ для употребленія въ качествѣ ручки или чего-нибудь подобнаго; изломовъ и вообще надежныхъ признаковъ пользованія бабками, не замѣтно.

Обычныхъ для костеносныхъ городищъ жернововъ на Пижемскомъ найдено десятка два, если не больше. Найденъ также небольшой круглый камень, весьма удобный для растиранія на жерновахъ зеренъ. О черепкахъ пижемскихъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. На городищѣ были встрѣчены въ небольшомъ количествѣ раковины Unio.

Костей найдено множество. Часть ихъ отобрана для опредѣленія, часть оставлена для сохраненія и часть отдана рабочимъ.

По опредѣленію проф. Д. Н. Анучина въ двухъ присланныхъ нами ящикахъ костей съ Буйскаго и Пижемскаго городища оказались кости слѣдующихъ животныхъ.

Изъ домашнихъ: собаки (порода, подходящая къ Canis palustris; о ней см. въ статьѣ профес. Анучина „Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи", помѣщенной въ „Трудахъ Одесск. съѣзда" т. I); лошади, (повидимому, обыкновенной, не восточной породы; черепъ присланъ неполный); свиньи (мало остатковъ); овцы (тоже) и быка. *Изъ дикихъ:* медвѣдя (обыкновенной породы Urs. arctos, не крупный), лисицы, куницы (Mustela Martes), бобра, лося, нѣкоторыхъ грызуновъ и, кажется, оленя. Кромѣ того на городищахъ подобраны въ небольшомъ количествѣ птичьи кости, рыбьи (осетра) и раковины Unio.

Крестьяне передаютъ, что прежде болѣе всего находили на городищѣ стрѣлокъ, но были находимы также другія „форменныя" вещи, напр. гребни съ узорами, каменныя кружки (между прочимъ съ изображеніемъ собаки), желѣзныя и мѣдныя вещицы. Пріѣздъ на городище г. Алабина сопоставляютъ съ находкой одною женщиной большого мѣднаго кольца, которое крестьяне сочли и считаютъ золотымъ. Вообще на находки крестьянами доселѣ не обращалось вниманія, и если кое-что особенно любопытное поднималось, то скоро утрачивалось. Городище въ глазахъ крестьянъ пріобрѣло значеніе только съ той поры, когда въ Кукаркѣ стали закупать кости: костей они отсюда увозили на продажу цѣлыми возами.

Довольно любопытно, что при нашей раскопкѣ городища вмѣстѣ съ древнѣйшими предметами были найдены очень не старые, напр. обломокъ массивнаго чугуннаго подсвѣчника, пластинка отъ сундучнаго желѣзнаго замка и что-то еще въ этомъ родѣ. Къ находкамъ этого же рода вѣроятно слѣдуетъ отнести и нѣсколько костей человѣческаго скелета, найденнаго почти на краю площадки съ лѣвой стороны.

Подобныхъ пермскимъ, чудскихъ костищъ въ Ватской губерніи не найдено, но въ верховьяхъ Камы въ двухъ мѣстахъ есть что-то похожее на нихъ. Одно костяное поле находится близъ дер. Гордино, у самаго берега Камы, недалеко отъ мельницы. „Ровное, довольно обширное поле, только въ большую воду понимаемое Камой, было частью вспахано. Между комками взрытаго аллювія бѣлѣлись сильно разрушенныя, вывороченныя сохой кости". При первой распашкѣ поля оно было положительно бѣло отъ массы костей. „Складъ костей дѣйствительно изумителенъ, но онъ рѣзко ограничивался извѣстнымъ участкомъ, приблизительно на протяженіи 10 кв. саж. Внѣ

этого пространства я не встрѣчалъ ни одной кости. Осматривая остатки, я не могъ не обратить вниманія, что всѣ кости были трубчатыя и раздробленныя. Ни одного зуба, ни одной плоской, ни одной цѣльной кости". Подпочва оказалась глинистою, не содержащею и слѣдовъ костей. Толща, изъ которой сложена аллювіальная площадь, состоитъ изъ современныхъ слоевъ песку и глины съ торфяниковыми раковинами Cyclas, Valvata и др.[1]). Другая подобная костеносная мѣстность есть, по разсказамъ, недалеко отъ с. Синегорья, Слободского уѣзда.

---

[1]) *Ивановъ*, Матеріалы, стр. 9.

III. Чудскія древности.

При недостаткѣ надежныхъ письменныхъ источниковъ, при отсутствіи систематическихъ раскопокъ мы вполнѣ безсильны рѣшить вопросъ объ основныхъ элементахъ чудской и болгарской культуръ, о времени ихъ появленія и процвѣтанія въ области Камы, о національности того и другого народа, и о характерѣ ихъ политической жизни. Предположеній, равно вѣроятныхъ и даже красивыхъ, можно сдѣлать сколько угодно, но не найдется между ними такого, на которомъ можно было бы остановиться съ довѣріемъ. Относительно появленія въ верховьяхъ Камы чуди можно думать, что она или пришла изъ Сибири, или прежде обитала въ Заволочьѣ, или что настоящимъ очагомъ ея исторической жизни была Волга. Относительно болгаръ можно предполагать и то, что это въ сущности федерація чудскихъ или тюркскихъ племенъ, и то, что это восточная колонія, и то, что это часть какой-нибудь сибирской орды. Изъ всѣхъ возможныхъ предположеній по древнѣйшей исторіи Камской области слѣдующее намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Отыскивая новые рынки для закупки мѣховъ и сбыта своихъ товаровъ, восточные купцы нападаютъ на слѣды какихъ-то передвиженій сибирскихъ инородцевъ въ Европу черезъ сѣверный Уральскій перевалъ, ближе знакомятся съ мѣстностью и чрезъ нѣкоторое время устраиваютъ на верховьяхъ Камы торговый мѣновой центръ. Съ теченіемъ времени выгодное положеніе избранной мѣстности для торговли не только по Камѣ, но и по Сѣв. Двинѣ и миролюбіе владѣющихъ страною чудскихъ народностей вызываютъ возникновеніе здѣсь постоянной торговой факторіи, хозяевами которой становятся сперва купцы-персіяне, а послѣ нихъ преемственно торговцы другихъ восточныхъ народовъ (не исключая сибирскихъ), преимущественно же арабскіе купцы. Факторія эта не замедлила оказать могущественное политическое и культурное вліяніе на окружающія звѣроловческія и частью пастушескія племена: стянула ихъ къ одному центру даже изъ отдаленныхъ мѣстностей и ознакомила съ земледѣліемъ и разными удобствами и соблазнами высшей культуры. Однимъ изъ выгоднѣйшихъ предметовъ сбыта въ странѣ сѣверной чуди оказались мѣдныя шумящія привѣски, заимствованныя восточными купцами вѣроятно отъ сибирскихъ племенъ и быстро вошедшіе во всеобщее употребленіе. Факторія современемъ обратилась въ колонію, и колонія эта съ теченіемъ времени неизбѣжно должна была перемѣнить свой главный центръ, спустившись съ верховьевъ Камы на ея низовье, ближе къ великому волжскому пути. Здѣсь возникла сперва

[illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] позднее [illegible] Болгарамъ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. За Западъ восточные племена [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на востокъ и вошли въ сношенія съ [illegible] народами. Болгары [illegible] [illegible] себя [illegible], [illegible] и слабой связи сосѣднихъ народовъ [illegible] [illegible] [illegible] политико-[illegible] устройству, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Дальнѣйшему [illegible] области весьма много [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] болгары [illegible] [illegible] [illegible]. Время [illegible] V—XIII вв., [illegible] существованіе въ камской области [illegible] торговой колоніи объясняется единственно только слабостью и миролюбіемъ сосѣдей. Не удивительно, что она или при первомъ [illegible] [illegible] съ народами, сильными своею національностью, или такъ, что ничего не оставила послѣ себя кромѣ имени. Подручныя болгарамъ племена равнодушно [illegible] [illegible] властителей страны, сохранившихъ то же политическое устройство и ставшихъ къ нимъ въ то же отношеніе.

Въ Вятской губерніи чудскія поселенія распространены по верховьямъ Камы, по Чепцѣ до ея средняго теченія и по [illegible]. Первыя двѣ мѣстности заселялись, можно думать, съ притоковъ Камы Обвы и Иньвы, а послѣдняя вѣроятно, съ Чепцы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, именно по находкамъ монетъ и спеціально болгарскихъ вещей, верхнекамскія и чепецкія чудскія поселенія основаны, вѣроятно, уже въ болгарскій періодъ исторіи камской восточной колоніи. Такъ какъ здѣсь не найдено болѣе древнихъ поселеній, то можно думать, что оболгаренная чудь заняла эти мѣстности первою. Можно также предположить, что заселеніе верховьевъ Камы и Чепцы было дѣломъ болгарскихъ торговцевъ-владѣтелей, поставившихъ здѣсь для себя городки и устроившихся здѣсь по-своему въ домашнемъ быту. Конечно, [illegible] могла быть заселена и не чепецкою чудью, а напр. со стороны Ветлуги, но во всякомъ случаѣ, культура населившаго ее племени аналогична съ чепецкою чудскою. Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи мы не знаемъ несомнѣнныхъ слѣдовъ типичной чудской культуры, нѣтъ ихъ даже по среднему теченію Камы, гдѣ ихъ предположить было бы весьма естественно.

Въ доступныхъ намъ письменныхъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о камской чуди, весьма незначительны и мѣстныя народныя преданія объ этомъ племени.

Имѣющія видъ копей ямы у поч. Булатовскаго по рч. Летькѣ приписывается мѣстнымъ населеніемъ чуди. Появленіе ямъ объясняется слѣдующимъ преданіемъ. Чудь были язычниками, молились пнямъ, жили въ лѣсу какъ звѣри въ землянкахъ. Пришелъ къ нимъ Стопа-угодникъ, хотѣлъ ихъ окрестить, но чудь заволновалась, не хотѣла вѣру свою водой смывать. Стопа-угодникъ пожаловался на нихъ царю, который послалъ на чудь цѣлое войско. Чудь забоялась, ушла въ глухіе лѣса, но и тамъ царскіе разъѣзды нашли ее, стали всячески тѣснить и насильно гнали въ воду. Тогда чудь выкопала себѣ ямы, залѣзла въ нихъ, накрылась жердями и подрубила подставы. Крыша упала и всѣхъ задавила. Такъ и пропала вся чудь и богатство съ собой взяла. Г. Добровольскій, сообщившій это преданіе, передаетъ, что такихъ ямъ много разсѣяно по вятско-вологодскому полѣсью и что онѣ встрѣчаются всегда группами отъ 7—15 шт. Въ ямахъ этихъ иногда находятъ издѣлія изъ желѣза, серебряныя монеты и даже

бронзовыя вещи. Окрестные жители, пермяки, вѣрятъ, что въ ямахъ скрыты клады, но боятся ихъ отыскивать[1]).

Г. Ивановъ сообщаетъ, что на верховьяхъ Камы недалеко отъ Сергина виднѣются въ полѣ ямы, полунаполненныя водой. Старики говорятъ, что когда пришли русскіе, чудь ушла черезъ нихъ въ землю[2]).

По вятско-пермскому говору выраженіе „чудскіе“ народы произносится „чучкіе“, какъ изъ „по-людски“ образовалось „полючки“; отсюда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣсто слова „чудь“ употребляютъ *чучки*. Пермяки глазовскаго уѣзда на вопросъ что было въ отдаленныя времена, отвѣчаютъ такъ. Прежде всего жили на землѣ, чучки. Это былъ народъ сильный, великаны, каждый съ лѣсного, черные; они тоже работали и имѣли для своихъ работъ очень большія орудія (жернова, огнива, кушганы, т. е. желѣзныя кирки), которыя до нынѣ находятъ въ землѣ, въ мѣстахъ еще не обработанныхъ, подъ лѣсомъ. Родъ ихъ прекратился, потому что Богъ не сталъ имъ давать приплода. Русскіе начали появляться уже при нихъ, и тѣ сначала съ сожалѣніемъ смотрѣли на этотъ мелкій родъ; потомъ, чтобы покончить съ собой, устраивали на столбахъ крыши, наканаливали на нихъ много земли, сами заходили подъ эти полати, подрубали столбы и погибали, задавленные землей[3]). О. Блиновъ, сообщившій намъ это преданіе, въ другомъ мѣстѣ передаетъ любопытнѣйшее указаніе, что въ зюздинскихъ приходахъ до сихъ поръ есть пермяцкое племя, которое называетъ себя чудью; типъ населенія этой мѣстности нѣсколько иной, чѣмъ типъ пермяковъ карсовайскихъ[4]).

Изложенныя выше преданія очевидно занесены на Вятку изъ Перми или точнѣе изъ Сибири, гдѣ, какъ извѣстно, подобные разсказы о чуди въ большомъ ходу, но населеніе Вятской губерніи знаетъ не одну только миѳическую чудь: этимъ именемъ оно называетъ также ту народность, которую русскіе встрѣтили при поселеніи своемъ на Камѣ. Чуди приписываются почти всѣ средне-камскія и верхне-камскія городища, напр. печкинскія, воткинское, бобья-учинское; близъ поч. Заборья Сарап. уѣзда у часовни указываютъ старинное чудское кладбище. Чудскимъ называется городище, находящееся между Сарапуломъ и с. Яромазскимъ. По преданію, въ сосѣдствѣ съ обитавшею здѣсь чудью, на другомъ берегу Камы жили башкиры, находившіеся съ чудью въ дружественныхъ отношеніяхъ и помогавшіе имъ грабить и нападать на русскія селенія[5]). По разсказамъ крестьянъ Мостовинской волости Сарап. уѣзда, первоначаль-

---

[1]) Вят. Вѣд. 1883, 13. Мы видѣли булатовскія ямы и находимъ, что онѣ вырыты кладоискателями, а разсказъ о находкахъ въ нихъ считаемъ не точно переданнымъ. Преданіе о чуди на Летьку занесено, конечно, со стороны.

[2]) Матеріалы для антропол. пермскаго края, 10.

[3]) Вят. Вѣд. 1865, 12, въ статьѣ Блинова. Въ связи съ преданіемъ о чучкахъ пермяцкая философія развиваетъ мрачный взглядъ на настоящее и будущее человѣчества. Настоящіе люди, по словамъ пермяковъ, *тужики*, т. е. такіе, которые вѣкъ живутъ и все тужатъ; послѣ жизнь людямъ сдѣлается еще труднѣе: рѣки высохнутъ, рыба помретъ, питаться будетъ нечѣмъ, и будутъ они погибать. Послѣ нихъ будутъ жить на свѣтѣ *пыжики*, — это уже совсѣмъ безсильный народъ: семеро изъ нихъ едва будутъ поднимать соломинку (и то напыжившись, т. е. напрягши всѣ силы), и ужъ конечно погибнутъ отъ своего безсилія. Это повѣрье встрѣчается и у пермяковъ, и даже у русскихъ Пермской и Вятской губерній.

[4]) Вят. Вѣд. 1865, 62.

[5]) Вят. Вѣд. 1888, 92.

ными обитателями ихъ мѣстности была чудь, чудаки, большая чудь бѣлоглазая. Указывается чудское кладбище и мѣсто поселенія чуди (около городища). Чудаки занимались хлѣбопашествомъ. „Когда начали селиться русскіе крестьяне по Бисарихѣ“, разсказываютъ старожилы: „первымъ дѣломъ ихъ было согнать чудь съ занимаемаго ею мѣста. Вышли ссоры. Отличались въ борьбѣ особенно два брата поселенца. Они имѣли огромный ростъ и необыкновенную силу, и чудь боялась ихъ сильнѣе огня. Оба брата, при всякомъ случаѣ, ломали чудакамъ руки и ноги, клали часто въ средину заплотовъ и давили тутъ до смерти. Чудь склалась, и оставила свои жилища, а два брата, поселившіеся по Бисарихѣ, оставили своему потомству необыкновенный ростъ, замѣчаемый еще и теперь, силу и фамилію Самохваловыхъ“. Старики д. Котовой сохранили слѣдующее преданіе: „Когда русскіе селились въ Котовой, рядомъ жило нѣсколько чудскихъ семействъ. Чудаки жили въ малыхъ избенкахъ или шалашахъ, какіе и теперь вообще замѣчаются у черемисъ и вотяковъ. Селенія и гумна ничѣмъ огорожены не были, и къ нимъ на гумна повадились котовскія свиньи. Сколько ни убѣждали чудаковъ огородить гумна, чудь не слушала, а придумала истребить свиней особеннымъ образомъ. Чудаки насыпали большіе вороха ржи и гороху и отдали ихъ свиньямъ: объѣдятся, дескать, и околѣютъ. А свиньи между тѣмъ пожрали все, и не только не околѣли, а напротивъ необыкновенно разжирѣли. Удивило это чудь. Ушла чудь за Каму, когда къ нимъ сталъ пріѣзжать изъ с. Кигбаева священникъ и уговаривалъ ихъ креститься“[1]).

Чудскихъ копей въ губерніи неизвѣстно. Въ 1881 г. Штукенбергъ и Пономаревъ изслѣдовали китякскія заброшенныя копи (на границѣ малм. и мамад. уѣздовъ), къ которымъ Артемьевъ находилъ возможнымъ пріурочить названіе чудскихъ, но никакихъ слѣдовъ первобытной обработки металловъ въ этой мѣстности не обнаружено[2]). Ямы съ характеромъ копей есть на Бурковой горѣ, въ окрестностяхъ Гидаева, гдѣ предполагается большое чудское поселеніе. Мѣстное преданіе говоритъ, что у чуди вещи были все изъ серебра и золота, но когда пришли русскіе, чудь испугалась всего бѣлаго, сдѣлала ходы въ горахъ, снесла туда все добро и зарылась. По замѣчанію Иванова, преданія о чуди отличаются здѣсь, на верховьяхъ Камы, большой опредѣленностью и реальностью. Такъ напр. въ семикъ, когда отцы и матери идутъ на кладбище поминать родителей, гадаевскіе и лоинскіе подростки отправляются на чудскія мѣста съ брагой и пищей, говоря: „вотъ, чудь, мы принесли тебѣ браги и хлѣба, пришли пировать съ тобой“, или: „помяни, Господи, чудского дѣдушку и чудскую бабушку!“. Г. Ивановъ увѣряетъ, что почти съ именемъ каждаго селенія соединено воспоминаніе о бывшемъ чудскомъ поселеніи[3]).

Близъ д. Подгорной Бисеровск. волости находится весьма интересный „Чудской камень“, имѣвшій довольно правильную форму и до 2-хъ саж. вышины. Лѣтъ 30 тому назадъ, въ семикъ, Ивановъ день, Петровъ день, и въ другіе народные праздники старики носили на чудской камень различныя яства и оставляли ихъ тутъ на день.

---

[1]) Вят. Вѣд. 1865, 19.
[2]) Отчетъ Каз. Общ. Археол. и пр. 1881—82 г., стр. 20.
[3]) Ивановъ, 12.

Среди мѣстныхъ крестьянъ ходитъ разсказъ, что въ очень давнее время жившій вблизи старикъ, по имени Евсюкъ, разъ видѣлъ вышедшаго изъ-подъ камня чудского человѣка, который сказалъ ему *по-пермяцки*: „Евсюкъ, а Евсюкъ! Сетъ мемъ юръ сёясъ, та ме кумъ корчага деньгаасъ выкасю" (т. е. дай мнѣ человѣка съѣсть, такъ я тебѣ три корчаги денегъ выкачу")[1]).

Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, на сколько до сихъ поръ извѣстно, преданій о чуди вовсе нѣтъ. Алабинъ, описывая одно яранское городище, съ удивленіемъ отмѣчаетъ, что мѣстное населеніе совсѣмъ не знаетъ объ этомъ народѣ[2]).

Итакъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населенію извѣстно имя чуди, о ней говорятъ или какъ о народѣ очень древнемъ, издавна поселившемся на сѣверѣ губерніи и по истокамъ Камы, или какъ о народѣ сравнительно позднѣйшемъ, жившемъ по среднему теченію Камы до прихода сюда русскихъ, что могло случиться не ранѣе второй половины XVI в.[3]).

Судя по находкамъ монетъ, время процвѣтанія верхне-камскихъ и чепецкихъ чудскихъ поселеній относится къ VII—X вв. и слѣдовательно совпадаетъ съ расцвѣтомъ болгарской культуры вообще.

Раскопки показываютъ, что вещи совершенно одинаковаго типа безразлично попадаются и въ болгарскихъ городахъ, и на чудскихъ городищахъ. Вся разница между находками состоитъ въ томъ, что въ первыхъ встрѣчается значительно болѣе издѣлій восточнаго типа, а во вторыхъ мѣдныхъ подвѣсокъ и идоловъ, вслѣдствіе чего пока нѣтъ никакой возможности выдѣлить вещи спеціально-болгарскія и спеціально-чудскія. Среди чепецкихъ находокъ вещами болгарскими и вообще восточнаго происхожденія можно бы, кажется, считать слѣдующія: монеты, блюда, серебряные перстни съ вставками и характерными гроздеобразными украшеніями, серьги, разноцвѣтныя бусы, глиняные тонкой работы сосуды (между прочимъ и остродонные), большія серебряныя украшенія въ видѣ жгута и пр. Мѣстными или разсчитанными на вкусъ чуди-потребителей можно бы, кажется, признать изъ находокъ слѣдующіе предметы: грубыя костяныя стрѣлы, кодочиги и болѣе изящныя вещицы и украшенія изъ кости (гребни, уховертки, ложки, пуговицы), мѣдные литые идолы обще-чудскаго типа (чаще въ видѣ хищной птицы, иногда въ видѣ человѣка), столь любимыя всѣми финскими племенами привѣски въ видѣ пронизокъ, птицъ и кониковъ съ шумящими лапчатыми и бубенчико-образными подвѣсками, орнаментированныя спиральными и гроздеобразными украшеніями, крѣпкая глиняная посуда, каменныя пряслицы, точильные камни и разныя подѣлки изъ желѣза въ видѣ ральниковъ, замковъ, стрѣлъ, небольшихъ ножиковъ, колецъ и пр. Самыми характерными чудскими вещами намъ представляются идолы и металлическія украшенія.

Какъ полуземледѣльческій, полузвѣроловческій народъ, не сплоченный стройнымъ политическимъ устройствомъ, интересами торговли и промышленности, чудь селилась

---

1) *Спицынъ*, Чудскія древности въ Зюздинскомъ краѣ. Вят. Вѣд. 1889, 62.

2) Вят. Вѣд. 1865, 19.

3) *Спицынъ*, Къ исторіи вятскихъ инородцевъ, стр. 42—45.

отдѣльными родовыми группами, и потому нигдѣ на Камѣ мы не находимъ признаковъ такихъ большихъ городовъ, какіе знаемъ въ ея низовьѣ и на Волгѣ. Чудь раскинула по берегамъ заселенныхъ ею рѣкъ и рѣчекъ сѣть небольшихъ городищъ, служившихъ, вѣроятно, не столько укрѣпленіями, сколько центрами административными, торговыми и судебными. Весьма возможно, что даже самое искусство построенія такихъ городищъ перенято чудью отъ другихъ народностей, напр. отъ тѣхъ же болгаръ, которымъ для удобства сношеній съ чудью необходимо было имѣть въ ихъ землѣ факторіи, замки; быть можетъ они принадлежали даже не самой чуди, а поселившимся среди нихъ болгарскимъ князьямъ или намѣстникамъ[1]). Хотя сѣверо-восточныя финскія народности съ глубокой древности умѣли строить городища, очевидно нуждались въ нихъ, и, вѣроятно, по Камѣ найдутся городища той же чуди, относящіяся къ отдаленному времени, но постройка чепецкихъ и верхокамскихъ городищъ вполнѣ своеобразна и обличаетъ болѣе искусную и болѣе культурную руку строителей. Ко времени заселенія Чепцы, чудь уже усвоила этотъ типъ укрѣпленій и перенесла его сюда въ такой чистотѣ, что чепецкія городища по устройству вполнѣ аналогичны съ камско-чудскими, и только нѣкоторыя изъ нихъ, по своеобразнымъ условіямъ мѣстности, отступаютъ отъ этого, ставшаго традиціоннымъ, типа. Чудское городище почти всегда помѣщается на остромъ высокомъ мысу, огражденномъ съ доступной стороны однимъ, двумя, иногда тремя массивными валами. Между этими валами нерѣдко находится столь значительное разстояніе, что невольно приходитъ въ голову возможность провести аналогію ихъ сооруженія съ исторіей расширенія древнихъ русскихъ городовъ: когда первый, пріютившійся около самыхъ стѣнъ города посадъ усиливался, его обводили острогомъ, и ставили новый острогъ, когда образовывался значительный второй посадъ; то же, вѣроятно, бывало и на чудскихъ городкахъ. Площадка чудскихъ городищъ имѣетъ всегда значительно бо́льшіе размѣры, чѣмъ площадки извѣстныхъ намъ старыхъ городищъ финскихъ племенъ. Среднею длиною ея принимаемъ 50 саж.; это составитъ площадь, на которой можетъ раскинуться довольно сложное административно-промышленное поселеніе, помѣститься нѣсколько избранныхъ семей и, въ случаѣ надобности, здѣсь можетъ укрыться на время нѣсколько сотъ человѣкъ. Самая характерная черта чудскаго городища — это его уступы (одинъ, два или три, смотря по высотѣ мыса), которыми снабжались его скаты; одинъ бывалъ всегда близко отъ площадки. Предполагаютъ, что такіе уступы строились для удобства защиты отъ непріятеля: обитатели городища могли встрѣтить врага еще на нижней площадкѣ, уступивъ ее, могли занять вторую, послѣ третью; но намъ представляется болѣе естественнымъ думать, что уступы строились въ тѣхъ видахъ, чтобы бока городищъ не осыпались, и еще для того, чтобы сдѣлать подъемъ вверхъ болѣе затруднительнымъ. Всѣ уступы теперь уже обвалились, но по остаткамъ ихъ можно думать, что они не были широки. Изъ извѣстныхъ намъ чепецкихъ городищъ такой типъ имѣютъ напр. Балезинское, Учка-карское, Игна-карское. Нѣкоторыя другія, напр. Донды-карское, Пор-карское, расположены на сравнительно низкой мѣстности, почти плоской, и слѣды укрѣпленія ихъ валами слабы,

[1]) Они могли быть до нѣкоторой степени также тѣмъ, чѣмъ были встарину наши острожки.

искусственныхъ уступовъ не замѣтно. Чепецкія чудскія городища тянутся вдоль теченія рѣки и нѣсколько отступая отъ него, главнымъ образомъ по ея правому берегу, между устьями впадающихъ въ Чепцу рѣчекъ Лозы и Лемы, слѣдовательно на довольно ограниченномъ районѣ. Линія городищъ доходитъ до р. Косы, далѣе которой несомнѣнно чудскихъ городищъ и вообще чудскихъ древностей пока не найдено.

Новѣйшіе насельники страны, вотяки, приписываютъ чудскія городища своимъ князьямъ — богатырямъ и дали имъ вотскія названія; техническое вотское названіе городищъ „кар-илъ", т. е. укрѣпленная городомъ вершина. Пермяки называютъ ихъ „кор-илъ", а зыряне сысольскіе — „курила"; такимъ образомъ ясно, что названіе „кар-илъ" не мѣстное и не вотское, а обще-чудское.

На городищахъ нерѣдко залегаетъ толстый культурный слой, въ которомъ вмѣстѣ съ черепками, обломками костей, углемъ разсѣяны различныя мелкія вещи чудско-болгарскаго типа. Такъ какъ площади городищъ довольно значительны, а вещи лежатъ на нихъ скупо, то раскопка ихъ продолжительна и требуетъ много средствъ. Коллекціи здѣсь собираются проще путемъ покупокъ случайно найденныхъ предметовъ. Почти всѣ городища распахиваются, и соха вмѣстѣ съ дождемъ постоянно извлекаютъ изъ почвы такія вещи, которыхъ изслѣдователь не найдетъ и продолжительными раскопками. Конечно, крестьяне поднимаютъ изъ находокъ лишь то, что имъ нравится или представляется цѣннымъ, пренебрегая всѣми другими.

Находки дѣлаются не только на площади городища, но нерѣдко и за валомъ, что показываетъ, что городища имѣли до нѣкоторой степени значеніе старыхъ нашихъ „градовъ"[1]). Для изученія чудской культуры, конечно, всего важнѣе тѣ находки, какія дѣлаются въ старинныхъ чудскихъ могилахъ. Чудскихъ кладбищъ открыто довольно значительное количество, какъ на Чепцѣ, такъ и на Камѣ, и раскопки на нихъ уже дали цѣнный научный матеріалъ.

Древности чепецко-камской чуди стали извѣстны въ литературѣ съ 60-хъ годовъ, благодаря сдѣланнымъ въ это время находкамъ монетъ и серебряныхъ вещей, но находки эти, при обиліи нетронутыхъ археологическими изслѣдованіями мѣстъ, не вызвали дальнѣйшихъ розысканій. Торгующіе между вотяками татары и вятскіе купцы знали о находкахъ подобныхъ вещей много ранѣе, чѣмъ ученые. Множество безцѣнныхъ для науки и искусства чудскихъ предметовъ, находимыхъ прежде въ далеко большемъ, чѣмъ теперь, количествѣ, переплавлено казанскими и пермскими серебренниками на издѣлія и въ слитки. Слухами о находкахъ кладовъ изъ серебряныхъ вещей полонъ весь Глазовскій уѣздъ, и сдѣлавшіася намъ извѣстными находки показываютъ, что эти слухи имѣютъ значительное основаніе. Говорятъ, что скопленіе серебра у вотяковъ, нынѣшнихъ обитателей края, бывало такъ велико, что они изъ этого металла дѣлали даже предметы обыденной жизни. Въ 70-хъ годахъ нѣкоторое количество чудскихъ вещей было собрано въ Глазовскомъ уѣздѣ гг. Ивановымъ, Радановымъ и Теплоуховымъ, но основательное изученіе мѣстныхъ древностей начинается только

---

[1]) Для изслѣдователей замѣтимъ, что на чудскихъ городищахъ культурные оползни рѣдки, и находки на склонахъ бываютъ скуднѣе, чѣмъ на площадкѣ.

съ 1886 г., когда ими занялся инспекторъ глазовскихъ народныхъ училищъ Н. Г. Первухинъ)[1].

Обозрѣніе лично извѣстныхъ намъ чудскихъ древностей начнемъ описаніемъ городищъ.

1 и 2) Два городища у *с. Поломскаго* отмѣчаетъ въ своей книгѣ о вотякахъ г. Верещагинъ[2]). „Одно называется „Чемошуръ“ и находится въ 3 в. отъ села по направленію къ Глазову, въ верстѣ отъ тракта, вблизи такъ назыв. „Красной“ горы, между двумя глубокими оврагами. Валъ саж. (аршина?) 4 высотой и до 10 длиной. Форма площади напоминаетъ половину овала (?). Второе городище, называемое „Гыркесъ-шуръ“, находится въ верстѣ отъ Чемошура, близъ большой дороги, откуда и можетъ быть ясно разсмотрѣно. Типъ городища тотъ же. По вотскимъ преданіямъ, на городищахъ этихъ жили ихъ князья. Были и находки на городищахъ (серебряныя кольца и пр.), но не сохранены; это подтверждаютъ и свѣдѣнія Стат. Комитета[3]). На Ярославскій Съѣздъ г. Первухинымъ изъ окрестностей одного изъ этихъ городищъ (Каравалеса) доставлена монета Хозроя Пурвиза (590 — 628)[4]).

3) „Карилъ“ находится *близъ с. Балезинскаго*, на одномъ изъ высокихъ мысовъ, входящихъ здѣсь въ долину Чепцы. Площадка 44 саж. длиною и болѣе 20 шириною; поката къ концу мыса, гдѣ вслѣдствіе этого современемъ собрался весь культурный слой, залегавшій прежде на площадкѣ болѣе или менѣе равномѣрно. Валъ по верху имѣетъ 35 саж. длины, нѣсколько дугообразенъ, массивенъ; слабо выраженный ровъ незамѣтно сливается съ окружающимъ полемъ. Самое оригинальное въ конструкціи Балезинскаго городища — его уступъ, который совершенно правильною и даже изящною горизонтальною линіей огибаетъ городище съ обѣихъ сторонъ, въ недалекомъ разстояніи отъ площадки[5]). Теперь уступъ такъ замѣщенъ землею, что точную ширину его невозможно опредѣлить, но на концѣ площади она и теперь не меньше сажени. До вала или въ ровъ уступъ не доходитъ, особенно съ правой стороны, такъ какъ вѣроятно это представляло бы неудобство въ стратегическомъ отношеніи. Овраги по ту и другую сторону городища очень круты и глубоки даже теперь, несмотря на то, что они уже значительно занесены землею и органическими остатками. Въ общемъ городище производитъ впечатлѣніе сооруженія красиваго и величественнаго. Съ него далекій видъ на Чепцу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городища произвелъ значительныя роскопки мѣстный житель г. Кротовъ, человѣкъ предпріимчивый и любознательный. Онъ не нашелъ здѣсь того, что ожидалъ встрѣтить, довѣряясь общему предположенію мѣстныхъ крестьянъ, но своими шурфами весьма облегчилъ предварительное изслѣдованіе городища въ археологическомъ отношеніи. Вырытая г. Кротовымъ въ валу глубокая яма,

---

1) На верховьяхъ Камы раскопками въ 1888 г. занимался, по порученію Московск. Археол. Общества, учитель А. Н. Шатровъ.

2) *Верещагинъ*, Вотяки сосновскаго края, 100.

3) Новыя свѣдѣнія, 24.

4) Указатель выставки, 15.

5) Смотря по наклону площади городища, уступъ тянется отъ нея на разстояніи отъ 8-хъ до 6 саж.

ничего, конечно, не дала, но шурфы, пробитые на площадкѣ до самаго материка, глубиною иногда въ сажень, показали, что культурный слой на городищѣ весьма слабъ и что онъ отъ вала передвинулся къ самому концу мыса. По двумъ обнаруженнымъ въ стѣнкахъ ямъ чернымъ прослойкамъ можно заключить, что передвиженіе культурнаго слоя произошло почему-то въ два раза, а не постепенно. Всего содержательнѣе та часть его, которая опустилась на скатѣ городища до уступа; здѣсь болѣе черепковъ, костей, здѣсь же въ небольшомъ количествѣ найдены и вещи (костяныя стрѣлы, желѣзный ножъ, миніатюрные щипчики и еще кое-что). Надѣясь на болѣе любопытныя открытія, г. Кротовъ пробилъ шахту подъ самую площадку городища со стороны мыса, но эта, стоившая большихъ издержекъ, работа показала лишь почвенный составъ отрога, на которомъ городище расположено, — именно оказалось, что онъ состоитъ изъ довольно слабаго песчаника. Нѣсколько ранѣе г. Кротова въ 1885 г. раскопку городища предпринялъ Н. Г. Первухинъ.

По своему оригинальному виду и близости русскихъ поселеній Балезинское городище уже давно обратило на себя вниманіе. Зябловскій упомянулъ о немъ въ 1810 году, сообщивъ при этомъ, что вотяки считаютъ городище „остаткомъ ихъ древняго жилища“ и называютъ его „Курепла“[1]). Въ 1838 г. Вятскія Вѣдомости сообщали, что „близъ с. Балезина, при небольшомъ истокѣ, впадающемъ въ р. Инзу (?), находится городище Курила“[2]). Очень краткое описаніе городища даетъ Памят. книжка за 1870 г. (стр. 109), послѣ чего въ отчетѣ Статист. Комитета за 1873 г. (стр. 15) появляется уже довольно подробное описаніе его.

4) *Сабанчи-каръ* находится въ окрестностяхъ Глазова. Благодаря особенному характеру мѣстности, городище имѣетъ довольно своеобразный видъ. Занимаемый городищемъ мысъ значительно расширенъ къ концу, но когда-то, отъ дѣйствія родниковъ, часть тупого конца его обвалилась книзу, образовавъ на немъ дугообразную выемку, вслѣдствіе чего теперь съ обоихъ угловъ конца мыса спускаются внизъ оригинальные отроги, по которымъ очень удобно спускаться съ городища и подниматься на него. Городище находится между неглубокими и широкими оврагами, и площадь его замѣтно наклонена къ правому скату, на которомъ вслѣдствіе этого и можно замѣтить оплывы, впрочемъ небольшіе. Валъ дугообразенъ, постепенно сливается съ площадкой и вслѣдствіе этого ясенъ лишь со стороны рва. Ровъ широкій, постепенно сливающійся съ полемъ. Находки незначительны; культурный слой слабъ.

5) Вблизи Глазова у дер. Солдыри находится огромный и богатый находками *Игна-каръ*. Городище занимаетъ большой продолговатый мысъ, выходящій въ долины рч. Пызепа и Чепцы, и укрѣплено двумя валами, находящимися другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, прямыми и теперь настолько низкими, что они замѣтны лишь съ тыла городища, со стороны рвовъ, которые тоже очень не ясны. Г. Первухинъ вблизи площадки на концѣ мыса отмѣтилъ существованіе уступа, но мы не могли убѣдиться, что онъ дѣйствительно есть. Культурный слой на площадкѣ городища

---

[1]) *Зябловскій*, 86.

[2]) Вят. Вѣд. 1838, 25.

весьма массивенъ и, несмотря на то, что уже давно распахивается, обѣщаетъ многія находки. Мѣсто предполагаемаго уступа покрыто толстымъ слоемъ чернозема. На скатахъ городища повидимому нельзя ожидать большихъ находокъ; наиболѣе содержательный зольный слой найденъ на правой сторонѣ площадки.

Интересныя серебряныя, мѣдныя и каменныя вещи уже найдены какъ на городищѣ, такъ и около него, но несомнѣнно, что ихъ будетъ открыто значительно болѣе, и вообще Игнакарское городище на ряду съ Дондыкарскимъ и Учка-карскимъ заслуживаетъ на нашъ взглядъ самаго серьезнаго вниманія изслѣдователей.

Дозорная книга 1615 г. отмѣчаетъ „Солдарское городище надъ р. Чепцею". Въ немъ тогда было 7 вотскихъ дворовъ; теперь Солдарская дер. огромная. Вѣроятно, то же городище отмѣчается въ литературѣ подъ именемъ Илкотары, о которомъ первое печатное извѣстіе появилось уже давно. Зябловскій въ 1810 г. пишетъ: „Городище Илкотара разстояніемъ отъ города около 10 в. на правой сторонѣ Чепцы, гдѣ течетъ Пиза. Укрѣплено частью крутыми валами, а частью горою. Кромѣ нѣкотораго числа бугровъ, находящихся внутри градскаго укрѣпленія, въ немъ нѣтъ никакихъ достопамятныхъ развалинъ"[1]). Въ 1838 г. о немъ сообщалось: „въ 5 в. отъ Глазова на восточной сторонѣ р. Чепцы находится городище Илкотара. Съ западной стороны его защищаетъ крутизна горы, на югъ лежитъ глубокая долина, по которой течетъ р. Каза, соединяющаяся съ источниками Чепцы (?). Говорятъ, что прежде находили тамъ серебряныя и мѣдныя вещи и земледѣльческія орудія"[2]).

6) Узылъ у дер. Б. Богатырской, извѣстной подъ этимъ названіемъ и въ дозорной книгѣ 1615 г. Малаховъ отъ одного вотяка слышалъ такое преданіе: „на горѣ у этой деревни въ древности жилъ богатырь-вотякъ, самый старшій надъ всѣми вотяками. Тутъ у него была крѣпость. Онъ самъ звѣровалъ и ходилъ по вотякамъ повѣрять, какъ они шайтану молятся. Потомъ у него не стало духу, крѣпости. Тогда вотяки взяли царскую жену Катерину"[3])

7) Учка-кар у дер. Бушманъ, также извѣстной по дозорной 1616 г., гдѣ отмѣчено: „дер. на Бушманѣ, на старомъ городищѣ, въ ней 7 дворовъ". Это великолѣпное городище Игна-карскаго типа, тоже большое и тоже съ двумя далеко отстоящими другъ отъ друга невысокими валами, расположенное на очень живописномъ мысу, между берегомъ Чепцы и отлогимъ оврагомъ. Мы не встрѣчали городища, которое носило бы на себѣ такой живой отпечатокъ старины. Вглядитесь въ него, отойдя на другую сторону оврага, и вамъ до иллюзіи ясно покажется, что городище еще обитаемо своими прежними насельниками, что они тотчасъ появятся изъ валовъ; вамъ не показалось бы удивительнымъ, если бы предъ вашими глазами вновь закипѣла на этой широкой и веселой площадкѣ живая, широкая жизнь.

Бока городища довольно отлоги и идутъ двумя скатами. Въ концѣ мыса идетъ замѣтный уступъ, можетъ быть искусственный. Находки на Учка-карѣ довольно многочислены и интересны; культурный слой значительный, хотя не въ такой мѣрѣ, какъ

1) Зябловскій, стр. 56.
2) Вят. Вѣд. 1838, 25.
3) Малаховъ, Къ антропол. вятскаго края, стр. 29.

интересные предметы чудской культуры въ довольно значительномъ количествѣ номеровъ; позднѣе въ городищѣ сдѣланы были новыя находки.

13) На верховьяхъ той же Убыти нами раскопано въ 1887 г. городище *Поркаръ,* находящееся близъ дер. того же имени, въ парзинскомъ приходѣ.

Городище расположено на выдающейся по своему положенію мѣстности. Оно занимаетъ верхнюю площадку очень высокаго холма, спускающагося правильными отлогостями по тремъ сторонамъ. Лѣвая отлогость постепенно переходитъ въ живописный лужокъ, правая круче, но лицевая, третья сторона еще круче и спускается въ глубокую долину рѣчки такъ, что городище какъ бы виситъ надъ нею. Видъ съ городища и теперь хорошъ, но онъ загороженъ огромными, выросшими на скатѣ, деревьями. Это одно изъ живописнѣйшихъ вятскихъ городищъ.

Валъ не высокъ, съ слабо загнутыми концами, длиною до 24 саж. Ровъ почти запаханъ и мало замѣтенъ. Длина площадки городища до 30 саж. Площадка продолговата и нѣсколько выпукла, такъ какъ постепенно спускается къ склонамъ, распахивается. Почва ея глинистая, мѣстами черноземная. Культурный слой сползъ на правый и на лѣвый склоны. На первомъ онъ вмѣстѣ съ черноземомъ образовалъ слой до аршина глубины, почему здѣсь и начаты были первыя раскопки, но оказалось, что находки тутъ рѣдки и незначительны (всего болѣе найдено костей животныхъ) и потому было обращено исключительное вниманіе на лѣвую сторону. Она такъ полата, что распахивается, и покрыта довольно хорошимъ черноземнымъ слоемъ. Рабочіе были разставлены въ линію почти посрединѣ спуска, именно тамъ, гдѣ шелъ край засѣянной полосы, и затѣмъ они постепенно поднимались вверхъ, перебирая руками землю и отбрасывая ее внизъ. Культурный слой лежалъ на склонѣ не ровно; мѣстами онъ оказался довольно цѣлымъ, мѣстами сильно перепаханнымъ; найдена была полоса сравнительно содержательная, но за-то было не мало мѣстъ, гдѣ не попадалось ничего. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слой имѣлъ до аршина въ отвѣсѣ. Проработавъ нѣкоторое время въ указанномъ мѣстѣ, рабочіе затѣмъ оставили почти нетронутою выше лежащую полосу (такъ какъ, по развѣдкѣ, она оказалась малосодержательною) и принялись за раскапываніе въ прежнемъ порядкѣ слоя, лежащаго близъ самой площадки, который оказался хорошо промытымъ водою и потому находокъ здѣсь сдѣлано болѣе. Предприняты были развѣдки и на лицевой сторонѣ городища. Здѣсь оказался толстый слой чернозема, совершенно лишенный находокъ; въ немъ не нашлось даже костей и черепковъ. Благодаря усердію рабочихъ и особенно любителей татаръ изъ сосѣдней деревни, съ увлеченіемъ принявшихся раскапывать городище въ разныхъ мѣстахъ, оно было изслѣдовано основательно, не нельзя сказать, чтобы находки въ общемъ были богаты. Любопытно то, что большинство находокъ подняты въ обломкахъ или измельченномъ видѣ. Найдено: 1) 10 костяныхъ кодочиговъ, нѣкоторые съ украшеніями; 2) двѣ костяныя вязальныя иглы и шило, 3) обломокъ костяной гребенки, 4) костяная бусина, 5) костяныя стрѣлки, 6) ручка отъ какого-то костянаго орудія, 7) гладкій черепокъ болгарскаго сосуда изъ красной глины, 8) обломокъ формы для литья, 9) желѣзная плетеная пряжка позднѣйшаго происхожденія, 10) болгарскія стеклянныя бусы, 11) мелкіе обломки мѣдныхъ украшеній, 12) 3 точильныхъ камня, 13) обло-

мокъ желѣзнаго предмета, 14) 4 желѣзные ножа, 15) 3 желѣзные наконечника стрѣлъ, 16) обломки желѣзныхъ предметовъ, между прочимъ часть замка отъ кремневаго ружья и чугунный язычокъ отъ колокольца, 17) желѣзное огниво, 18) 3 черепка отъ тиглей. Покупкой пріобрѣтены: 19) литое мѣдное изображеніе хищной птицы, 20) мѣдная цѣпочка[1]).

Различныхъ желѣзныхъ обломковъ позднѣйшаго времени, въ родѣ напр. подковы, скобки отъ сундука и пр., найдено было довольно много, и это обстоятельство заставляетъ сдѣлать предположеніе о возможности здѣсь поселенія сравнительно недавняго. Изъ костей на городищѣ всего болѣе найдено лошадиныхъ, свиныхъ и коровьихъ; поднятъ черепъ собаки.

Находки на городищѣ крестьянамъ были извѣстны давно. Раскопокъ на немъ не было, но вещи находимы были въ черноземѣ, который крестьяне брали отсюда для парниковъ. Указываютъ на находки ральниковъ, ножей, мѣдныхъ литыхъ изображеній, кодочиговъ, цѣпочекъ и пр. О. Дерповъ, сдѣлавшій недавно развѣдку на поркарскомъ городищѣ, доставилъ отсюда г. Первухину мѣдную привѣску и серебряную вешицу въ видѣ небольшаго цилиндра съ колечкомъ на днѣ. Черепки поркарскаго городища крупные и толстые, сѣрые и красные, съ крупною раковинною примѣсью. Орнаменты ихъ: 1) шнуровой, 2) отдѣльными кружками, 3) зубчатый (волнистый и вкось). Края сосудовъ встрѣчены и прямые, и съ поясами; иногда они снабжены зубчиками. Изрѣдка встрѣчаются сосуды съ прямымъ дномъ. Найдены обломки сосудовъ, вполнѣ аналогичныхъ съ меньшими сосудами съ Пижемскаго городища: та же величина, толщина стѣнокъ, грубость обработки и цвѣтъ.

14) *У с. Уканъ* находится городище съ тѣмъ же названіемъ Поркаръ, въ оврагѣ, близъ дороги. По слухамъ, городище это было кѣмъ-то нѣсколько лѣтъ тому назадъ раскопано. Въ двухъ верстахъ отъ городища недавно сдѣланы находки блюдъ и другихъ серебряныхъ вещей, между прочимъ нѣсколькихъ монетъ X в. Мѣстные вотяки Поркаромъ называютъ всю возвышенность, идущую по берегу рѣчки между дер. Кичинской и Уканомъ.

15) Еще Пор-каръ находится *при д. Кара-вай* (т.-е. гнѣздо давай) въ Зятцынскомъ прих. Малмыжскаго уѣзда. Вотяки разсказываютъ, что ихъ предки когда-то взяли этотъ Пор-каръ, а сами они только недавно перестали собираться на валъ и праздновать побѣду (?) кумышкой[2]).

16) „Городокъ" у дер. Городищенской Мухинской волости Слободск. уѣзда на правомъ берегу Косы. Городище расположено на верху овальнаго, довольно высокаго, поросшаго лѣсомъ холма, стоящаго у берега р. Косы совершенно отдѣльно отъ ближайшей возвышенности и потому имѣющаго видъ огромнаго кургана. Правый склонъ холма крутъ и спускается прямо въ рѣчку, лѣвый сильно осѣдаетъ, вслѣдствіе чего не такъ крутъ и очень удобенъ для подъема на верхъ. На правомъ склонѣ еще ясны

---

[1]) Указатель выставки при Ярослав. съѣздѣ, стр. 127.

[2]) Вят. Вѣд. 1874 г., II. О другихъ Глазовскихъ городищахъ и находкахъ на нихъ см. Указатель выставки при VII Археол. Съѣздѣ стр. 130—131 и статьи г. Первухина: „Мѣстности Глазовскаго уѣзда, замѣчательныя въ археолог. отношеніи". Вят. Вѣд. 1889, 86—88.

слѣды, опоясывавшаго площадь городища, уступа, на лѣвомъ они уже исчезли. Въ тылу холма находится не широкій, но очень отлогій и удобный спускъ внизъ; для укрѣпленія городища съ этой стороны здѣсь насыпанъ серповидный валъ во всю длину его площадки. Валъ такъ изрытъ, что невозможно возстановить первоначальную вышину его. Площадь городища въ длину тянется до 25 саж., а въ ширину имѣетъ болѣе 10 саж. Вся она изрыта, во всевозможныхъ направленіяхъ, не только ямами (очень глубокими), но и длиннымъ рвомъ. Кладоискатели отыскиваютъ здѣсь богатырское жилье и, по словамъ крестьянъ, уже докопались до крыши его. Крестьяне Городищенской деревни относятся къ своему городищу[1]) вообще съ живѣйшимъ интересомъ и вполнѣ увѣрены въ возможности отыскать въ немъ сокровища.

О находкахъ мелкихъ вещей не слышно. Наши развѣдки въ 1888 г. показали, что мухинское городище вполнѣ безсодержательно. Съ большимъ трудомъ мы отыскали нѣкоторое количество черепковъ и костей на правомъ склонѣ и около вала, а на лѣвомъ не удалось ничего найти. Изъ найденныхъ черепковъ только одинъ оказался съ узоромъ; орнаментъ его аналогиченъ съ украшеніями на черепкахъ чудскихъ чепецкихъ городищъ. Другіе черепки вполнѣ аналогичны съ черепками средне-вятскихъ городищъ (и потому принадлежность мухинскаго городища къ числу чудскихъ еще подвергается сомнѣнію). Мѣстные крестьяне вотяки говорятъ, что городокъ основанъ еще до поселенія ихъ какими-то разбойниками и что дѣды ихъ начали заселять эту мѣстность всего лѣтъ 200 тому назадъ. Въ 1865 г. крестьянинъ Евст. Рязановъ при распахиваніи лужка въ 30 саж. къ востоку отъ городища выпахалъ 6 круглыхъ, до половины витыхъ, серебряныхъ колецъ въ аршинъ длиною и въ $^1/_3$ дюйма толщиною; на одномъ концѣ каждаго пояса были шестигранныя колбочки, на другомъ — соотвѣтственное кольцо или другое приспособленіе для застегиванія[2]). Послѣ того нашлось много охотниковъ искать счастья на городищѣ и въ окрестностяхъ, но болѣе уже ничего не нашли.

Преданій о городищѣ не извѣстно никакихъ, но между жителями деревни съ давнихъ поръ существуетъ обычай праздновать на немъ время посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Старики и женщины собираются на самый городокъ, гдѣ пируютъ и пляшутъ, а молодые внизу устраиваютъ скачку на лошадяхъ, а затѣмъ присоединяются къ пирующимъ[3]).

Долина р. Косы обширная и веселая, берега ея круты и представляютъ много удобныхъ для городищъ мысообразныхъ выступовъ.

17) *Ошланское*. Въ долинѣ рч. Мырмыги, впадающей въ Вою, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, есть городище, вполнѣ аналогичное по устройству съ Мухинскимъ. Оно укрѣплено двумя валами. Объ этомъ городищѣ есть упоминаніе и въ мѣстной литературѣ, гдѣ она отмѣчена въ качествѣ кургана. „Близъ с. Ошлань при рч. Мырмыгѣ огромный курганъ, поросшій лѣсомъ, съ явными признаками, что онъ былъ

---

[1]) Который они называютъ „Городокъ" и „Курилъ".

[2]) Кольца были представлены въ Археол. Коммиссію и Рязановъ получилъ за нихъ 57 р. (по отчету — 45 р.).

[3]) Отчетъ Комит. 1873, стр. 28. Новыя свѣдѣнія стр. 24.

устроенъ руками человѣческими. Окружные крестьяне твердо увѣрены, что въ немъ сокрытъ кладъ, котораго многіе доискивались, но находили, говорятъ, только желѣзныя кольца и нѣкоторыя принадлежности конской сбруи"[1]).

Изъ Глазовскихъ чудскихъ могильниковъ намъ лично извѣстенъ одинъ, именно *Чем-шай,* расположенный на вершинѣ холма между Игна-каромъ и Сабанчи-каромъ. Могильникъ этотъ весь неоднократно былъ перепаханъ, но находки на немъ все еще дѣлаются; отсюда въ коллекцію г. Первухина собраны весьма любопытные предметы. Въ той же мѣстности отмѣчено довольно много вятскихъ кладбищъ (шаймы), изъ которыхъ иныя могутъ оказаться также чудскими[2]).

Переходимъ къ перечисленію отдѣльныхъ находокъ, сдѣланныхъ въ районѣ чепецкихъ городищъ, и начнемъ съ находокъ монетъ.

Въ 1867 г. въ 38 в. отъ Глазова, на правомъ берегу Чепцы, крестьяниномъ Кестымской волости вотякомъ Лекомцевымъ при распахиваніи поля найденъ серебряный кувшинъ въ 5 фун. вѣсомъ, наполненный арабскими монетами, вѣсившими 10 ф. Кувшинъ былъ 6 верш. вышины; широкій въ основаніи, онъ значительно суживался кверху; къ нему придѣлана была тонкая дугообразная ручка. Кувшинъ прекрасно сохранился, даже ручка не погнута, но надписей на немъ не оказалось. Благодаря находчивости и распорядительности станового пристава Юраги и исправника Ребиндера, драгоцѣнная находка, едва не попавшая въ руки скупщиковъ, доставлена была въ Археологическую Комиссію, которая выслала доставившему ее вотяку 600 р., а Юрага и Ребиндеръ получили за заботливое сохраненіе находки по Высочайшему подарку. Сообщая объ этой находкѣ, Вятскія Вѣдомости говорятъ: „Находки древностей въ Глазовскомъ уѣздѣ — не рѣдкость, такъ какъ крестьяне вотяки сбываютъ найденныя золотыя и серебряныя вещи тайкомъ татарамъ купцамъ и притомъ за безцѣнокъ[3]). Часть монетъ распоряженіемъ губернатора была отослана для опредѣленія въ Казанскій университетъ, который отвѣтилъ, что присланныя монеты чеканены во времена владычества арабовъ на востокѣ въ гг. Реѣ, Балкѣ, Самаркандѣ и Багдадѣ, при калифахъ изъ рода Оммайядовъ и Аббасидовъ: Валидѣ, Аль-Мансурѣ и др. въ 90, 91, 152 и 211 гг. геджры[4]). Затѣмъ кладъ былъ подробно описанъ Тизенгаузеномъ въ „Древностяхъ", издаваемыхъ Московск. Археол. Обществомъ. Онъ прежде всего замѣчаетъ, что „эта интересная находка есть, сколько мнѣ извѣстно, первая въ этомъ родѣ, дошедшая до насъ изъ Вятской губерніи". Въ кувшинѣ оказалось: серебряный слитокъ въ 18 зол. и до 1500 серебр. монетъ. Монеты, за исключеніемъ 180 совершенно потертыхъ экземпляровъ, большею частью превосходно сохранились. Изъ нихъ двѣ древнѣйшія

---

1) Памятная книжка 1860, 149. Близъ дер. Лапотной Екатерин. вол. Нолинск. уѣзда существуетъ между оврагомъ и берегомъ рч. Курчумки какая-то грива 130 саж. длиною и 7 саж. шириною, которую мѣстные жители называютъ городищемъ. *Добавочное замѣчаніе:* Какъ Мухинское, такъ и Ошланское городища, по послѣднимъ даннымъ, приходится выдѣлить изъ группы чудскихъ и отнести къ средне-вятскимъ.

2) См. напр. Новыя свѣдѣнія, 36—39. Программа стр. 27. Подробныя свѣдѣнія въ статьѣ г. Первухина.- Слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ древнихъ кладбищахъ близъ д. Зюинской и при поч. Шабаковскомъ, указанныхъ въ Вятск. Вѣдом. 1851, 40. Какое-то „доисторическое кладбище въ Глаз. уѣздѣ" описываетъ *Гильдебрантъ* въ Древн. и Нов. Россіи 1876, 10.

3) Вят. Вѣд. 1867, 47.

4) Вят. Вѣд. 1868, 1.

принадлежатъ къ числу сассанидскихъ монетъ (одна Гормизда IV 587 по Р. Хр., другая — Хозроя II 619 г.), двѣ къ отдѣлу табаристанскихъ владѣтелей Хуршида и Омара, 200 чеканены умейядскими и болѣе 800 аббасидскими халифами, а остальныя, въ томъ числѣ и новѣйшая во всемъ кладѣ (843—844 г.), государями тагеридской династіи. Между халифскими монетами нашлось много отчасти не изданныхъ, отчасти весьма рѣдкихъ экземпляровъ[1]). Въ 1870 г. Археолог. Коммиссія выслала въ Вятскій музей 309 монетъ изъ кестымскаго клада при подробной описи. Они были раздѣлены на 3 группы: 1) монеты умейядскихъ халифовъ, чеканенныя въ Васитѣ 90—129 (708—746) гг., 2) монеты аббасидскихъ халифовъ: Абуль-Аббаса, Мансура, Мегди, Гаруна, Амина, Мутасымъ-Билляха, битыя въ Куфѣ, Бафѣ, Мухаммедіи, Балхѣ, Зеренджѣ, Самаркандѣ, Бухарѣ, Испагани въ 750—834 гг., 3) монеты тагеридовъ, чеканенныя въ Самаркандѣ, Шашѣ, Мервѣ, Мухаммедіи 834—840 гг.[2]).

Конечно, и раньше, и послѣ кестымскаго клада были находимы другіе, и мѣстные жители могутъ многое порасказать объ этихъ крупныхъ находкахъ. Еще болѣе было находимо отдѣльныхъ экземпляровъ монетъ, которые исчезали также безслѣдно, какъ и клады, и потому ихъ сохранилось небольшое количество. Извѣстна находка арабскихъ монетъ, сдѣланная въ 50-хъ годахъ около самаго Глазова, изъ которой много экземпляровъ поступило къ г. Максимовичу, а отъ него въ Вятскій музей, гдѣ онѣ и погибли[3]). Нѣкоторое количество арабскихъ монетъ хранится у мѣстныхъ жителей, особенно у священниковъ, кой-какія попали чрезъ Стат. Комитетъ и г. Первухина на Ярославскій Съѣздъ. Пять серебряныхъ монетъ, найденныхъ (кажется) на Уканскомъ Поркарѣ, оказались принадлежащими: одна Абуль-Хусейнъ Ахмеда изъ династіи Бувейгидовъ, бита въ Мухаммедіи въ 320—356 (933—968 гг.), другая — поддѣлка X в. подъ монету саманидскаго эмира, третья — Мансура, эмира саманидскаго (961—976 г.), четвертая — саманидскій диргемъ эмира Абдулъ-Мелика с. Нуха, бита въ Бухарѣ въ 349 (960) г., пятая — саманидскій диргемъ эмира Мансура, битъ въ Эндерабо въ 360 (971) г.[4]). Три аббасидскіе диргема, оставшіеся у дѣтей г. Максимовича, оказались принадлежащими ко времени: одинъ — халифа Эль-Мегди (битъ въ Керманѣ въ 784 г.), другой — ко времени того же халифа (битъ въ Мухаммедіи въ 780 г.), третій — омайядскаго халифа Гизама с. Абдулъ-Мелика (битъ въ Васитѣ въ 738 г.). Въ могильникѣ „Шай-гуресь“ близъ Игринскаго правленія найдена монета хана Джанибека (1313—1340), битая въ Сараѣ. Близъ Поломскаго городища найдена монета Хозроя II Пурвиза (590—628 гг.), битая въ Ширазѣ. Изъ Ягошурскаго клада были доставлены на Ярославскій Съѣздъ 6 арабскихъ монетъ: Хозроя II Пурвиза, аббасидскій диргемъ халифа Абу-Джафаръ Мансура, битый въ Басрѣ въ 763 г. и оммайядскій диргемъ Іезида II сына Абдулъ-Милиха, битый въ Васитѣ въ 721 г. и еще три монеты Хозроя Пурвиза. Кромѣ того г. Первухинымъ были представлены на

---

[1]) „Древности“ т. II вып. 1, 55—56.
[2]) Вят. Вѣд. 1870, 100.
[3]) Смотритель музея отозвался, что онѣ унесены посѣтителями.
[4]) Указатель выставки при Яросл. Съѣздѣ, стр. 1.

Съѣздъ изъ Глазовскаго уѣзда двѣ монеты Бирди-Бека (1364 г.) и Джани-Бека (1348 г.[1]). Нѣсколько монетъ изъ Кестымскаго клада переданы намъ въ подарокъ живущимъ въ Вяткѣ частнымъ лицомъ. Весною 1885 г. кладъ изъ 406 куфическихъ монетъ и обломка серебрянаго шейнаго кольца найденъ въ д. Богдановской, Тыловайской вол. Сарапульскаго уѣзда, стоящей на рч. Итѣ, притокѣ Лозы. Монеты найдены близъ такъ назыв. „Кладбища", приписываемаго татарамъ; тутъ же, по преданію, было и поселеніе ихъ[2]).

Въ 1888 году крестьяниномъ поч. Ташьялудскаго Нижнеукапской волости Григ. Веретенниковымъ найдены 242 монеты и 4 татарскихъ браслета (печкезовъ). Веретенниковъ отправился ночью съ фонаремъ вдоль рч. Лекмы для ловли заснувшей рыбы. Проходя въ одномъ мѣстѣ въ разстояніи аршина отъ воды, онъ случайно тронулъ съ мѣста какой-то круглый предметъ, быстро покатившійся и зазвенѣвшій; когда крестьянинъ съ любопытствомъ направилъ на предметъ свѣтъ отъ своего фонаря, онъ увидѣлъ подъ ногами маленькій горшечекъ и разсыпавшіяся изъ него серебряныя монетки. Всего ихъ оказалось 152 штуки. На другой день на томъ же мѣстѣ Веретенниковымъ были найдены вновь 90 монетъ и 4 печкеза (браслета). Всѣ монеты удобно помѣщались въ маленькомъ восковомъ сосудцѣ не болѣе вершка въ діаметрѣ. Сосудецъ этотъ имѣетъ круглое дно и формою очень походитъ на горшки, находимые при раскопкахъ вотскихъ городищъ. Монеты археологическою коммисіею признаны за „золотоордынскія", относящіяся къ XIV столѣтію[3]).

Серебряныя и мѣдныя монеты были находимы въ слѣдующихъ селеніяхъ Шавканской вол. Сарап. уѣзда: Яшна (Таклягуртъ), Николаевскомъ (Бадярово), Кесшурѣ и Ляльшурѣ.

Въ 1883 г. въ полѣ дер. Рябиновской, Порѣзской вол., Глазовскаго уѣзда крестьяниномъ Обуховымъ найдены слѣдующія серебрянныя вещи: витое ожерелье въ 50 золот. вѣсомъ, перстень со вставкою, двѣ пряжки съ изображеніемъ коней, три сережки, 6 восточныхъ монетъ, 3 круглыя бляхи, на одной изъ нихъ было изображеніе какого-то звѣря[4]). Тогда же крестьянинъ дер. Омутницкой, Лудошурской вол. (около Глазова) нашелъ при паханіи 3 обломка серебряныхъ ожерелій[5]). Въ 1886 г. на Уканскомъ городищѣ или близъ него, кромѣ серебрянныхъ монетъ найденъ мѣдный прутъ и серебряный перстень съ восточнымъ узоромъ въ видѣ петель[6]). Въ 1886 г, въ оврагѣ Жоп-шуръ близъ того же городища найдены двѣ серебряныя тарелочки съ изображеніемъ оленя, змѣи и собаки. Въ 1888 г. крестьяне дер. Лудошурской (близъ Глазова) Поздѣевы подняли на вспаханной ими нови 5 серебряныхъ обручей обычной формы. Всѣ обручи вѣсили до 2-хъ фунт. Обручи—одинаковой величины (до четверти въ діаметрѣ), всѣ имѣютъ одинаковыя колбочки, именно плоскія въ 9 граней, и носятъ на

---

1) Тамъ же стр. 12, 14, 15, 16, 17.

2) Монеты были доставлены мѣстному исправнику только въ январѣ 1888 г., т.-е. черезъ три года. Нашедшій ихъ крестьянинъ получилъ отъ Археол. Комиссіи 125 р. Вят. Вѣд. 1888, 22.

3) Находчикамъ вознагражденія за нихъ назначено 20 руб. Вят. Губ. Вѣд. № 100, 1888 года.

4) Вятск. Вѣд. 1883 г., 49.

5) Тамъ же.

6) Указатель выставки, 1.

себѣ [illegible] потребленія. Нѣсколько [illegible] трое крестьянъ той же деревни [illegible] всѣ вмѣстѣ [illegible] [3].

[illegible] двухъ блюдъ, найденныхъ въ 1887 г. близъ Глазова. Блюда были найдены [illegible] Въ этотъ день онъ [illegible] отъ [illegible] въ 30 отъ проселочной дороги, по которой [illegible] изъ дер. Г[illegible] въ г. Глазовъ. Замѣтивъ [illegible] что-то блестящее, крестьянинъ бросился [illegible] оба эти блюда. Черезъ нѣ[illegible] онъ представилъ свою находку въ [illegible], а уѣздный исправникъ переслалъ ее затѣмъ [illegible] губернатору.

Оба блюда представляютъ находку [illegible] интересную и въ научномъ, и въ художественномъ отношеніи. Особенно хорошо [illegible] блюдо или скорѣе блюдце, такъ какъ діаметръ его не болѣе [illegible] верш. [illegible] блюдо [illegible] подходитъ къ обыкновенному чайному блюдечку или [illegible]; есть поддонокъ, небольшой, нѣсколько болѣе [illegible] верш. [illegible] по высотѣ. Лицевая сторона покрыта изображеніями, расположенными въ одномъ среднемъ и восьми примыкающихъ къ нему медальонахъ. Въ среднемъ медальонѣ, [illegible] непрерывною [illegible] между двумя [illegible] рисунка тонкими кругами, изображенъ [illegible][2], держащій въ клювѣ что-то въ родѣ ожерелья съ высоко-развѣвающимися концами широкихъ лентообразныхъ завязокъ. Всѣ остальные медальоны значительно меньшихъ размѣровъ, образованы [illegible] и расположены вокругъ средняго. Въ четырехъ медальонахъ изображены птицы, среди которыхъ можно отличить куропатку, въ другихъ четырехъ — [illegible]. Всѣ изображенія не чеканены, а [illegible] и выдѣляются [illegible], такъ какъ вся описанная лицевая сторона блюдца густо по[illegible] только за [illegible], за самые рисунки. Въ общемъ, [illegible] и простотѣ рисунка, по чистотѣ работы и металла, предста[illegible]. [illegible] массивности серебряныхъ вещей были бы [illegible] этого блюдца, которое при небольшой вели[illegible] болѣе 2 фунтовъ.

[illegible] представляетъ собою скорѣе плоскій круглый подносъ съ широ[illegible] въ діаметрѣ. Лицевая сторона его также покрыта изоб[illegible] болѣе замысловатыми, но той же композиціи рисунка. [illegible] изображена молодая обнаженная женщина, опирающаяся на [illegible] даетъ коржъ Діанѣ?. Благодарное животное сто[illegible] жуетъ данную ему травку. Женщина затѣйливо

[1] [illegible] за эту находку 35 руб.

[2] [illegible] отъ Археологич. Комиссіи 62 руб.

[3] [illegible]

причесана; легкая ткань, которою она нѣсколько прикрыта, мелкими складками спускается на руки и станъ. Въ восьми идущихъ кругомъ медальонахъ изображены различные звѣри: левъ, нѣсколько оленей, павлинъ съ ожерельемъ въ клювѣ и нѣсколько другихъ птицъ. По широкому и плоскому ободку нарисовано 27 фигуръ различныхъ четвероногихъ и птицъ, обращенныхъ влѣво. Какой-нибудь цѣльной сцены, напр. охоты, онѣ не представляютъ, но все-таки нѣкоторыя фигуры соединены въ общую картину: тутъ тигръ налагаетъ тяжелую свою лапу на оторопѣвшаго козла, а впереди въ испугѣ несутся прочь два оленя, потомъ изображенъ гордый барсъ, а передъ нимъ скачутъ двѣ лошади или зебры, напрягши всѣ свои силы; далѣе виденъ левъ вблизи трехъ животныхъ оленьей породы. Еще есть другая фигура льва и кромѣ того вырѣзаны: кабанъ, лиса, зайцы, орелъ, прекрасная собака и пр. Между всѣми фигурами, изображенными на блюдѣ, кольцами вьется виноградная лоза съ многочисленными листьями и гроздьями, что очень пестритъ рисунокъ, лишая его пріятной для глазъ простоты. Весь фонъ сплошь усѣянъ мелкими, бисерообразными кружочками. Фигуры не чеканены и не вылиты, а только вырѣзаны и всѣ покрыты позолотой. На нижней сторонѣ блюда сохранились ясные слѣды когда-то припаянныхъ къ ней трехъ овальныхъ ножекъ или полосокъ. Вѣсу въ этомъ блюдѣ вдвое болѣе, чѣмъ въ первомъ — около 4 фунтовъ, но листъ, изъ котораго оно сдѣлано, прокатанъ тонко". По опредѣленію Археолог. Комиссіи блюда признаны персидскими VI — VII вв. Нашедшій ихъ крестьянинъ получилъ отъ коммисіи 500 р.[1]).

На верховьяхъ Камы городищъ въ собственномъ смыслѣ мы лично не знаемъ, но все-таки можемъ отмѣтить тамъ нѣсколько вѣроятныхъ мѣстъ поселенія чуди. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна такъ назыв. Чудская гора у с. Егорьевскаго (Шуди или Чудзи-Каръ), уже описанная нѣсколько разъ, хотя и слишкомъ коротко. Алабинъ сообщаетъ о ней слѣдующее: „Въ Зюздинскомъ краѣ есть, говорятъ, большая гора, покрытая курганами и посреди нея городище. Гора эта въ народѣ слыветъ чудскою"[2]). О. Блиновъ вскорѣ даетъ ея болѣе подробное описаніе: „Въ одномъ изъ Зюздинскихъ селъ есть очень большая гора, которая называется чудскою; въ насыпныхъ курганахъ на ней находятъ старыя монеты, вещи изъ домашней утвари старинной отдѣлки, украшенія и пр. На половинѣ горы есть городище изъ наносной земли, гдѣ по преданіямъ жили разбойники"[3]). У Иванова находимъ слѣдующее мѣсто: „за с. Егорьевскимъ поднимается на правомъ берегу многосаженная, такъ называемая Большая Рудная или Чудская гора. Послѣднее названіе объясняется находимыми здѣсь чудскими мѣдными вещами. Когда я взобрался на вершину горы, ясно стало мнѣ, почему чудь избрала Рудную гору для своего жилья. Высоко подымается гора, далеко съ нея видно: видна Кама какъ на ладони, изгибающаяся, дѣлающая безчисленные обороты по заливной равнинѣ; видно Георгіевское, Бисерово и десятокъ мелкихъ починковъ"[4]).

---

1) Вят. Вѣд. 1887, 81.
2) Вят. Вѣд. 1865, 56.
3) Вят. Вѣд. 1865, 62.
4) Матеріалы къ антропол., стр. 10.

Другія городища съ долею вѣроятія указываются близъ с. Бисерова и Березовскаго поч. (Зуй-каръ). Въ Зуй-карѣ какія-то двѣ высоты, на которыхъ по преданію жили два брата[1]). Ивановъ отмѣчаетъ еще чудское поселеніе на такъ назыв. Бурковой горѣ[2]). Въ другомъ мѣстѣ мы привели свѣдѣнія, какія г. Ивановъ собралъ о чудской культурѣ на верховьяхъ Камы и Вятки[3]). Собранная имъ здѣсь небольшая коллекція чудскихъ вещей находится въ Геологическомъ Кабинетѣ Казанскаго Университета.

Учитель Шатровъ нашелъ и раскопалъ близъ дер. Горд-кушетъ и въ другихъ мѣстахъ Зюздинскаго края любопытныя чудскія могилы, гдѣ, кромѣ предметовъ чудской культуры, онъ добылъ и чудскіе черепа[4]).

Не будемъ перечислять всѣхъ мелкихъ находокъ, сдѣланныхъ на верховьяхъ Камы въ мѣстныхъ селахъ и деревняхъ, скажемъ лишь, что ихъ извѣстно больше, чѣмъ на Чепцѣ, гдѣ подобныя вещи уже давно отысканы, подняты и утрачены. Укажемъ только болѣе значительныя находки. Весною 1874 г. крест. дер. Кытмановой, Харинской вол., Сюзевъ нашелъ серебряное блюдо съ изображеніемъ на немъ дракона, вѣсомъ $2^{8}/_{8}$ ф. Археол. Комиссія назвала эту находку весьма любопытною и выдала за нее Сюзеву 200 р., — сумму, значительно превышающую вѣсовую стоимость находки, въ видахъ поощренія мѣстнаго населенія къ доставленію подобныхъ находокъ въ Комиссію[5]). Изъ села Зюздино-Афанасьевскаго г. Радакову доставлены были: мѣдный литой идолъ, изображающій обнаженную человѣческую фигуру, съ руками у пояса, подвѣска къ серьгѣ и браслетъ[6]). Въ 1888 г. близъ с. Кайгородскаго, при распашкѣ новочисти крестьяниномъ поч. Воробьевскаго Масленниковымъ, найдено большое серебряное кольцо-ожерелье[7]). Въ августѣ 1889 г. въ полѣ д. Масленниковой той же волости на новочисти найдена неопредѣленнаго назначенія серебряная вещица въ 47 зол. вѣсомъ. Она представляетъ собою грубо вылитую массивную удлиненную пластинку, плоскую съ расширеніемъ посрединѣ и языкообразными концами, и по формѣ ближе всего напоминаетъ ножку отъ стула или какую-нибудь часть лошадиной сбруи. Концы пластинки грубо соскоблены ножомъ. — Повидимому, чудь на верховьяхъ Вятки проживала много дальше Гидаева. Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ нашего сѣвера, въ Синегланскомъ краѣ, указываютъ два чудскіе могильника, весьма извѣстные въ семъ краю: 1) на устьѣ рч. Костанки, впадающей въ Кобру, выше Синеглинья верстахъ въ 50; здѣсь выкапываются кости и бываютъ находки; едва ли вблизи нѣтъ городища; 2) же въ одномъ мѣстѣ на рч. Созѣ, впадающей въ Кобру выше Костянки верстахъ въ 25.

1) [illegible]
2) [illegible] стр. 22.
3) [illegible] въ Вятск. Календ. на 1889 г. стр. 41—46.
4) [illegible] 1888. 60—62.
5) [illegible]
6) [illegible] Каталогъ выставки, стр. 34.
7) [illegible]

IV. Собственно болгарскія древности и камскія елабужскія городища.

Собственно болгарскими городищами въ Вятской губерніи мы рѣшаемся признать только два, елабужское и граханское (послѣднее — Казанской губерніи, но стоитъ на устьѣ р. Вятки.)

1) *Елабужское* городище пользуется широкою извѣстностью на Камѣ и не разъ было описано, но интересъ любопытныхъ посѣтителей и ученыхъ путешественниковъ сосредоточивался исключительно на остаткахъ расположеннаго на городищѣ каменнаго сооруженія; другія же особенности его до сихъ поръ мало привлекали вниманія и оставались безъ изслѣдованія.

Городище находится близъ г. Елабуги и расположено надъ устьемъ рч. Тоймы на весьма высокомъ (до 25 саж. высоты) каменистомъ мысу[1]). Видъ отсюда на теченіе Камы обширнѣйшій, а бѣлая башня городища виднѣется очень издалека. Справа городища идетъ крутой каменистый спускъ къ рѣчкѣ, а слѣва — глубокій и длинный оврагъ, который нынѣ навѣрное шире и глубже, чѣмъ былъ прежде, такъ какъ проходитъ по весьма рыхлой супесчаной почвѣ. Городище занимаетъ удлиненную площадку и должно быть отнесено къ числу значительнѣйшихъ на Камѣ, такъ какъ одна ширина этой площадки доходитъ до 55 саж., а длина ея, взятая вмѣстѣ съ укрѣпленіями, почти втрое больше. Часть площадки до перваго вала имѣетъ весьма чувствительный склонъ на лѣвый бокъ, въ ширину до 20 саж. Укрѣпленія такъ основательны, что занимаютъ немногимъ менѣе половины всей площади городища; они состоятъ изъ трехъ массивныхъ валовъ: двухъ прямыхъ и одного согнутаго подъ угломъ; всѣ три сопровождаются вполнѣ отчетливыми рвами. Валы отстаютъ другъ отъ друга болѣе чѣмъ на 25 саж. и представляется вѣроятнымъ, что нѣкогда подъ защитою ихъ существовали небольшіе посады[2]).

---

1) Изображеніе мыса съ башней см. въ статьѣ Невоструева.

2) Вотъ болѣе точные размѣры разныхъ частей городища: длина третьяго вала 36 + 38 саж., разстояніе до второго по правому боку 28 саж., по лѣвому 37; длина второго около 55 саж., разстояніе до перваго по правому боку 21 саж., по лѣвому 28; длина перваго вала 47 саж.; длина остальной части праваго бока 27 + 75 саж., а лѣваго 104 саж.; ширина вала со рвомъ доходитъ до 10 саж.

и голыши изъ песчаника, преимущественно краснаго; очень мелкихъ камней они не употребляли и видимо заботились о томъ, чтобы камни въ стѣнѣ прилегали другъ къ другу возможно плотнѣе. Цементъ состоитъ изъ крупно толченаго алебастра съ небольшимъ количествомъ гальки.

Кому принадлежало это сооруженіе и каково его первоначальное назначеніе? Принадлежало оно, конечно, болгарамъ или татарамъ, а назначеніе его мы пока не рѣшаемся опредѣлить, но во всякомъ случаѣ это не цитадель, такъ какъ размѣры его для такой цѣли слишкомъ незначительны. Вѣроятно, это или что-нибудь въ родѣ караванъ-сарая, или, что всего вѣрнѣе, гробница какого-нибудь хана или святого. Послѣднее предположеніе можно основать между прочимъ на томъ обстоятельствѣ, что сооруженіе наиболѣе характерною своею частью (тою стороною, гдѣ расположена треугольная башня) обращено на югъ; если предположить, что дворъ былъ покрытъ сверху деревяннымъ навѣсомъ, то все сооруженіе можетъ напоминать мечеть, при чемъ треугольная башня могла бы имѣть значеніе мусульманскаго „михраба". Не есть ли это гробница Амлянъ-хаджи и другихъ послѣдователей пророка, которую, по словамъ Шерефъ-Эддина, посѣтилъ на устьѣ Тоймы Тимуръ? Или можетъ быть это подражаніе какой-нибудь мусульманской постройкѣ въ родѣ Каабы?

Проф. Невоструевъ древнѣйшее упоминаніе объ Елабугѣ (подъ именемъ Суддума[1]) нашелъ у Шерефъ-Эддина, передающаго, что этотъ городъ находится на устьѣ Тоймы, что онъ, какъ и Булгаръ, былъ разоренъ Аксакъ-Тимуромъ; Шерефъ-Эддинъ упоминаетъ, что на юнанскомъ языкѣ „Суддумъ" значитъ — „окунь", по татарски — „алабуга", что при Тимурѣ въ Суддумѣ ханомъ былъ Иль-бакши; кромѣ того, сообщаетъ нѣкоторыя подробности раззоренія этого города. Самъ Невоструевъ, ссылаясь на то, что во всѣхъ лѣтописяхъ о походѣ на болгаръ Андрея Боголюбскаго въ 1164 г. прославленный чудомъ г. Брахимовъ указывается на Камѣ, и на то, что этотъ городъ, какъ крайній, дѣйствительно могъ быть пятымъ въ числѣ тѣхъ, которые занялъ въ этотъ походъ русскій князь, считаетъ возможнымъ думать, что на мѣстѣ елабужскаго городища стоялъ именно этотъ булгарскій городъ. Авторъ „Казанской исторіи" упоминаетъ о существованіи на Камѣ пустого разореннаго Андреемъ Боголюбскимъ города стараго Брахова, но о прорицалищѣ на Бѣсовомъ городищѣ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ и подъ другимъ именемъ. Шпилевскій, на томъ основаніи, что въ татарскихъ лѣтописяхъ одни и тѣ же разсказы относятся одинаково къ Брахимову и Булгару и въ виду того, что Булгаръ въ древности стоялъ на Камѣ, признаетъ тожество Брахимова съ Булгарами[2]), но ясно, что вопросъ о мѣстоположеніи загадочнаго Брахимова все еще не рѣшается этимъ соображеніемъ. Въ 1614 г. на городищѣ казначеемъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря Іоною построенъ монастырь, существовавшій здѣсь до 1764 г., т. е. въ теченіе ровно 150 л.

Сохранилось небольшое описаніе каменнаго сооруженія на елабужскомъ городищѣ 1767 г., изъ котораго мы узнаемъ, что въ эту пору еще оставалась цѣлою вся восточная стѣна, а большая башня въ ней помѣщалась церковь во имя Св. Духа) имѣла

[1]) Березинъ читаетъ „Сейухъ". Учены Зап. Казан. Унив. 1852. III стр. 151.

[2]) *Шпилевскій*, Древніе города 115—123.

до 3 саж. въ вышину и была прикрыта деревяннымъ шатромъ. Два года спустя остатки каменной стѣны и башенъ были описаны Рычковымъ, давшимъ и изображеніе ея, равно какъ и подробный планъ всего городища[1]). Верхнія части двухъ башенъ въ это время уже были разрушены, сравнялись со стѣною и ничѣмъ не были прикрыты. Вверху сохранившейся большой башни еще оставались шесть небольшихъ окошекъ[2]). Рычковъ предполагаетъ, что эта башня была проходная, надворотная. Въ 1834 г. городище посѣтилъ и описалъ проф. Эрдманъ. Въ это время отъ двухъ башенъ оставались только основанія, а третья была уже сильно разрушена, особенно съ западной стороны. Эрдманъ замѣтилъ въ этой башнѣ два этажа и остатки дубоваго наката[3]). Въ 1844 г., какъ узнаемъ изъ записки о городищѣ Л. Кулыгинскаго, три стороны оставшейся башни были разрушены крестьянами и она оставалась только въ видѣ „доски", съ дверью и окномъ[4]), какъ она нарисована у Свиньина, въ атласѣ къ трудамъ I Археолог. Съѣзда и въ одномъ иллюстрированномъ изданіи 1880 г.[5]) Въ 1867 г. башня была реставрирована елабужскими гражданами, но не вполнѣ удачно: къ ней прибавленъ контрфорсъ и верхній этажъ выведенъ круглымъ, вмѣсто шестиграннаго, какъ бы слѣдовало; характеръ каменной кладки также измѣненъ.

Въ 1869 г. обширную статью объ елабужскомъ городищѣ написалъ для I Археологическаго Съѣзда проф. Невоструевъ. Здѣсь очень заботливо и полно собраны всевозможныя свѣдѣнія о городищѣ, данъ планъ его, видъ мыса и видъ оставшейся части башни[6]). Къ приведеннымъ имъ указаніямъ на литературу предмета прибавимъ, что нѣкоторыя, впрочемъ самыя незначительныя свѣдѣнія объ елабужскомъ городищѣ можно найти у Зябловскаго[7]), въ Журн. М. В. Д. за 1844 г.[8]) и у Алабина[9]). Изображеніе уцѣлѣвшей башни находится среди видовъ вятскихъ городовъ начала нынѣшняго столѣтія, хранящихся въ Вятск. Статист. Комитетѣ.

Въ 1881 г. городище отчасти было раскопано П. А. Пономаревымъ, но при этомъ характерныхъ находокъ не было сдѣлано[10]). Нами значительныя раскопки на городищѣ были произведены лѣтомъ 1888 г. Были старательно осмотрѣны оба склона городища, на пространствѣ всей площадки вырыто множество пробныхъ ямъ, а въ оползнѣ, оказавшемся здѣсь на лѣвомъ наклонѣ, проведено нѣсколько рвовъ, главнымъ образомъ на самомъ мысу городища, такъ какъ толща культурнаго слоя здѣсь найдена наиболѣе значительною. Впрочемъ оползень оказался настолько бѣднымъ на-

---

1) Книги кап. Рычкова мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ руками.

2) Въ самомъ дѣлѣ, верхній этажъ этой башни былъ шестигранный, какъ это ясно можно видѣть по одной сохранившейся до нашего времени грани. Находящееся въ этой грани окно имѣетъ 2 арш. 4 верш. высоты и 1 арш. 8 верш. ширины; окно это имѣетъ уступъ, опирается прямо на нижній круглый этажъ и находится отъ земли на разстояніи $2^1/_3$ саж.

3) „Заволжскій Муравей", 1834 г. № 5 и 6. Эрдманъ даетъ неточный планъ городища и видъ сохранившейся башни, нарисованный, какъ намъ кажется, болѣе по памяти, чѣмъ съ натуры.

4) Въ 1854 г. подробное описаніе елабужскаго городища было доставлено Кулыгинскимъ въ Географ. Общ.

5) Нива 1880, 39.

6) Труды I Археологич. Съѣзда т. II, стр. 576—592.

7) *Зябловскій,* Землеоп. Рос. Имп. т. IV, 89.

8) Ж. М. В. Д. 1844 г., т. III, 515.

9) Вятск. Вѣдом. 1859, 30.

10) Отчетъ Казан. Археолог. Общ. за 1881 г., стр. 21.

ходками, что весь интересъ раскопки сосредоточился на изслѣдованіи фундамента каменной постройки.

2) Находящійся на устьѣ р. Вятки *близъ д. Грахань* „городокъ", быть можетъ, былъ болгарскимъ наблюдательнымъ постомъ.

Граханское городище прежде всего любопытно тѣмъ, что оно не только не выступаетъ, не выдается, а какъ бы старается скрыться между сосѣдними горами, такъ что его дѣйствительно, напр. съ парахода, можно отличить не сразу. Находится оно въ полѣ крестьянъ дер. Соколки, но ближе къ д. Грахань, между двумя оврагами, на мысу, поверхность котораго ниже окружающихъ возвышенностей. Мысъ имѣетъ неправильныя очертанія, такъ какъ земля постоянно осыпается; несмотря на послѣднее обстоятельство, городище и теперь можно назвать значительнымъ. Валъ его массивенъ, длиною 50 саж., согнутъ подъ угломъ, ровъ вполнѣ отчетливъ; въ валу сдѣлана большая выемка кладоискателями. Площадь городища не очень ровная и постепенно спускается внизъ; ближе къ стрѣлкѣ на ней огромная яма. Культурный слой слабъ, такъ что хотя часть площадки засѣвается, но хлѣбъ на ней растетъ весьма плохо. Развѣдки осыпей въ разныхъ мѣстахъ, особенно съ праваго бока, показали, что и онѣ не обѣщаютъ находокъ, даже черепковъ найдено здѣсь ограниченное количество. Лѣтъ 20—25 тому назадъ, когда площадка городища еще не была истощена, граханскіе ребята приходили сюда во время пашни съ спеціальною цѣлью разживиться находками, на которыя въ это время можно было всегда расчитывать. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ находокъ, указанныя самими, нашедшими ихъ, лицами: серебряное кольцо съ большой наставкой, желѣзный балансъ отъ вѣсовъ, мѣдныя скалки отъ вѣсовъ, даже съ цѣпочками, копья, желѣзные кинжалы, котлы (?) и пр., все вещи болѣе желѣзныя, чѣмъ мѣдныя. Одинъ изъ крестьянъ принесъ мнѣ свою старинную находку на городищѣ — отличное небольшое желѣзное копье съ втулкой и яблокомъ на ней. Мною въ обрывахъ подняты: въ небольшомъ количествѣ разбитыя кости, немного черепковъ, немного битыхъ голышей, двѣ мѣдныя пластинки (обломки), костяная рукоятка съ дырочкой, гладкій черепокъ болгарскаго типа. Судя по всѣмъ приведеннымъ даннымъ, нельзя ли заключить, что граханское городище принадлежало болгарамъ? — Крестьяне по старой памяти интересутся городищемъ и думаютъ, что на немъ можно найти кладъ; ямы кладоискателей на площадкѣ городища и въ валу („землянки") они приписываютъ разбойникамъ, изъ чего можно заключить, что эти ямы вырыты уже давно. Видъ съ городища не обширенъ.

Впервые неопредѣленное указаніе на граханское городище помѣщено нами въ каталогѣ[1]); побывать на немъ намъ пришлось только лѣтомъ 1888 г.

Близь устья Вятки находятся еще два городища, которыя мы не знаемъ къ какой группѣ причислить, и описываемъ ихъ въ числѣ болгарскихъ городищъ только потому, что они не походятъ на другія камскія укрѣпленія этого рода.

3) *Котловская шишка.* Близь с. Котловки находится высочайшій характерный холмъ (такъ называемая „шишка") видный издалека. Съ верху этого холма откры-

---

[1]) Дополненіе, стр. 34.

вается обширнѣйшій видъ на Танайку, Синтяки, огромную дачу Стахѣева и на далекое разстояніе внизъ по теченію Камы; сзади виднѣются поля. Вершина холма занята орѣшникомъ и хлѣбнымъ полемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея видны искусственныя валы, показывающіе, что холмъ имѣлъ значеніе укрѣпленія. Одинъ валъ защищаетъ вершину холма со стороны поля; онъ очень массивенъ, тянется на 90 саж., нѣсколько загибается къ оврагу и въ двухъ мѣстахъ имѣетъ проходы (черезъ 13 саж. съ того и другого конца). Валъ этотъ идетъ почти по подошвѣ возвышенности и потому самая площадь городища сильно поднята. Другой валъ значительно менѣе длиною (10 саж.) и такъ низокъ, что мало замѣтенъ; сопровождается яснымъ рвомъ. Этотъ валъ ограждаетъ собою длинный (до 50 саж.) и узкій лѣвый отрогъ холма. Признаки нѣсколькихъ небольшихъ валовъ можно еще замѣтить на узкомъ спускѣ съ городища.

Городище открыто нами въ 1888 г. Раскопокъ на немъ не было произведено, такъ какъ нигдѣ не оказалось значительнаго скопленія зольнаго слоя. Слабый культурный слой обнаруженъ почти по всей вершинѣ холма, особенно же въ мѣстности, примыкающей къ главному валу, но кромѣ небольшаго числа черепковъ нами здѣсь ничего не было найдено. По словамъ крестьянъ любопытныхъ предметовъ на Котловской Шишкѣ не было никогда находимо. Черепки очень измельчены и по составу ближе всего подходятъ къ черепкамъ съ сарапульскихъ городищъ; раковинная примѣсь если есть, то рѣдко и при томъ очень слабая; на видъ черепки желтые.

4) *Котловское*. Въ полуверстѣ отсюда ниже по теченію, у перваго оврага, расположено другое городище. Типъ его обычный. Оно находится на мысу между глубокимъ и крутымъ оврагомъ (слѣва) и отлогимъ скатомъ (справа). Площадка нѣсколько оборвалась; особенно пострадалъ острый конецъ мыса. Лѣвая сторона городища тянется на 48 саж., правая на 38, тупой конецъ мыса имѣетъ въ длину 14 саж. Городище укрѣплено двумя валами; первый имѣетъ въ длину 23 саж., сохранившаяся часть второго — 20 саж. Между валами растояніе 23 саж. Первый отъ площадки валъ вполнѣ ясенъ и сопровождается рвомъ, второй слабъ и уже не имѣетъ за собою рва. Вся площадь распахивается. На скатѣ съ правой стороны имѣются наплывы культурнаго слоя съ городища, особенно ближе къ площадкѣ, впрочемъ не глубже полуаршина; лѣвая осыпь ничтожна. Тонкій зольный слой найденъ на первой площадкѣ, ближе къ концу ея.

Городище открыто и обслѣдовано нами въ 1888 г. Раскопки были произведены на правомъ склонѣ близь площадки, но находокъ добыто очень мало; кромѣ значительнаго количества черепковъ здѣсь найдены кости (лошади, лося, гуся, барана, бобра, много рыбьихъ), плоскіе ромбоидальные камни съ отверстіями (грузила?), обломки сглаженныхъ жерновыхъ камней, обломки костяныхъ вещицъ, напрясло, раковины. За вторымъ валомъ черепковъ уже не было находимо. Котловскіе черепки такъ характерны, что даже при первомъ взглядѣ ихъ не трудно отличить отъ черепковъ другихъ камскихъ городищъ. Работа ихъ очень груба, такъ что гладкихъ черепковъ почти не встрѣчается; орнаментъ, можно сказать, отсутствуетъ, только изрѣдка попадаются кружки или грубые зубчики на краяхъ; толщина очень значительная (сред-

ная 0,7 сант., но есть экземпляры до 1,3 сант. толщины). Всѣ сосуды были уже съ прямымъ дномъ и края ихъ совершенно прямые; величина сосудовъ изрядная: средніе имѣютъ въ діаметрѣ 6—8 вершк., малые — 2 вершка. Матеріалъ — глина съ пескомъ, иногда съ крупной ракушкой.

Съ площадки городища открывается обширный видъ на теченіе Камы, которая здѣсь дѣлаетъ изгибъ. Отсюда же прекрасно видна Котловская Шишка, которая представляется красивой округленной острой вершиной, почти сплошь поросшей лѣсомъ[1]).

5) Въ полуверстѣ отъ дер. *Нов. Анзирка* (Черкасовск. вол.) недавно распаханъ земляной валъ, около котораго найдена была большая желѣзная пика[2]). Анзирка находится уже на р. Вяткѣ.

---

[1]) Упоминается въ краткихъ свѣдѣніяхъ селеній Елаб. уѣзда, 78.
[2]) Тамъ же, 60.

съ общественною куалою, т.-е. молитвеннымъ шалашомъ. Вытѣснивъ вотяковъ, русскіе принялись разрушать и куалу. Изъ куалы вылетѣлъ голубь; пролетая мимо церкви, онъ, подъ вліяніемъ невидимой силы, присталъ къ ней и оставался такъ до тѣхъ поръ, пока не издохъ. Разрушавшіе куалу рѣшили сжечь ее, но когда огонь обхватилъ зданіе, всѣ они ослѣпли. Вотяки предполагаютъ, что на мѣстѣ куалы осталась площадь, такъ какъ строиться тутъ нельзя — неспокойно[1]). Вотяки другой мѣстности разсказываютъ, что они пришли съ западной стороны, изъ-за г. Вятки, гдѣ у нихъ было свое царство и свободное внутреннее управленіе. Чѣмъ жили тогда вотяки, не извѣстно, но по преданію сохранилось, что хлѣба они въ ту пору не сѣяли. Когда русскій царь взялъ пограничные съ ихъ царствомъ города, то началъ принуждать вотяковъ креститься и такъ какъ вотяки не согласились на это, царь сказалъ имъ: „убирайтесь отсюда подальше, въ лѣса, и живите вмѣстѣ съ лѣсными звѣрями какъ звѣри". Вотяки не хотѣли оставлять своей родины и своего царства, но русскіе вытѣснили ихъ силою на востокъ, гдѣ тогда были непроходимые лѣса. Вмѣстѣ съ вотяками были вытѣснены и жившіе по сосѣдству съ ними черемисы[2]).

Составитель Повѣсти о градѣ Вяткѣ, писавшій въ концѣ XVII в., внесъ въ свой трудъ со словъ народнаго преданія указаніе, что въ Хлыновской области въ глубокую старину жили вотяки, которыхъ русскіе пришельцы и должны были отсюда изгнать[3]). Деревни съ названіемъ „вотская" можно найти и около Вятки, и около Котельнича. Въ 1615 г. въ Березовскомъ стану около Хлынова упоминается Богоявленская вотская пустошь[4]). Въ той же мѣстности есть двѣ рѣчки съ названіемъ „Вотская": одна впадаетъ въ Молому съ восточной стороны, другая въ Вятку пониже с. Вишкиля. Любопытно, что соха крестьянъ Орловскаго уѣзда вполнѣ похожа на вотскую[5]).

Точныхъ свѣдѣній о столкновеніяхъ русскихъ пришельцевъ съ вотяками мѣстное населеніе уже не сохранило. Предполагаютъ, что одно изъ побоищъ было у часовни, стоящей въ 7 в. отъ Слободскаго (по направленію къ Каю); вотяки не принимаютъ участія въ панихидѣ, которая служится здѣсь въ Дмитріевскую субботу[6]). Были какія-то побоища въ Нолинскомъ уѣздѣ[7]); построеніе часовни у Воскресенской Гари преданіе приписываетъ также одному изъ столкновеній хлыновцевъ съ вотяками[8]). Всего болѣе преданій о столкновеніяхъ у русскихъ съ вотяками въ Хлыновской области сохранилъ составитель Повѣсти о градѣ Вяткѣ. Онъ разсказываетъ, что вотяки не дали русскимъ построить церкви въ с. Волковѣ и у устья Просницы, такъ что пришлось церкви эти

---

1) Гавриловъ, стр. 152.

2) Гавриловъ, 144.

3) Нынѣ мѣстное населеніе совершенно не помнитъ о вотякахъ.

4) *Спицынъ*, Земля и люди на Вяткѣ въ XVII ст., стр. 21. Писцовая книга 1629 г. упоминаетъ въ вятскомъ уѣздѣ довольно много деревень съ названіемъ «вотская» или съ такими, которыя прямо звучатъ по-вотски, напр. «Чеберовская».

5) Матеріалы по статистикѣ Вятск. губ. т. III, 49. Тутъ же нѣкоторыя свѣдѣнія о разселеніи вотяковъ въ центральныхъ волостяхъ уѣзда.

6) *Куроптевъ*, Описаніе Слободск. уѣзда, 7.

7) Памятная книжка Вятской губ. 1870, 188.

8) *Никитниковъ*, Опис. Воскр. соб., 2.

не было смысла вредить имъ. Когда гости стали поработителями, вотяки, народъ подвижный и мало дорожащій землею, стали семьями и родами переселяться изъ-подъ Хлынова въ другія мѣстности края. Верховья Моломы не представляли для нихъ особенныхъ удобствъ (къ тому же двигаться туда значило итти навстрѣчу русской колонизаціи), югъ области былъ занятъ, и вотъ вотяки избираютъ мѣстомъ своего поселенія Чепцу, ея нижнее, а особенно верхнее теченіе. Чепца представляла уже культивированную и (частью?) брошенную землю, можетъ быть давно извѣстную вотякамъ по своимъ угодьямъ. На верховья Вятки вотяки не пошли, конечно, потому, что они покрыты были непроходимыми лѣсами и для полуземледѣльческаго, полуохотничьяго быта не могли казаться удобными.

Другое вотское племя жило ниже по теченію р. Вятки, по Пижмѣ и въ нынѣшнихъ Яранскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ, за тѣмъ огромнымъ волокомъ, который тянулся тогда между Котельничемъ и Яранскомъ.

Что вотяки жили въ этой мѣстности до прихода сюда черемисъ, показываютъ *прежде всего* географическія названія ея населенныхъ пунктовъ и рѣкъ, между которыми много названій чисто вотскихъ: Пижма (сосна) Шуваръ, Лай, Сова, Тукмы, Ишмарушъ, Ширъ, Нарды, Мушъ, Шалъ, Ошма, Лыпъ вотскій и пр. Жители Кузнецовскаго прихода хорошо знаютъ, что въ ихъ мѣстности жили въ древнія времена вотяки, вытѣсненные отсюда черемисами. У вотяковъ здѣсь былъ городъ, гдѣ жилъ царь Ядыгаръ, ушедшій потомъ на другое мѣсто[1]). Вся мѣстность около городища царя Ядыгара называется „вотское“. Около с. Ернуръ есть городище, которое черемисы называютъ „одо-лемъ“, т.-е. вотское жилье, и разсказываютъ, что здѣсь защищались вотяки, пока не были принуждены оставить городокъ и уйти далѣе[2]); недалеко отъ ернурскаго нами найденъ и другой одо-лемъ. Разспросы яранскихъ крестьянъ показали намъ, что и у русскаго населенія сохранилась память о томъ, что нѣкогда Яранскій уѣздъ занимали вотяки. Но видно, что вотяки уже давно оставили эту мѣстность: черемисы забыли, кто это народъ, котораго они отсюда изгнали и котораго они называютъ *одо*. Видно также, что яранскіе вотяки оказались воинственнѣе хлыновскихъ: здѣсь вотяки уступаютъ свою землю только послѣ борьбы, шагъ за шагомъ. *Вѣроятно* еще долгое время послѣ заселенія мѣстности черемисами вотяки жили въ *ней кой-где* островками, какъ теперь, вкрапленные межъ русскими и татарами, живутъ *они въ* Казанской губерніи.

Въ XV в. русскія лѣтописи знаютъ на нижнемъ теченіи Вятки уже сплошное *черемисское* населеніе. Очевидно, вотяки были вытѣснены отсюда черемисами ранѣе *этого времени*, приблизительно тогда же, когда появились первыя поселенія русскихъ *около* Хлынова, нѣсколько ранѣе, или нѣсколько позднѣе.

Тѣснимые черемисами, вотяки съ праваго берега Вятки перешли на лѣвый, на *берега р.* Кильмези и ея притока Валы, которая до того времени никѣмъ не была *занята и покрыта* была дремучими лѣсами. О движеніи своемъ на Валу вотяки сохра-

[1]) *Вятск. Вѣд.* 1880, 44.

[2]) *Спицынъ*, Новыя свѣдѣнія по доист. археол., 34.

рыхъ сверху былъ прикрѣпленъ ящикъ: такъ они могли увезти по 15 и болѣе пудовъ за разъ. Долго и покойно жили оба калмэза, пока не пришли къ нимъ *со стороны г. Вятки* вотяки племени ватка и не стали оспаривать у нихъ землю. Калмэзы соглашались жить вмѣстѣ, но пришельцы не хотѣли этого и даже одинъ изъ калмэзовъ былъ ими убитъ. Другой калмэзъ спасся отъ гибели и, похоронивъ своего товарища, вмѣстѣ съ прочими калмэзами ушелъ за рѣку Изъ, откуда они и пришли, а ватка остались [1]).

Калмэзами же вотяки Елабужскаго уѣзда называютъ вотяковъ Малмыжскаго и тѣхъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Можги. Елабужскіе вотяки разсказываютъ, что богатырь Шудзи воевалъ съ богатыремъ Калмэзомъ. Калмэзъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ своими родичами. Шудзя вырвалъ двѣ березы, свилъ ихъ жгутомъ и бросилъ на дорогу, по которой долженъ былъ идти Калмэзъ. Увидѣвъ свитокъ, Калмэзъ сказалъ своимъ: „нѣтъ, намъ не бороться съ этимъ богатыремъ", и поворотилъ назадъ[2]).

При окончательномъ разгромѣ Вятки московскими войсками въ 1489 г. на сторонѣ вятчанъ упоминаются какіе-то арскіе, т.-е. вотскіе князья. При разводѣ земли выведены были въ Москву и эти арскіе князья, но не надолго: московскіе политики сообразили, что при помощи ихъ не трудно было бы держать вотяковъ въ постоянномъ подчиненіи русской власти, и они были отпущены на Вятку. Съ этой поры арскіе князья теряютъ всякую самостоятельность и входятъ въ составъ Хлыновской области. Въ 1504 г. покоритель Вятки, великій князь Иванъ передаетъ своему сыну по завѣщанію Вятку съ городами и волостями „и со всѣмъ, что къ ней потягло" и тотчасъ добавляетъ: „и съ арскими князьями, какъ было при мнѣ". Аряне упоминаются въ разрядной книгѣ похода 1499 г. на сѣверо-востокъ, арская земля и арскій языкъ неоднократно упоминаются въ сказаніяхъ Курбскаго. Гдѣ жили эти арскіе князья, гдѣ была арская земля? *Аръ* по-татарски *вотякъ*, и слѣдовательно, гдѣ встарину обитали вотяки, тамъ могла быть и арская земля, и арскіе князья: около Казани, на Камѣ, на Чепцѣ, на Пижмѣ. Документы XVI в. арскими князьями называютъ казанскихъ мурзъ, поселившихся когда-то близъ Хлынова на устьѣ Чепцы, но это еще не значитъ, что упоминаемые въ нихъ князья тѣ самые, которые поминаются въ исторіи похода на Вятку въ 1489 г. Ничего нѣтъ невозможнаго, что послѣдніе владѣли землями напр. на Камѣ, по ея вятскому теченію, а послѣ 1489 г. были поселены на новомъ мѣстѣ, на устьѣ Чепцы. Во всякомъ случаѣ есть основанія думать, что нынѣшнее вотское населеніе по Камѣ не есть позднѣйшіе поселенцы изъ какой-либо другой мѣстности, а скорѣе древнѣйшіе обитатели края. Извѣстно, что историческая арская дорога проходила отъ Казани вдоль Камы на Чепцу. О камскихъ вотякахъ упоминаютъ документы XVII и даже XVI в.[3]). Разрядная 1489 г. говоритъ: „А на Камѣ стоялъ вяцкого жъ для дѣла князь Борисъ Ивановичъ Горбатой" [4]). Если сопоставить это свидѣтельство съ указаніемъ лѣтописей, что вмѣстѣ съ вятчанами въ 1489 г. были вре-

---

[1]) Гавриловъ, 149.

[2]) *Потанинъ* въ Изв. Каз. Арх. Общ. т. III, 124.

[3]) Пермская лѣтопись т. I, 96, 99 и 100, т. II, 68, 380.

[4]) *Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVII в., стр. 311.

парзинской доли, куда предки ихъ пришли отъ Вятки, тѣснимые здѣсь русскими. Вотяки двинулись вверхъ по Чепцѣ на судахъ и плотахъ. Часть ихъ, доплывъ до Косы, пошла по ней вверхъ, а другая отправилась далѣе, заводя свои селенія по берегамъ впадающихъ въ Чепцу рѣчекъ. Косинскіе вотяки отъ святицкихъ отличаются и нарѣчіемъ, и одеждою[1]).

У елабужскихъ вотяковъ сохранилось, кажется, мало преданій о своемъ прошломъ. Извѣстны пока только слѣдующіе разсказы. Жили вотяки прежде въ Бирскомъ уѣздѣ и притомъ какъ степной народъ (кыр-халыкъ). Домовъ съ печами тогда не имѣли. Чтобы согрѣться зимой, садились кружкомъ всей семьей около огнища и были настолько глупы, что не догадывались отодвинуться отъ огня, когда онъ сильно разгорался; если же отъ жару становилось невмочь, обмазывались глиной и продолжали лежать въ прежнемъ положеніи. Разсказъ о происхожденіи вотяковъ изъ-за Камы едва ли заслуживаетъ довѣріе, но въ самомъ преданіи есть черты стариннаго быта, которыя приходится брать въ соображеніе[2]). Болѣе сохранилось разсказовъ о началѣ того или другаго селенія въ отдѣльности. Дер. Шудзя названа по имени богатыря, о борьбѣ котораго съ Калмэзомъ мы уже упоминали. Въ дер. Бусурманъ-Можгѣ прежде жилъ нѣкто по имени Морданъ. У него было три сына: Можга, Кинегылъ и Сиби. Когда племя ихъ разрослось, всѣмъ стало тѣсно. Морданъ сказалъ, что съ младшимъ сыномъ Можгой онъ останется на мѣстѣ, а два другіе брата должны выселиться. Кинегылъ и Сиби нашли мѣсто на Валѣ, но такъ какъ двумъ здѣсь нельзя было поселиться, то рѣшились кончить споръ тѣмъ же состязаніемъ, о какомъ мы знаемъ изъ исторіи поселенія на Валѣ Тутоя. Кинегылъ перехитрилъ Сиби, и тотъ долженъ былъ уйти на другое мѣсто, хотя и былъ сильнѣе. Морданъ за что-то осердился на Можгу и назвалъ его бусурманомъ (такъ называлось сосѣднее племя, которое причиняло много вреда вотякамъ). Отсюда идетъ названіе деревень: Бусурманъ-Можга, Сиби, Кинегылъ. Записано также преданіе о происхожденіи с. Пьяный-Боръ, принадлежащее впрочемъ не однимъ вотякамъ[3]).

Вотяки, сознавая безсиліе отдѣльной личности, и въ настоящее время отличаются замѣчательнымъ единодушіемъ. Въ силу этой характерной особенности они крѣпко держатся другъ друга, селятся всегда массою, родами и племенами, стараясь заселить избранную мѣстность сплошь своимъ народомъ. Историческій типъ *черемисъ* совершенно другой: черемисы тысячами клочковъ разсѣялись по Поволжью и всему Прикамью, такъ что за историческою судьбою ихъ очень трудно слѣдить. Они находятся въ самыхъ неожиданныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Историческій центръ вятскихъ черемисъ — уѣзды Яранскій и Уржумскій. Но вотъ на истокахъ Кильмези открывается побоище „пор-бырдонъ“, т.-е. черемисинъ заплакалъ — здѣсь его побили вотяки; вотяки въ бассейнѣ р. Чепцы указываютъ не одинъ „пор-каръ“, т.-е. черемисскій городъ, хотя ни письменные источники, ни преданіе не даютъ и намека на то, чтобы здѣсь когда-нибудь жило это племя; кайгородцы на просьбу послать помощь противъ яранскихъ

1) Вят. Вѣд. 1851, 42.

2) Преданіе это сообщаетъ Потанинъ въ указанной статьѣ, стр. 101.

3) Потанинъ, стр. 194.

роль и благодаря этому не разъ подвергалась нападенію руководимыхъ Казанью черемисъ; иногда черемисы шли даже на Хлыновъ, на Устюгъ. Часовни на мѣстѣ бывшихъ побоищъ есть въ Кукаркѣ и въ с. Жерновыя горы[1]); около с. Гостева близъ Котельнича есть деревня, носящая названіе „Новоселовская, что было побоище Казаринское"; въ церкви с. Гостева хранится желѣзная стрѣла, конечно, въ память какихъ-нибудь битвъ[2]).

Земскимъ статистикомъ Е. С. Филимоновымъ записаны слѣдующіе разсказы черемисъ о своемъ прошломъ. Въ отдаленныя времена черемисы жили подъ началомъ родоваго быта и имѣли своихъ князей. Начало земледѣлія у черемисъ было положено при князьяхъ Алтыбаѣ, Урсѣ и Ямшанѣ, резиденція которыхъ была въ Буртекѣ. При нихъ стали въ первый разъ расчищать лѣса и сѣять на росчистяхъ хлѣбъ. Расчистка лѣса и обработка земли производилась сообща всѣми членами рода, подъ управленіемъ упомянутыхъ родовыхъ князей, которые были такъ сильны, что перекидывали другъ другу топоры на разстояніи 5 верстъ. Со смертью этихъ князей начались несчастія для черемисъ: прежде напала на нихъ какая-то болѣзнь, отъ которой умирали цѣлыми сотнями, потомъ наступило нѣсколько лѣтъ голода, наконецъ сдѣлали на нихъ нашествіе татары и разбили ихъ во всѣхъ битвахъ. При князѣ Болтушѣ, резиденція котораго была уже въ Малмыжѣ, черемисы находились въ полной зависимости отъ татарскаго князя Тохтамыша (?). Съ паденіемъ Казани русскіе явились подъ Малмыжъ и разбили всѣхъ вооружившихся черемисъ, при чемъ Болтушъ былъ убитъ. Съ этого времени стали здѣсь селиться русскіе[3]). Имя князя Болтуша хорошо извѣстно мѣстному населенію. Добавляютъ, что онъ былъ убитъ ядромъ и похороненъ въ Малмыжѣ на той горѣ, которая до сихъ поръ носитъ его имя[4]). Черемисы оставили Малмыжъ, и подъ предводительствомъ брата Болтушева Токтауша поселились въ 12 в. отсюда, въ такъ называемомъ Черемисскомъ Малмыжѣ гдѣ потомки обоихъ князей существуютъ и донынѣ[5]).

Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ поч. Быковъ Кузнецовскаго прихода, черемисы сильно разбили вотяковъ, которые послѣ этого ушли за Каму[6]). Княземъ вотяковъ былъ, какъ мы видѣли, Ядыгаръ. Мы уже привели выше другія преданія о столкновеніяхъ черемисъ съ вотяками. О заселеніи черемисами Кузнецовскаго прихода существуетъ такой разсказъ. Изъ-за Волги шли 3 брата: Морки, Оны-Морки и Изи-Морки. Одинъ изъ нихъ, Морки, остановился жить въ нынѣшней Казанской губерніи, Оны-Морки поселился въ 10 в. отъ с. Кузнецова (гдѣ Онынорскій бродъ), Изи-Морки ушелъ на востокъ и основалъ поч. Изиморки, который и теперь считается самымъ стариннымъ[7]).

---

[1]) Вят. Вѣд. 1888, 8. Памятн. книжка 1870, 188. Часовни эти могутъ быть и позднѣйшаго времени, напр. XVII в.
[2]) О ней см. въ Вят. Вѣд. 1865, 79.
[3]) Прилож. къ Матер. по стат. т. I, 60.
[4]) Памятная книжка 1860, 152.
[5]) Кузнецовъ, въ Изв. Каз. Арх. Общ. III, 270.
[6]) Вят. Вѣд. 1880, 44.
[7]) Тамъ же.

Камскія Сарапульскія городища.

Городищъ этой группы намъ извѣстно пока 27. Они расположены по правому высокому берегу р. Камы и тянутся между устьями впадающихъ въ нее справа же рѣкъ Сивы и Ижа, на разстояніи по линіи берега до 300 в., т.-е. на пространствѣ сравнительно небольшомъ. Нигдѣ въ губерніи городища не расположены такъ часто, особенно если принять во вниманіе то несомнѣнное обстоятельство, что городища этой мѣстности намъ извѣстны не всѣ. Интересно также то, что городища описываемой группы не перебиваются городищами другихъ типовъ.

Лѣвый берегъ Камы отъ рѣки Сивы до Ижа представляетъ обширную низменность, далеко заливаемую весеннею водою и занятую значительнымъ количествомъ рѣкъ изъ которыхъ иныя такъ велики, что по нимъ совершается правильное пароходное сообщеніе. Правый же берегъ Камы на этомъ протяженіи весьма высокъ и перерѣзывается только незначительными ручейками. Онъ представляетъ собою страну очень отлогихъ холмовъ, сливающихся другъ съ другомъ и выходящихъ на берегъ рѣки безпорядочными обрывами, отрогами, складками, а мѣстами крутой стѣной. Кромѣ устья самой значительной здѣсь рѣчки Сарапулки наиболѣе удобныя для поселенія мѣста находятся на выступахъ оригинальныхъ камскихъ береговыхъ складокъ, на отрогахъ, на значительныхъ оползняхъ берега и близъ ущелій. Складки выходятъ на берегъ Камы въ слѣдующихъ пунктахъ: выше Гольянъ, д. Макарова, с. Нечкино, д. Дулесово, с. Арамазъ, д. Непряхина, д. Межная, с. Мазунино, с. Галаново, д. Сухаровка, с. Юньга, с. Колесниково, с. Чеганда. Почти на всѣхъ упомянутыхъ складкахъ открыты городища. Отъ устья Бѣлой береговая почва изъ твердой мергелистой мѣняется на болѣе уступчивую супесь, вслѣдствіе чего на дальнѣйшемъ теченіи Камы до устья р. Ижа расположено нѣсколько очень удобныхъ для поселенія мысовъ, которые и заняты были земляными сооруженіями (Зуевское, Малиновское городища и др.). Наиболѣе удобные для поселеній береговые оползни заняты с. Усть-Рѣчкой, с. Гольяны и с. Пьяный боръ, но городищъ здѣсь мы не знаемъ: вѣроятно они сооружались исключительно на мѣстностяхъ господствующихъ. Большія рѣчныя косы въ данномъ районѣ идутъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: отъ с. Мазунина до с. Галанова, отъ Галанова до с. Машкары, ниже села Чаганды до д. Зуевки, отъ п. Малиновки до устья р. Ижа. Надъ ущельемъ расположено городище Чагандинское. Нѣкоторыя городища расположены по теченію впадающихъ въ Каму рѣчекъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея берега (Дуванакское и Ныргидинское). Въ мѣстахъ, особенно удобныхъ для поселенія, находимъ наибольшее количество городищъ; такими мѣстами оказывается теченіе Камы отъ Нечкина до Сарапула, берегъ противъ устья рѣки Бѣлой и окрестности с. Пьяный Боръ.

и соединяемъ эти городища въ одну группу лишь благодаря внимательному анализу другихъ сдѣланныхъ на нихъ находокъ, главнымъ образомъ глиняныхъ черепковъ, которые въ подобныхъ случаяхъ становятся для археолога неоцѣнимымъ пособіемъ.

Сосуды сарапульскихъ городищъ вообще сработаны изъ темной глины съ мелкою раковинною примѣсью. На нѣкоторыхъ городищахъ преобладаютъ черепки изъ красной, сѣрой или желтой глины, на нѣкоторыхъ (Яромазское, Непряхинское, Межнинское, Воткинское, Сухаровское) попадаются черепки безъ примѣси, на нѣкоторыхъ съ крупною раковинною примѣсью (Зуевское, Пьяный Боръ). По составу выдѣляются только черепки съ Верхне-Малиновскаго городища: сѣрые съ крупной раковинною примѣсью, очень крѣпкіе и звонкіе, вообще же черепки слабы, рыхлы и потому рѣдко попадаются въ большихъ фрагментахъ. Сосудовъ съ прямымъ дномъ нигдѣ не встрѣчено. Край ихъ всегда прямой, и только у сосудовъ малыхъ размѣровъ онъ сгибается; на городищахъ Муновскомъ и Нижне-Малиновскомъ встрѣчены сосуды съ внѣшними поясами по краю, а на Зуевскомъ, Нечкинскомъ и Верхне-Малиновскомъ — съ внутренними. Край нѣкоторыхъ черепковъ съ городищъ Зуевскаго, Ныргындинскаго и Юньгинскаго снабженъ небольшими зубчиками, но вообще ихъ нѣтъ. Большинство черепковъ лишено орнамента. Украшенія встрѣчаются только трехъ типовъ: веревчатый, ногтевой, кружковый. Случается, что на разныхъ городищахъ преобладаетъ разный орнаментъ: на Муновскомъ, Юньгинскомъ, Межнинскомъ, Сухаровскомъ, Каракулинскомъ преобладаетъ веревчатый, на Непряхинскомъ и Межнинскомъ встрѣченъ только кружковый, въ Сухаровскомъ исключительно ногтевой, въ Зуевскомъ и Яромазскомъ одинаково употребительны всѣ формы орнамента, въ Усть-Нечкинскомъ почти нѣтъ черепковъ съ узорами. Сосуды были дѣлаемы чисто и только на двухъ городищахъ встрѣтились черепки грубой работы — на Чегандинскомъ и Юньгинскомъ. Вообще же нашъ внимательный и самый кропотливый разборъ добытыхъ съ описываемой группы городищъ черепковъ показалъ, что они всюду очень сходны по составу и формѣ, и что различія между ними несущественны.

Вмѣстѣ съ черепками на тѣхъ городищахъ, гдѣ есть культурный слой, попадаются гальки, цѣлыя и разбитыя, и расколотыя кости (свиньи, птицъ, медвѣдя, кабана, осетра). Кости встрѣчаются въ очень измельченномъ видѣ, и ихъ всегда бываетъ мало. На городищахъ Яромазскомъ, Непряхинскомъ, Машкарскомъ и нѣкоторыхъ другихъ встрѣчены обломки раковины Unio. Находкой, въ значительной степени объединяющей сарапульскія городища, служатъ также обломки жернововъ изъ мелкаго краснаго песчаника, со сглаженными поверхностями, встрѣченные на многихъ городищахъ, начиная отъ Воткинскаго и кончая Нижне-Малиновскимъ, т.-е. на всемъ протяженіи изучаемыхъ городищъ. На городищахъ Зуевскомъ и Ныргындинскомъ встрѣчены обломки жернововъ известковыхъ, обратившихся частью въ какія-то подвѣски. На городищахъ Усть-Нечкинскомъ, Яромазскомъ и Муновскомъ найдены плавильные тигли и даже формы для литья; на нѣкоторыхъ другихъ — желѣзный и мѣдный шлаки. На городищахъ Муновскомъ, Зуевскомъ и Чегандинскомъ найдены одинаковой формы оригинальныя маленькія напрясла и на послѣднемъ сверхъ того напрясло обыкновенной болгарской формы. Относительно металлическихъ находокъ съ Сарапульскихъ городищъ мы имѣемъ

Обитатели городища видимо заботились о прочности и безопасности его укрѣпленій, но думали, что эта прочность можетъ состоять не только въ солидности оберегающихъ его валовъ, а также и въ количествѣ рвовъ. Рвовъ они провели три; вынутая изъ рвовъ земля образовала два вала — одинъ больше, другой меньше (крайній). Рвы не глубоки, и вслѣдствіе этого, валы вышли невысокими; пояса рвовъ заняли въ ширину до 10 саженъ. Укрѣпленіе идетъ не въ видѣ дуги, какъ у всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ городищъ, а представляетъ собою скобообразную фигуру, образованную тремя, идущими другъ къ другу почти подъ прямымъ угломъ прямыми линіями; наиболѣе длинная изъ этихъ линій укрѣпленія (42 саж.) идетъ въ тылу городища, двѣ другія — по бокамъ его (правая 25 саж., лѣвая 10 саж.). Форма площадки городища въ общемъ такъ неправильна, что ее трудно уловить и невозможно дать о ней наглядное представленіе. Длина берега лѣвой котловины 41 саж., правой — 86 саж.; длина всей береговой линіи 154 саж., изъ чего слѣдуетъ, что воткинское городище должно быть отнесено къ числу значительныхъ[1]). Въ одной части вала въ позднѣйшее время пробитъ проѣздъ на площадку.

Культурный слой вообще очень слабъ, такъ что площадка въ настоящее время не распахивается[2]) и покрыта весьма тощею растительностію; мѣстами слой чернозема доходитъ на ней до $1^1/_2$ четв. Площадка совершенно ровная, и нѣтъ на ней никакого возвышенія, которое можно бы принять за курганъ или другую подобную насыпь. Валы и рвы поросли мелкимъ кустарникомъ.

Въ первый разъ Воткинское городище описано пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Вятскихъ Вѣдомостяхъ. Давъ довольно подробное, но малопонятное и неточное описаніе внѣшняго вида городища, авторъ замѣтки о немъ продолжаетъ: „Заводскіе старожилы говорятъ, что здѣсь издревле обитала чудь бѣлоглазая. При основаніи завода, на городищѣ уже не было слѣдовъ жилища человѣческаго. Прежде находили желѣзныя орудія, и назадъ тому лѣтъ 30 (т.-е. вначалѣ нынѣшняго столѣтія), при раскопкѣ земли вырыли два топора особенной формы, подобной формѣ топоровъ, какіе въ прошедшіе годы работались на этомъ заводѣ для американской компаніи“[3]).

Въ 1859 г. маленькое описаніе городища даетъ Алабинъ[4]), но едва ли это описаніе самостоятельно, такъ какъ оно очень напоминаетъ предыдущее. Новое описаніе Воткинскаго городища даетъ въ 1873 г. Статистическій Комитетъ, но и оно не представляетъ ничего оригинальнаго, кромѣ упоминанія, что урочище носитъ въ народѣ названіе „чортово городище“. Въ этомъ описаніи упоминается также, что изнутри городища съ южной стороны у самаго рва находится насыпной курганъ, уже разрушившійся. Этого кургана мы не замѣтили[5]).

Въ 1881 г. на городищѣ произведены раскопки П. А. Понамаревымъ, который, руководясь находкою извѣстной уже намъ прекрасной бронзовой сѣкиры (пріобрѣтен-

---

[1]) По точному вычисленію все городище, включая укрѣпленіе, занимаетъ 1 дес. 733 кв. саж.

[2]) Однако слѣды старой пашни на ней совершенно ясны.

[3]) Вятскія Вѣдомости 1838 г., 25.

[4]) Вятск. Вѣдом. 1859 г., 30.

[5]) Отчетъ Вятск. Статист. Комит. за 1873 г., стр. 27.

ной, по предположеніямъ, изъ Воткинскаго завода), былъ привлеченъ сюда надеждою отыскать слѣды бронзовой культуры. Отчетъ Казанскаго Археологическаго Общества выражается объ этой раскопкѣ такъ: „Въ большей или меньшей степени выяснилась аналогичность найденныхъ здѣсь вещей съ до-булгарскими городищами“ [1]). Слѣды раскопокъ г. Понамарева мы замѣтили, главнымъ образомъ, по сторонамъ описаннаго выше мыса, преимущественно въ углахъ его. Главная добыча состояла изъ черепковъ, между которыми примѣчателенъ особенно одинъ, необыкновенно толстый, изъ желтой глины съ примѣсью, но кажется, не раковинною; другіе черепки по составу похожи на обыкновенные, находимые на вятскихъ городищахъ обломки сосудовъ черной глины съ раковинною примѣсью; встрѣчаются и черепки желтой глины, позднѣйшіе. Черепковъ съ орнаментовъ найдено мало. Найденъ еще лошадиный зубъ и обломки костей нѣкоторыхъ другихъ животныхъ. Самая интересная находка — длинное, узкое трехгранное костяное копье: одна грань шире другихъ, одинъ конецъ заостренъ, на широкой грани ложбинка, какъ бы для стока крови, — длиною болѣе четверти; кость, изъ которой оно сдѣлано, темная, можетъ быть ископаемая. Найдено не на городищѣ, а подъ нимъ, у рѣчки [2]).

Въ 1883 г., отъ одного постояннаго обитателя Воткинскаго завода нами записано народное преданіе, что на городищѣ нѣкогда жила чудь одноглазая, однорукая, одноногая; она быстро скакала и хватала людей. Чудь погибла, какъ только появилась береза, — она упала въ ямы.

Въ 1886 г. о городищѣ кое-что сообщилъ Верещагинъ. Онъ пользовался свѣдѣніями Вятскихъ Вѣдомостей 1838 г., хотя и не указываетъ своего источника. Ничего новаго здѣсь нѣтъ [3]).

Въ іюлѣ 1887 года городище осмотрѣно нами. Пробныя раскопки обнаружили въ разныхъ мѣстахъ слои мелкаго угля, черепки, желѣзный шлакъ, гальки иногда разбитыя, со слѣдами употребленія (крупныя и мелкія), обломокъ жернова изъ краснаго песчаника съ полированною поверхностію. Черепки преимущественно черной глины съ раковинною примѣсью и безъ нея, общаго для сарапульскихъ городищъ типа.

Мы замѣтили противъ городища на низкомъ берегу Вотки своеобразное урочище, которое издали сильно напоминаетъ также городище. Форма его четыреугольная, повидимому оно обведено однимъ широкимъ, теперь размытымъ, рвомъ; кажется, есть и слѣды вала.

Вскорѣ послѣ насъ городище посѣтилъ и произвелъ здѣсь раскопки гр. Ѳ. А. Уваровъ. По его личному сообщенію, онъ здѣсь не нашелъ ничего любопытнаго.

2) *Городище при д. Горы* — нѣсколько ниже с. Паздеры — находится между оврагомъ (съ лѣвой стороны) и берегомъ Камы; сильно обвалилось со стороны рѣки, поросло маленькимъ лѣскомъ. Предлагаемъ на рисункѣ рельефъ городища, видимый съ парохода, откуда оно нами было замѣчено. Культурнаго слоя издали не видно.

---

[1]) Отчетъ Общества 1881 г., стр. 21.

[2]) Всѣ эти предметы находятся въ Музеѣ Казан. Археол. Общ., и тамъ были нами осмотрѣны. Каталогъ выставки, стр. 67.

[3]) Вотяки Сосновскаго края, 101.

3) *Дуванакское* — находится верстахъ въ 5 отъ с. Нечкина, на лѣвомъ, возвышенномъ берегу рѣчки Росохи, близъ лежащей въ ея долинѣ деревни Дуванахъ. Городище расположено на тупомъ мысу, выступающемъ здѣсь изъ линіи крутаго берега и представляющемъ самую высокую точку среди окружающихъ высотъ, такъ что видъ съ него на долину Росохи и на окрестности долженъ бы быть обширнѣйшій, если бы площадка не была частью покрыта, частью окружена лѣсомъ. Подъемъ по бокамъ глубокихъ и крутыхъ, окружающихъ городище, овраговъ весьма затруднителенъ, но все-таки ихъ нельзя назвать отвѣсными, такъ что на нихъ свободно растетъ лѣсъ. Рѣчка бѣжитъ почти у подножія городища; здѣсь же расположена плотина отъ старой мельницы.

Длина площади городища 27 саж., ширина на одномъ концѣ 22 саж. (?), у вала не болѣе 15 саж., ближе къ валу площадка суживается, къ концу расширяется. Валъ почти кокошникообразный, съ закругленными, сливающимися съ площадкою концами, средина его нѣсколько расширена и поднята. Ровъ довольно глубокій, валъ невысокъ; ровъ вмѣстѣ съ валомъ занимаетъ въ ширину болѣе 7 саж. Валъ, ровъ, часть площадки и овраги покрыты лѣсомъ, а вся площадка сплошь поросла папоротникомъ. По словамъ нашего проводника, этотъ папоротникъ совершенно заглушилъ ленъ, который разъ пытались здѣсь посѣять, и съ тѣхъ поръ площадка заброшена. Культурнаго слоя на ней не замѣтно: вездѣ подъ слабымъ слоемъ дерна идетъ перемѣшанная съ землею мелкая галька.

На пашнѣ, идущей тотчасъ за рвомъ городища, когда-то очень давно нашли желѣзный топоръ. Алабинъ, давшій въ 1859 г. коротенькое описаніе городища, упоминаетъ, что крестьяне находили на немъ сошники и другія желѣзныя вещи. Въ это время городище было расчищено подъ пашню[1]). Въ іюлѣ 1887 года Дуванакское городище осмотрѣно нами.

Выше Дуванака расположена деревня Чупаниха[2]), жители которой, на возвышенномъ мысу, имѣющемъ такое же расположеніе, какъ Дуванакскій, указываютъ также названіе: „Городище“. Мы внимательно осмотрѣли эту мѣстность, равно какъ и сосѣдніе мысы, но никакихъ слѣдовъ городища здѣсь не нашли. Можетъ быть оно и оборвалось, или, вѣрнѣе, здѣсь когда-нибудь дѣйствительно было поселеніе, но позднѣйшее. Около Чупанихи въ рѣчку спускается много удобныхъ для городищъ отроговъ.

4) *Нечкинское городище.* Село Нечкино расположено въ долинѣ рѣчки Коноваловки, при впаденіи ея въ Каму, подъ одной изъ описанныхъ нами складокъ. Берегъ Камы въ этомъ мѣстѣ не представляетъ острыхъ, удобныхъ для городищъ мысовъ, и потому строители Нечкинскаго городища должны были воспользоваться для него тѣмъ мысомъ, который, нѣсколько отступя отъ берега Камы, входитъ въ долину Коноваловки; такимъ образомъ, городище расположено не надъ Камой, а надъ селомъ. „Красная гора“, на которой городище находится, представляетъ мѣсто возвышенное; отсюда отлично видно все село, нечкинскій „пупокъ“, идущая въ село дорога и даже на

---

1) Ватск. Вѣдомости 1859 г., 30.
2) Названіе это напоминаетъ по созвучію городище Чупиху близъ Сарапула.

ступъ горы, сплошь покрытый лѣскомъ. Никакихъ слѣдодъ вала и рва здѣсь я не нашелъ, да и проводникъ сообщилъ, что ихъ нѣтъ. Онъ поискалъ нѣкоторое время слѣдовъ извѣстныхъ ему ямъ и родника, но не нашелъ ихъ. Ямы онъ назвалъ дегтарными. Въ описаніи ямъ Алабина не кроется ли какого-либо недоразумѣнія? „Чортово городище" находится какъ разъ на дорогѣ, спускающейся отсюда внизъ по удѣльному лѣсу.

Р. Игнатьевъ въ 1873 г. близъ с. Мостовинскаго нашелъ городище, которое имъ описано такъ: „Еще Чортовымъ городищемъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ называется мѣстность въ $2^1/_2$ в. отъ с. Мостовинскаго или Малый боръ, по берегу Камы, выше впаденія рѣчки Крекмазъ. Мѣстность здѣсь гористая, покрытая лѣсомъ или боромъ; собственно же городище, состоящее изъ земляного вала, насыпаннаго на ровномъ мѣстѣ, близъ горы, имѣетъ пространство безъ вала до $1^3/_4$ в. и форму, судя по насыпи вала, полукруглую. Овраги окружаютъ валъ съ С. и В. стороны, валъ отстоитъ отъ берега р. Камы въ 370, а отъ рѣчки Крекмазъ 245 саж. Валъ песчанаго грунта идетъ отъ З. къ В., на разстояніи 44 саж. съ интервалами, или пустыми пространствами, что произошло отъ времени и осыпи; этихъ интерваловъ, по направленію насыпи, восемь, длиною въ 1, 2, 1, $1^1/_2$ саж., $1^1/_2$, 2 арш., 1 саж. и $2^3/_4$ арш. Высота насыпи неравномѣрная и мѣстами простирается отъ $1^1/_2$ саж. до 1 арш. Насыпь поросла травою. Около вала не видно рва, можетъ быть его совсѣмъ засыпало. Не видно также, при всемъ тщательномъ разысканіи, никакихъ слѣдовъ когда-либо бывшихъ построекъ; самая мѣстность затопляется весною разлитіемъ рѣкъ и потому, вѣроятно, уничтожились слѣды построекъ, если таковыя были на здѣшнемъ мѣстѣ. Говорятъ, что Кама, не разъ мѣнявшая русло, встарину протекала далѣе здѣшняго мѣста, и тогда весенняя вода его не заливала. По преданію жителей с. Мостовинскаго, Чортово городище оттого такъ прозвано, что тамъ когда-то жилъ неизвѣстный невѣрный, идолопоклонническій народъ, который за свое невѣріе и волшебство изгнанъ Богомъ съ лица земли. Городище это считается мѣстомъ нечистымъ, наполненнымъ вѣчно чертовщиною, въ которомъ ночью бываетъ опасно, ибо являются тамъ всякія бѣсовскія страшилища. Затѣмъ разсказывается, что если, можетъ быть, тамъ и зарыты клады, то, заклятые окаянною чудью и охраняемые чрезъ это нечистою силою, никому не даются, и потому и искать клада на Чортовѣ городищѣ никто не рѣшается. Мѣстные жители говорятъ, что на городищѣ не только не слыхано о раскопкахъ, но и никакихъ древностей никогда не находили[1]). Г. Игнатьевъ дѣлаетъ предположеніе, что Мостовинское городище принадлежало болгарамъ, но кажется, вѣрнѣе предположить, что здѣсь вовсе нѣтъ городища. Мнѣ не удалось заѣхать для осмотра этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что по указаніямъ г. Игнатьева его трудно разыскать: Крекмазъ впадаетъ не въ Каму, а въ Ижъ; с. Мостовинское не стоитъ вблизи Камы.

Среди возвышеній Галановской вол., Сарапульскаго уѣзда, которыя Отчетъ Статистическаго Комитета ошибочно перечисляетъ въ качествѣ кургановъ, есть одно, по

[1]) Отчетъ Статист. Комитета 1878 г. 27 п. 28.

описанію нѣсколько напоминающее валъ городища: „при поч. Килинѣ, на разстояніи отъ него въ 1 верстѣ, близъ ключа Студенаго, между логами, есть бугоръ, на коемъ сверху прокопъ глубиной въ 1 арш. и шириною въ 2 саж. Грунтъ насыпи суглинистый съ примѣсью сѣраго камня[1]).

10) *Сухаровское* — нѣсколько ниже дер. Сухаровской. Идущій въ этой мѣстности берегъ Камы крутъ, изобилуетъ многочисленными неправильной формы обвалами и только кое-гдѣ пересѣкается оврагами и ручейками, вслѣдствіе чего очень неудобенъ для городищъ. Сухаровское городище разбито на первомъ попавшемся мысу, хотя онъ и весьма невыгоденъ въ стратегическомъ отношеніи. Мысъ этотъ имѣетъ сильный наклонъ книзу и въ бокъ, значительно ниже окружающихъ высотъ и имѣетъ неровную поверхность. Площадь городища идетъ на 60 саж. въ длину и на 30 саж. въ ширину въ основаніи, оборвана съ лѣвой стороны. Въ настоящее время она распахана и можно видѣть, что почти вся она покрыта слабымъ, но вполнѣ яснымъ зольнымъ слоемъ, перемежающимся кое-гдѣ глинистыми обнаженіями. Валъ низкій и широкій, почти прямой, ровъ едва замѣтный. На городищѣ послѣ усердныхъ поисковъ нами подобрана значительная коллекція черепковъ, немного битой гальки и очень ограниченное количество костей и желѣзнаго шлаку. Черепки сработаны почти исключительно изъ черной, свѣтлѣющей къ поверхности, глины и почти всегда съ раковинною примѣсью. Обработка сосудовъ чиста; края ихъ всегда прямы. Орнаментъ встрѣченъ исключительно ногтевой, трехъ типовъ: частый прямой, рѣдкій очень отвѣсный и крупный углообразный. Черепки довольно крѣпки, а въ общемъ совершенно похожи на черепки сосѣднихъ городищъ.

Видъ съ городища не выдающійся, однако находящееся на другомъ берегу село Березовское съ окрестностями видно отлично.

Позади вала мы не нашли черепковъ, но приблизительно 150 саж. отступя отъ него, открыли цѣлое поле, покрытое черепками почти на 100 саж. въ длину. Не только черепки, но и качество почвы показываетъ, что это поле было занято поселеніемъ. Оно расположено у самаго берега рѣки и на самой возвышенной точкѣ его. Черепки того же состава, какъ и на площади городища. Вся окружающая возвышенность имѣетъ пустынный характеръ и совершенно обнажена.

Городище это открыто нами въ 1888 году.

По слухамъ, городище находится въ самомъ селѣ *Машкары*, но мы его не знаемъ.

11) *Машкарское* — находится нѣсколько ниже села, у самаго конца мели. Быть можетъ, это городище прежде имѣло большіе, чѣмъ въ настоящее время, размѣры, а теперь оно разбито пополамъ широкимъ оврагомъ и сохраняетъ въ цѣлости только часть прежней площади. Выборъ мѣста для городища нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ его площадка весьма не ровна, бугриста и съ боковъ спускается внизъ крупными откосами. Лѣвая площадь длиною до 40 и шириною до 12 саж. Валъ мало замѣтенъ, ровъ почти отсутствуетъ. Почва на площади такъ безплодна, что даже дерномъ покрыта не вездѣ. Слабый оползень найденъ на скатѣ; въ немъ добыто небольшое

---

[1]) Отчетъ, 39.

количество черепковъ, битой гальки, раковинъ и костей. Типъ черепковъ обычный для сарапульскихъ городищъ; орнаментъ встрѣченъ только парный веревчатый.

На другой сторонѣ оврага замѣтенъ остатокъ вала, не доходящаго до конца площадки. Близъ него найдены черепки того же типа. Оврагъ до сихъ поръ продолжаетъ обрываться и расширяться, и въ крутыхъ скатахъ его обнажаются очень рельефно слои разноцвѣтнаго мергеля.

Видъ городища на верхнее и нижнее теченіе Камы превосходенъ. Село Каракулинское находится отсюда въ 5 верстахъ и скрыто за горою, но Машкары видно отлично.

Машкарское городище открыто нами въ 1888 году.

Спустившись на лодкѣ нѣсколько ниже по теченію Камы, мы обратили вниманіе на нѣсколько расположенныхъ тутъ довольно низкихъ мысовъ, въ надеждѣ найти на нихъ городища. Сдѣланныя съ этою цѣлью развѣдки не были успѣшны, но зато на склонѣ одного изъ этихъ мысовъ мы нашли нѣсколько черепковъ того же типа, хотя на самой площадкѣ мыса нельзя было отыскать никакихъ признаковъ вала или рва.

12) *Верхне-Каракулинское* — находится нѣсколько выше с. Каракулина. Замѣчательно открывающимся съ него видомъ и своеобразною конструкціею. Это городище расположено на среднемъ изъ трехъ выходящихъ здѣсь узкихъ и весьма высокихъ мысовъ. Въ нашемъ дневникѣ замѣчено, что видъ съ Каракулинскаго городища самый обширный и лучшій изъ всѣхъ нами встрѣченныхъ; с. Машкара все еще въ виду.

Площадь городища при 10 саж. ширины имѣетъ до 60 саж. длины и ограждена невысокимъ валомъ. Оба ската городища выходятъ въ обширныя, отлогія котловины, правый сверху укрѣпленъ двумя почти засыпанными теперь уступами, а по лѣвому идутъ внизъ три не то тоже уступы, не то дороги. Тѣ и другіе не широки, но вполнѣ явственны и несомнѣнно обработаны искусственно.

Конецъ площадки уже обвалился. Не большое количество черепковъ поднято на площади и на одномъ изъ мысовъ, именно на лѣвомъ (Макаровскомъ), который теперь очень обвалился, а ранѣе, быть можетъ, тоже былъ укрѣпленъ. Черепки все того же типа и имѣютъ веревчатый орнаментъ.

13) *Нижне-Каракулинское* — находится въ самомъ селѣ, по рѣчкѣ, подъ Зоновскою мельницею. Расположено на выступѣ. Площадь имѣетъ въ длину до 30 саж., а въ ширину у вала до 12, очень неудобна, неровная, бугристая, кособокая. Лѣвый скатъ оборвался, а на правомъ еще остались ясные слѣды уступа. Культурнаго слоя и осыпей нѣтъ, такъ что только съ большимъ трудомъ намъ удалось найти два черепка, которые, однако, указываютъ на аналогію этого городища съ сосѣднимъ.

Городище видно съ парохода, но валъ его съ рѣки неразличимъ. Открыто нами въ поѣздку 1888 года.

14—15). *Юньгинскія.* Два или три городища находятся надъ дер. Юньгой. Расположенный надъ Юньгой гребень выходитъ въ рѣчку нѣсколькими отрогами, изъ которыхъ на двухъ или трехъ раскинуты городища. Два ближайшіе къ берегу Камы отрога идутъ изъ общаго основанія перпендикулярно одинъ къ другому; первый обращенъ къ сторонѣ рѣки, другой къ сторонѣ деревни; и тотъ и другой до 60 саж.

длины, оба не широки. Площадки расположенныхъ на нихъ городищъ постепенно спускаются внизъ, не ровны и не имѣютъ никакихъ слѣдовъ искусственной обработки. Оба городища со стороны поля ограждены небольшими, невысокими, едва замѣтными валами; рвы ихъ тоже незначительны. Первое городище имѣетъ одинъ валъ, второе два; укрѣпленія того и другого городища почти соприкасаются.

Культурный слой почти совершенно смытъ, такъ что распахивается только часть перваго, ближайшаго къ Камѣ, городища. Всего болѣе находокъ дѣлается въ оползнѣ, сохранившемся въ углу между городищами; онѣ состоятъ изъ довольно значительнаго количества мелкихъ черепковъ, жерновыхъ обломковъ изъ краснаго песчаника и битой, очевидно бывшей въ употребленіи, гальки; черепки изъ черной, свѣтлѣющей на поверхности, глины, рѣже изъ желтой, почти всегда съ примѣсью (иногда крупною). Есть черепки грубой обработки, какъ на Чегандинскомъ городищѣ. Края сосудовъ вообще прямы, но иногда значительно заворачиваются. Орнаментъ разнообразный: веревчатый въ нѣсколько рядовъ парами, кружковой, кружковой же по три расположенныхъ въ видѣ треугольника кружка; угловатый и ногтевой.

Съ городищъ превосходный видъ на зарѣчную сторону Камы (гдѣ по долинѣ, сверкая полосами воды, пробирается р. Бѣлая), на с. Колесниково и Чеганду; отъ Колесникова Кама дѣлаетъ оборотъ, такъ что теченіе ея съ описываемыхъ городищъ видно на далекое разстояніе. Нечего и говорить, что самая деревня Юньга и окружающія ее высоты отсюда видны какъ на ладони.

Сосѣдній отрогъ, кажется, также укрѣпленъ валомъ.

16) *Колесниковское* городище расположено совершенно при такихъ же условіяхъ мѣстности, какъ предыдущее, надъ с. Колесниковымъ. Оно занимаетъ удобный, далѣе другихъ надвигающійся на рѣчку, высокій выступъ. Валъ массивнѣе, но все-таки не великъ; по срединѣ имѣетъ проходъ. Неглубокій ровъ идетъ въ длину на 25 саж., что составляетъ также и наибольшую ширину площадки. Площадь городища спускается двумя отлогими склонами въ 16 и 22 саж. длины; третій склонъ крутъ и прямо спускается къ рѣчкѣ.

Вообще конструкція, почва и находки тѣ же, что и въ предыдущихъ городищахъ. Съ верхняго склона культурный слой совершенно сползъ, а на слѣдующемъ онъ имѣетъ толщину рабочей лопатки.

Городище хорошо видно съ дороги, а особенно рельефно съ конца спуска. Видъ съ этого городища менѣе обширенъ. По правую сторону городища идутъ другіе отроги, по слѣдовъ укрѣпленія на нихъ мы не замѣтили.

17—18) *Чегандинскія*. Нѣсколько ниже с. Чеганды находится нѣсколько ущелій. Самое большое изъ нихъ то, которое носитъ названіе Малой Чеганды и находится въ $2^1/_2$ в. отъ села. Оно представляетъ собою очень красивый, глубокій и широкій, полный выступовъ и мысовъ, далеко тянущійся вглубь оврагъ. Почти на всѣхъ мысахъ можно найти черепки, свидѣтельствующіе, что ущелье было очень густо заселено, чему между прочимъ, конечно, способствовала и близость его къ устью р. Бѣлой. Двѣ весьма значительныя площадки съ зольнымъ слоемъ и черепками идутъ тотчасъ отъ берега по правой сторонѣ оврага, между берегомъ рѣки и двумя павшими въ него небольшими

19) *Ныргидинское.* Расположено на лѣвомъ высокомъ берегу рѣчки Ныргидинки, на ея изворотѣ, въ 2 верст. отъ деревни того же имени, находящейся на высокомъ берегу Камы, которая ушла отсюда версты на три. Городище лежитъ на самомъ высокомъ и видномъ изъ всѣхъ, входящихъ здѣсь въ долину рѣчки отроговъ, и потому съ него далекій видъ на поля, изрѣзанныя множествомъ мелкихъ овражковъ, на заливную равнину Камы и ея зарѣчный берегъ, но обращено оно не къ Камѣ, а въ долину Ныргидинки.

Отрогъ, на которомъ расположилось городище, длинный (до 80 саж.), тупой и неширокій, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Площадка ровная, распахивается, но требуетъ удобренія. Культурный слой нельзя назвать богатымъ, но онъ и не ничтоженъ. При сдѣланной мною развѣдкѣ въ немъ найдены: черепки, битая галька, небольшое количество раздробленныхъ костей, обломокъ известковаго жернова. Хорошо сохранившійся валъ тянется въ длину на 42 саж., имѣетъ рѣзко очерченную дугообразную форму, но массивнымъ представляется только со стороны рва; въ самой широкой части валъ по разрѣзу имѣетъ 7 саж. Орѣшникъ покрылъ какъ склоны городища, такъ и валъ и незанятую пашней часть площадки. По бокамъ площадки, въ разныхъ мѣстахъ, кладоискателями вырыты довольно глубокія ямы.

Крестьяне (черемисы) находятъ при пашнѣ на площадкѣ городища разныя вещи, но не обращаютъ на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что такія находки не часты. Крестьянинъ Никоновъ находилъ здѣсь обломки, какъ онъ говоритъ, отъ чугунной сковороды (обломки желѣзнаго щита?), мѣдныя бляхи съ дырочками, жернова въ обломкахъ, бляшки какъ бы отъ лошадиной сбруи. Находокъ ножичковъ и костяныхъ вещей не помнятъ; преданій о городищѣ черемисы не имѣютъ, даже не даютъ ему особаго прозвища, неопредѣленно говорятъ, что кто-то тутъ жилъ, — но что на городищѣ есть кладъ, въ этомъ, кажется, увѣрены всѣ.

Впервые обо всѣхъ городищахъ при устьѣ Бѣлой, упоминается въ отчетѣ Статистическаго Комитета, гдѣ дается и посильное ихъ описаніе[1]). Нами Ныргидинское городище осмотрѣно въ 1887 году. Раскопокъ на немъ мы не производили и ограничились составленіемъ коллекціи черепковъ. Черепки эти чаще изъ черной глины (рѣже желтые), свѣтлѣющей на поверхности, почти всѣ съ примѣсью, иногда крупною. Орнаментъ обыкновенно отсутствуетъ; встрѣченъ узоръ кружковый и зубчики по краю. Толщина вообще незначительна (до 0,5 сант.), но встрѣтились черепки до 0,8 сантиметра.

20—21) *Зуевскія.* Находятся нѣсколько выше дер. Зуевы, близъ дер. Ключи, у пчельника. Оба городища раздѣлены очень глубокимъ и сухимъ оврагомъ, съ весьма крутыми откосами. По дну оврага бѣжитъ быстрый и грязный ручеекъ „Гремячій ключъ", мало застывающій зимою, а съ правой стороны въ него входитъ нѣсколько сухихъ овражковъ меньшихъ размѣровъ. По лѣвую сторону оврага возвышается плоскій высокій холмъ, съ высоты котораго видны на далекое разстояніе окрестности, и открывается отличный видъ на самое городище. Отсюда видно, что городище занимаетъ

---

[1]) Отчетъ, 26.

поверху болѣе 40 саж. въ длину. Валъ высокъ, идетъ слабою дугою и сопровождается очень широкимъ на концахъ рвомъ. Культурный слой на площади незначительный. Наиболѣе содержательная осыпь находится между корнями растущихъ тутъ деревьевъ на правомъ склонѣ близъ вала: здѣсь толщина слоя доходитъ до 2 арш. Такимъ же зольнымъ слоемъ покрытъ валъ, особенно съ тылу и на правомъ концѣ, гдѣ слой идетъ на аршинъ и болѣе, перемежаясь съ бѣлымъ, вѣроятно костнымъ слоемъ. Кромѣ черепковъ нами въ осыпи найдены только обломки костей, битая галька и служившее ножемъ ребро. Черепки сосудовъ, какъ мы уже указали выше, крѣпки и звонки, имѣютъ крупную раковинную примѣсь, цвѣтомъ сѣрые, иногда красные. Сосуды вообще крупныхъ размѣровъ, края прямые, развалъ идетъ съ краю подъ угломъ. Орнамента на черепкахъ нѣтъ и только на одномъ найденъ крупный ногтевой узоръ.

Городище это было открыто П. А. Пономаревымъ и раскопано мною въ 1888 году.

23—24) *Муновскія.* Находятся надъ дер. Муновской, почти сливающейся съ с. Пьяный Боръ.

Первое городище расположено на мысу между берегомъ Камы и оврагомъ и занимаетъ часть площади Муновскаго могильника. Признаки вала едва замѣтны. Площадь городища не велика. Черепки по составу и орнаменту совершенно похожи на черепки съ Пьяноборскаго городища, но въ общемъ они толще (доходятъ иногда до 1 сант. въ толщину); встрѣченъ весьма разнообразный веревчатый орнаментъ (парный, одиночный и третной, обыкновенно прямой, иногда волнистый), причемъ края сосудовъ обыкновенно снабжены поясами. Кромѣ черепковъ на городищѣ и около него (по всему полю могильника) можно встрѣтить битую гальку, обломки жернововъ (известковыхъ и изъ краснаго песчаника), шлакъ. Поднятъ обломокъ тигля и формочки.

Второе городище („Чортовъ городокъ, Рѣлка") находится въ глубинѣ Муновскаго оврага, довольно далеко отъ берега, на мысу, образованномъ двумя оврагами, входящими въ главный (между началомъ Муновскаго оврага и Калинымъ логомъ). Площадь неправильной формы, нѣсколько спускающаяся, покрыта черноземомъ, длиною по правой сторонѣ до 75 саж. (?). Валъ идетъ на 33 саж. въ длину; онъ вышиною до 4 аршинъ, хорошо сохранился и имѣетъ серпообразную форму. Черепки на городищѣ того же типа. По свѣдѣніямъ Земск. Статист. Бюро на Муновскихъ городищахъ находили черепки, мѣдныя бляхи и стрѣлы величиною въ большое птичье перо. Мѣстное населеніе сохранило преданія о жившихъ здѣсь временами разбойникахъ Гурькахъ и Денискахъ[1]). Въ тылу городища почва постепенно возвышается. Съ вершины вала открывается видъ на Каму и ея огромные поемныя луга.

25) *Пьяно-Борское.* Расположено на мѣстѣ могильника. Признаковъ вала не замѣтно. Черепки большею частью сѣрой, часто черной и изрѣдка красной глины, почти всегда безъ раковинной примѣси, довольно крѣпки, толщиною рѣдко болѣе 0,5 сант. Края сосудовъ всегда прямые. Самый употребительный орнаментъ кружковый, встрѣчается орнаментъ углами и широкій ногтевой, но чаще вовсе нѣтъ украшеній. Кромѣ черепковъ на городищѣ можно найти гальку и обломки жернововъ изъ краснаго и бѣлаго песчаника, съ гладкою поверхностью.

[1]) Краткія свѣдѣнія о селеніяхъ Елаб. уѣзда, 54.

Городища прикамскія.

По р. Сивѣ, притоку Камы, расположены слѣдующія городища:

1) и 2) *Загибовскія*. Ихъ два. Расположены рядомъ и имѣютъ видъ треугольниковъ. Первое городище, лежащее справа, сильно поросло лѣсомъ и кустарникомъ, такъ что размѣръ его трудно опредѣлить; однако длину лѣвой стороны можно принять въ 48 саж., правой — почти во столько же. Острый уголъ городища снабженъ уступомъ въ 7 саж. длины. Справа крутой обрывъ, слѣва — логъ, раздѣляющій одно городище отъ другого. Городище укрѣплено 4-мя валами: три окружаютъ его параллельными дугами со стороны поля (разстоянія между ними — 4 и 6 саж., длина внѣшняго 40 саж.), четвертый защищаетъ лѣвый склонъ и тянется къ нему (отъ внутренняго вала) на 17 саж. Валы низкіе, но сохранились. О находкахъ не слышно.

Второе, носящее названіе „Жоравель" (такъ же называется и текущій подъ городищемъ ручей), расположено рядомъ, слѣва, и имѣетъ большіе размѣры и иную форму. Городище занимаетъ весьма невысокій, тупой, наклонный къ рѣчкѣ мысъ и, сообразно характеру мѣстности, укрѣплено такъ: съ вершины неглубокаго рва тянутся дугообразно почти на 67 саж. два вала (разстояніе между ними 4 саж.), которые затѣмъ круто поворачиваютъ и, пройдя 20 саж., выходятъ къ рѣчкѣ. Внутренній валъ сильно распаханъ. Примыкающая къ логу сторона городища имѣетъ въ длину 45 саж. Почва городища глинистая и каменистая. Черепки встрѣчены въ большомъ количествѣ; они состоятъ отчасти изъ рыхлой темной массы, отчасти изъ крѣпкой свѣтлой. Встрѣчаются черепки черной глины, совершенно гладкіе, какъ бы залощенные, а также фрагменты отъ сосудовъ конической формы. Всѣ сосуды повидимому круглодонные, края ихъ безъ орнамента и только сглажены.

„Жоравель" есть имя какого-то древняго обитателя городища. Позднѣе, по преданіямъ, на немъ скрывались разбойники[1]).

3) Чучковище „Заподсѣка" близъ того же Загибовскаго поч. Это — возвышенная площадка, расположенная межъ двумя логами, изъ которыхъ меньшій называется Извязинскимъ. Склоны площадки круты и мѣстность вообще очень удобна для городища, но слѣдовъ укрѣпленія на ней не сохранилось. На площадкѣ легко можно найти старые черепки такого же типа, какъ встрѣчаемые на предыдущемъ городищѣ; они слѣплены изъ массы темно-краснаго цвѣта, безъ раковинной примѣси. Орнамента на черепкахъ не встрѣчено. Лѣтъ 30—40 тому назадъ на Заподсѣкѣ найденъ желѣзный топорикъ съ круглымъ обухомъ и небольшимъ язычкомъ, длиною $3^1/_2$, шириною $1^1/_2$

---

[1]) Вят. Вѣд. 1890, 92.

7) У устья той же рѣчки находится городище *Больше-Киварское*. Расположено на невысокой возвышенности (въ откосѣ не выше 7—8 саж.) и имѣетъ форму продолговатаго прямоугольника. Укрѣпленіе такое: параллельно берегу идетъ валъ на 55 саж., пускающій отъ себя (подъ прямыми углами) два боковые вала меньшихъ размѣровъ; лѣвый на 23 саж., правый, идущій вдоль оврага, правѣй, даже всего на 7 саж. Береговая сторона городища тянется на 58 саж. Нельзя не видѣть, что такого рода укрѣпленіе едва ли могло быть для кого-либо грознымъ; еще болѣе удивительнымъ представляется, что строители городища не выбрали для него другого болѣе удобнаго и высокаго мыса, какихъ въ окрестностяхъ можно найти довольно много. Часть городища застроена избами, изъ которыхъ одна имѣетъ порядочный огородъ. Вся площадь городища занимаетъ до $^1/_2$ десятины. Валъ сохранился лишь на небольшомъ протяженіи (до $1^1/_2$ арш. вышины), но все же его положеніе можетъ быть опредѣлено съ точностью. Одна изъ овинныхъ ямъ расположена на сохранившемся зольномъ слоѣ. Никакихъ находокъ на городищѣ не встрѣчалось; не найдено даже ни одного черепка[1]).

8) *Ошмарино поле* въ $2^1/_2$ в. отъ д. Липовки, близъ дер. Средней Кивары (?). Расположено на высокомъ мысу. Укрѣплено однимъ валомъ. По слухамъ, на городищѣ находили тонкіе жернова[2]).

9) *Лазарево поле* въ 3-хъ в. отъ д. Липовки, въ 4-хъ в. отъ с. Кельчина.

Отдѣльныя находки въ районѣ перечисленныхъ городищъ сдѣланы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: поч. Дубровинскій (здѣсь при насыпи мельничной плотины найдены были мѣдныя бляхи и бусы, синенькія и зеленыя), поч. Бокая (найдены въ полѣ два чучкихъ топора, въ родѣ бортевыхъ), дер. Лыпъ (Гарь), дер. Шалаенка, урочище Высокій мысъ близъ дер. Большой Кивары (здѣсь при выкапываніи ямы найдена пара чучкихъ ральниковъ, похожихъ на нынѣшніе вотскіе, но много меньшихъ размѣровъ), дер. Ѳедоровка (найдены въ землѣ три мѣдныя круглыя бляшки, висѣвшія на мѣдной же цѣпочкѣ), Чучково селище близъ д. Закураловки (представляющее собою небольшую поляну подъ горой, гдѣ при распашкѣ найдена, по разсказамъ, какая-то „плита", проданная проѣзжему купцу за 10 р., и около нея три мѣдныя сережки „черемисской моды") и дер. Сидоровка. Самыя замѣчательныя отдѣльныя находки сдѣланы близъ дер. Шалаенки около какого-то „чучкого копанца" и расположенной близъ него пещеры. Мѣстность эта въ $^1/_2$ в. отъ деревни. Здѣсь, на полосѣ крест. Вас. Гренадерова, найдены: двѣ кремневыя стрѣлки съ гранями, нѣсколько слегка выпуклыхъ круглыхъ бляхъ съ отверстіемъ по срединѣ, дюйма по $4^1/_2$ въ діаметрѣ, и любопытный мѣдный нагрудникъ. Длиною онъ до 5 дюймовъ, шириною до 3-хъ, края насѣчены выпуклымъ бордюромъ, который въ нижней части идетъ двойною полосой, надъ ней врядъ высѣчены три конскія головы; съ нижней стороны къ угламъ припаяны ушки. Тутъ же встрѣчаются черепки, похожіе на черепки съ городища. Крестьяне кромѣ того интересуются находкой какого-то камня, подъ которымъ предполагаютъ сохраняющійся кладъ. Вѣроятно, здѣсь слѣдуетъ признать существованіе могильника.

[1]) Вятск. Вѣдом. 1890, 90.
[2]) Вятск. Вѣдом. 1890, 97.

12) *Пислеговское*. Находится на высокой горѣ, близъ дер. Пислеговской, въ 8 в. отъ с. Шаркана. Гора эта видна издали, и съ нея обширнѣйшій видъ на окрестности. По разсказамъ, одна сторона горы крута, другія отлоги. Слѣдовъ вала здѣсь, кажется, нѣтъ; о находкахъ не слышно[1]).

---

[1]) Вятск. Вѣд. 1891, 12 — Городища по Сивѣ, Шаркани и Вотки открыты и описаны (въ 1890 г.) служащимъ въ земскомъ статистич. бюро П. М. Сорокинымъ: «Городища и нѣкоторыя замѣчательныя мѣстности Лиіовской и Половозской вол. Саран. уѣзда» (Вятск. Вѣд. 1890: 90, 92, 96, 97) и «Городища Сосновской и Шарканской вол. Арская дорога» (Вят. Вѣд. 1891: 11, 12).

ляется въ почву послѣдней. По правую сторону городища теперь расположенъ мельничный прудъ, по лѣвую плоскій и широкій оврагъ, поднимающійся вверхъ подъ угломъ, кажется не болѣе 15°. По другую сторону этой лощины идетъ возвышеніе, несравненно болѣе высокое, чѣмъ тотъ отрогъ, на которомъ расположено городище.

Площадка городища чиста и даже покрыта не травою, а дерномъ. На склонахъ и въ другихъ мѣстахъ растетъ рѣдкій, но крупный лѣсъ; среди деревьевъ не мало вѣковыхъ сосенъ, елей и нѣсколько березъ. „Мѣсто тамъ веселое", сказала мнѣ жена содержателя Ильинской станціи — и нельзя лучше назвать то невольное чувство, которое овладѣваетъ вами при посѣщеніи Бобья-Учинскаго городища; именно бодро и весело начинаешь себя чувствовать, какъ будто попалъ въ давно извѣстную, но забытую и дорогую мѣстность, какъ будто послѣ долгаго пути неожиданно оказался въ родномъ гнѣздѣ. Мѣстные крестьяне вотяки давно оцѣнили эту особенность городища и сходятся сюда для своихъ моленій. Здѣсь вы увидите нѣсколько небольшихъ загородокъ изъ балясника, въ родѣ нашихъ могильныхъ, длинныя лавки, козлы, на деревьяхъ остатки жертвоприношеній, вездѣ разбросанныя кости, пепелъ и уголь. Раньше, пока часть лѣса не была отмежевана въ удѣлъ, мольбище совершалось на площадкѣ городища, теперь же оно отнесено на конецъ отрога, за кольцо укрѣпленія и частью на лужайку. Мною сдѣланы были развѣдки на правой сторонѣ городища, на склонѣ; культурный слой сдѣсь оказался довольно значительнымъ, но при непродолжительной раскопкѣ далъ лишь черепки и, помнится, обломокъ какой-то каменной вещицы. Мнѣ сообщили, что на городищѣ былъ когда-то найденъ топоръ и еще какія-то желѣзныя вещи, указали также на находки костей большихъ животныхъ, но находки эти, какъ я убѣдился, дѣлаются не на городищѣ, а на склонѣ сосѣдней возвышенности. Говорили еще, что будто бы съ этими костями разъ, при выниманіи земли для плотины, найденъ былъ цѣлый скелетъ человѣка. Встрѣтившійся на городищѣ вотякъ, на мой вопросъ отвѣтилъ, что шаимовъ (могилъ) въ окрестности нѣтъ.

О городищѣ первое извѣстіе находится въ Отчетѣ Статист. Комитета. Здѣсь помѣщено малоудовлетворительное описаніе городища и слѣдующее замѣчаніе: „Въ народѣ есть преданіе, что въ древнія времена, еще до поселенія въ здѣшнюю мѣстность вотяковъ, мѣсто кургана сооружено будто бы здѣсь обитавшимъ ранѣе племенемъ, называемымъ чудью, время переселенія котораго никто не запомнитъ и о которомъ преданій никакихъ въ народѣ нѣтъ. Въ древнія времена находили будто бы близъ кургана мѣдныя отъ ремней пряжки, натопорники и друг. мелкія вещи; находки эти не удѣлѣли и ни у кого ихъ нѣтъ. Раскоповъ кургана и по близости онаго мѣстъ никѣмъ производимо не было, да и быть не могло, такъ какъ мѣсто кургана вотяками чтится. На немъ издревле находится вотское кладбище, носящее названіе: „Каръ-гуресь"[1]) на коемъ вотяки совершаютъ и донынѣ свои идолопоклонническіе обряды и моленія. Вотяки по своимъ суевѣріямъ не только не рѣшаются раскапывать курганъ и отыскивать какія-либо въ немъ вещи, а даже найденныя на ономъ опасаются брать[2]).

---

[1]) Каръ-гуресь въ переводѣ значитъ — укрѣпленная гора.

[2]) Отчетъ, 23 и Древн. и Нов. Россія 1876 г. 7 стр. 294.

Въ 1882 г. городище было раскопано Потанинымъ. Собственно о раскопкѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Въ поперечномъ разрѣзѣ вала найдены были только куски угля и черепки, въ другихъ мѣстахъ находки были еще бѣднѣе. Только въ концѣ городища въ одномъ мѣстѣ найденъ желѣзный ножикъ (съ небольшимъ стержнемъ для укрѣпленія деревомъ, дл. $4^1/_2$ д.) и тутъ же было собрано нѣсколько черепковъ съ раковинною примѣсью"[1]). Небольшую раскопку произвелъ на городищѣ лѣтомъ 1886 г. мѣстный судебный слѣдователь г. Загибайловъ, но тоже, кажется, съ небольшимъ успѣхомъ. Мною осмотрѣно городище прошлымъ лѣтомъ. Черепки Варзи-Ятчинскаго городища похожи на черепки городища Утчанскаго. Глина ихъ слаба и разнообразна въ оттѣнкахъ: сѣрая, красная, свѣтло-бурая и черная. Примѣсь весьма рѣдка и работа груба. Съ орнаментомъ поднятъ лишь одинъ черепокъ: по оплечью сосуда идутъ въ три ряда рѣдко (чрезъ дюймъ) разставленные кружки, край снабженъ зубчиками.

3) *Кузебаевское.* „Четкеръ д. Кузебаевой — просто высокій мысъ, значительно превышающій другіе: вершина его распахана. Отъ мѣсгныхъ жителей не скрылась та особенность его, что здѣсь много раскидано въ почвѣ камней, что на другихъ мысахъ не замѣчается". Потанинъ полагаетъ, что эти камни могли быть ранѣе сложены въ кучи, какія еще и теперь складываются набожными людьми въ Монголіи[2]).

Кузебаевсое городище расположено на высокомъ известковомъ мысу и еще издали среди оголенной мѣстности бросается въ глаза тѣмъ, что на немъ зеленѣется веселая роща. Роща эта священна, такъ какъ съ давняго времени посвящена Кереметю. Ограждающій мысъ правый оврагъ незначителенъ, лѣвый очень глубокъ. Валъ почти незамѣтенъ; онъ тянется слабо изогнутою дугою на 93 саж. Ровъ яснѣе, чѣмъ валъ. Точное измѣреніе площадки городища почти невозможно сдѣлать помощью одной рулетки, и мы только приблизительно можемъ сказать, что правая сторона городища имѣетъ около 35 саж., а лѣвая около 60. Расположенный на площадкѣ лѣсокъ состоитъ изъ деревьевъ смѣшанныхъ породъ и очень хорошъ; въ немъ разбитъ превосходный пчельникъ По воткинскимъ преданіямъ, на городищѣ жилъ какой-то богатырь. Культурнаго слоя на площадкѣ нами не было найдено. Черепки отысканы на склонахъ городища, но всего болѣе ихъ оказалось въ тылу его, за валомъ, гдѣ на довольно значительномъ разстояніи лежитъ очень плодородный зольный слой, остатки стараго пепелища. Впрочемъ и здѣсь черепки очень измельчены и рѣдко попадаются среди нихъ узорчатые. Черепки бо́льшею частію безъ примѣси, изъ свѣтло-желтой глины. Орнаментъ встрѣченъ пока только кружковый. Края сосудовъ прямые. Нами городище осмотрѣно въ 1888 году.

Проводникъ сообщалъ намъ, что недалеко отъ этого городища, нѣсколько ниже по теченію рѣчки Варзи, находится еще другое, но за позднимъ временемъ мы не могли уговорить его — довести насъ туда.

4) *Утчанское.* Занимаетъ огромный мысъ, отдѣлившійся отъ высокаго (до 10 саж.) берега рѣчки Варажки, близъ дер. Нов. Утчанъ. Мѣстные жители (вотяки) называютъ

---

1) Извѣст. Казанск. Археолог. Общ., т. III, 258—259. Каталогъ выставки, стр. 67.
2) Извѣст. Казанск. Археолог. Общ., т. III, стр. 191.

дались глиняные черепки[1]). Другія раскопки сдѣланы ближе къ С.-З. концу мыса, именно тамъ, гдѣ бугоръ[2]) кончается, и начинается крутой спускъ къ подошвѣ мыса и на срединѣ этого спуска. Въ обоихъ мѣстахъ, подъ слоемъ насыпной земли въ 1 арш. глубины, встрѣтился слой золы, болѣе или менѣе смѣшанный съ глиной; подъ этимъ слоемъ залегаетъ плотная глина, вѣроятно коренникъ. Культурный слой имѣетъ глубины не менѣе аршина; мѣстами встрѣчались залежи совершенно чистой золы. Въ нижней раскопкѣ[3]), сдѣланной въ видѣ разрѣза поперекъ мыса саж. $1^1/_2$ длиной, подмѣчено залеганіе золы, наводившее па мысль, что это были пепелища, которымъ придавали видъ бугровъ и потомъ забрасывали землей. Слой золы здѣсь покрытъ полосою отъ 1 четв. до 2-хъ, окрашенною въ красный цвѣтъ, и чѣмъ ближе къ золѣ, тѣмъ окраска оказалась цвѣтнѣе. Матеріалъ этой полосы былъ мѣстами рыхлый, мѣстами крѣпокъ, какъ обожженный кирпичъ. Полоса такъ крѣпка и дугообразна, что рабочіе приняли ее за верхъ печи, и въ самомъ дѣлѣ когда выгребли золу, оказались двѣ примыкающія другъ къ другу полости; дно шло наклонно, параллельно наружному уклону горы. Г. Потанинъ полагаетъ, что зола засыпалась еще горячею и жаромъ своимъ успѣвала скрѣпить нижній слой набросанной на нее глины[4]). Въ зольномъ слоѣ въ мѣстахъ обѣихъ раскопокъ найдено много черепковъ, костей домашнихъ животныхъ и рыбьихъ, двѣ желѣзныя вещи и одна костяная. Кости встрѣчались какъ цѣлыя, такъ и обугленныя; въ пластахъ чистой золы можно было различить куски пережженной кости, изъ чего г. Потанинъ заключаетъ, что эти кострища состоятъ всецѣло изъ золы отъ сожженныхъ костей животныхъ. Изъ находокъ отсюда въ Музеѣ Казанск. Археол. Общества хранятся слѣдующія: 1) желѣзное копье длиною 9 дюймовъ, наконечникъ совершенно плоскій, въ двѣ грани, длины $5^1/_2$ дюйм., остальная часть копья состоитъ изъ втулки для древка; рабочіе сочли его медвѣжьей острогой, 2) сплошная костяная палочка, въ одномъ концѣ обрѣзанная, ближе къ нижнему концу 3 круглыя сквозныя отверстія съ діаметромъ $1-1^1/_2$ лин., 3) желѣзное прямое шило, длин. 2 д. 7 л.[5]).

Были попытки и другихъ раскопокъ Утчанскаго городища; такъ еще года два — три тому назадъ городище было раскопано какими-то двумя археологами (Самоквасовымъ?) Раскопка продолжалась два дня при помощи 15 рабочихъ. По словамъ послѣднихъ, находки были мало значительны: какіе-то желѣзные предметы, кости домашнихъ животныхъ и рыбъ. Лѣтомъ 1887 г. городище было осмотрѣно нами, при чемъ были произведены небольшія раскопки въ разныхъ мѣстахъ на площади и на склонахъ, особенно на лѣвомъ близъ уступа. Черепки Утчанскаго городища мелки и рыхловаты, изъ довольно плохой глины, пріобрѣтающей при прокаливаніи красный оттѣнокъ. Со слѣдами раковинной примѣси встрѣченъ лишь одинъ черепокъ. Черепки

---

1) По сохранившимся слѣдамъ раскопки видно, что она произведена въ правомъ концѣ вала.

2) Т.-е. площадка городища?

3) Т.-е. на склонѣ.

4) Такъ какъ зола на бокъ городища сбрасывалась сверху и едва ли могла быть горячею, то это толкованіе, несмотря на его остроуміе, едва ли можетъ быть принято. Красная земля на зольномъ слоѣ встрѣчена нами и въ другихъ мѣстахъ городища, напр. около самаго вала на площадкѣ.

5) Изв. Каз. Арх. Общ. т. III, 256. Каталогъ выставки, 67.

состоятъ изъ широкихъ и тонкихъ круглыхъ пластинокъ, снабженныхъ язычкомъ для застегиванія. Сережки встрѣчаются совершенно конусообразныя, съ тонкимъ колечкомъ для привѣшиванія къ уху и еще другого типа, витыя изъ тонкой проволоки въ нѣсколько спиралей. Мѣдный шейный обручъ снабженъ витою петлею. Поясной наборъ очень характеренъ, такъ что его тотчасъ можно отличить: онъ состоитъ или изъ круглыхъ выпуклыхъ пластинчатыхъ пуговокъ, или изъ выпуклыхъ же продолговатыхъ съ зубчатымъ украшеніемъ пластинокъ, или изъ сложныхъ пластинокъ съ обращенными въ разныя стороны рожками на концахъ. Очень обыкновенныя находки на могильникѣ представляютъ большія, круглыя, гладкія бляшки, безъ всякихъ украшеній до 3 вершк. въ діаметрѣ, (но обыкновенно меньше). Любопытны также стеклянныя дынеобразныя бусы и такія же вылитыя въ подражаніе имъ изъ мѣди. Желѣзныхъ предметовъ найдено мало. Найдены части человѣческихъ костей, цѣлыхъ и пережженыхъ.

Съ предметами Ананьинскаго могильника Пьяноборскіе не имѣютъ никакого сходства, но еще П. А. Пономаревъ замѣтилъ, что они очень походятъ на тѣ, которыя извлечены изъ расположеннаго на р. Вяткѣ могильника Атамановы кости.

Посѣтивъ въ 1887 и 1888 гг. Пьяноборскій могильникъ, я не рѣшился подвергать его дальнѣйшей раскопкѣ, занялся внимательнымъ осмотромъ его и ограничился небольшими развѣдками. Замѣтивъ, что площадь распространенія металлическихъ и глиняныхъ издѣлій очень велика, но въ то же время лежащій на ней культурный слой весьма слабъ, я сталъ отыскивать наиболѣе значительныя скопленія культурныхъ остатковъ и нашелъ, что самый массивный зольный слой проходитъ по окраинѣ могильника, вдоль берега; вѣроятно, онъ снесенъ сюда водою. Подъ крайними домами выселка, особенно тѣми, которые выходятъ на его улицу, культурный слой имѣетъ до полъаршина толщины; этотъ слой не истощенъ, и крестьяне до сихъ поръ продолжаютъ извлекать изъ него мѣдные предметы. Небольшая раскопка въ мѣстности прежде сдѣланныхъ находокъ доказала, что площадка эта тоже не вполнѣ исчерпана. Костяковъ мною не было найдено, но за то посчастливилось найти здѣсь цѣлое ожерелье изъ мѣдныхъ и стеклянныхъ бусъ съ привѣсками, браслетъ, обломки черепа и нѣкоторыя отдѣльныя вещицы. Крестьянскія дѣти, которымъ я обязанъ былъ этими находками, сообщили, что на могильникѣ каждый годъ выдуваются новые предметы. Мѣстный учитель В. И. Суходоевъ выслалъ въ Московское Археологич. Общество изъ числа этихъ новыхъ находокъ до 30 отдѣльныхъ предметовъ и до 60 мѣдныхъ бусъ; часть этихъ предметовъ онъ собралъ путемъ личныхъ раскопокъ въ могильникѣ[1]).

Мною путемъ покупки и раскопокъ добыты изъ могильника слѣдующіе предметы: 1) ожерелье, сложенное изъ 70 обыкновенныхъ мѣдныхъ бусъ и 11 продолговатыхъ; къ нему прикрѣплялись 7 плоскихъ и тонкихъ небольшихъ круглыхъ подвѣсокъ съ ушкомъ въ верхней части и тремя кольцеобразными отверстіями въ основаніи, 2) браслетъ изъ 22 нанизанныхъ на кожанный узкій ремешекъ выпуклыхъ бляшекъ, 3) двѣ конусообразныя серьги, 4) остатки шерстяной грубой матеріи, 5) до 30 мелкихъ стеклянныхъ бусинъ, 6) двѣ бронзовыхъ пряжки, 7) мѣдная круглая бляха,

[1]) Любопытно указаніе г. Суходоева, что черепки отъ старинныхъ сосудовъ находятъ и подъ берегомъ, въ самомъ селѣ.

ные обручи и пр.[1]). Изъ нихъ форма пряжекъ, обручей, подвѣсокъ, прясла напоминаетъ подобные же чудскіе предметы; ихъ любимый орнаментъ, какъ и на чудскихъ украшеніяхъ, — веревчатый, да и вообще, если бы не эти оригинальные накольчужники, не встрѣченные до сихъ поръ среди чудскихъ древностей, то всѣ описанные могильники можно бы безъ колебаній приписать чуди. Новыя находки покажутъ, есть ли основаніе считать эти предметы вооруженія чудскими, но мы теперь же можемъ сдѣлать предположеніе, что пьяноборскіе накольчужники представляютъ собою одну изъ международныхъ формъ, данныхъ камскому краю вмѣстѣ съ другими подобными предметами Сибирью или западною Европой. Что они принадлежали не исключительно вятскому краю, это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Накольчужники самаго изысканнаго пьяно-борскаго рисунка, судя по атласу г. Аспелина, найдены по Вычегдѣ около Яранска, въ мѣстности, съ которою низовья Камы и Вятки не могли имѣть никакого непосредственнаго сообщенія. Ясно, что подобные предметы получались гдѣ-то на верховьяхъ Камы или въ средней ея части и отсюда шли черезъ Сысолу и Вычегду на Двину и черезъ Каму до Волги. Распространеніе одинаковыхъ предметовъ въ разныя стороны предполагаетъ существованіе на верховьяхъ Камы промышленнаго и торговаго центра, какимъ, какъ мы предполагаемъ, и была восточная камская колонія, принявшая на себя издавна роль посредника между камско-двинскими народностями и восточными торговцами.

Конечно, находки въ могильникахъ вещей между-народнаго характера не доказываютъ тождества оставившихъ ихъ племенъ, и потому нельзя съ увѣренностью утверждать, что пьяно-борскіе могильники и малмыжскій принадлежатъ непремѣнно одному и тому же народу.

Оба описанные выше могильники отнесены нами къ группѣ камскихъ городищъ, можно сказать, безъ всякаго основанія; конечно, не невозможно, что и могилы, и городища оставлены однимъ народомъ (можетъ быть въ разное время исторической жизни), но въ пользу этого предположенія мы пока можемъ привести лишь то обстоятельство, что на могильникахъ встрѣчены совершенно такіе же черепки, напрясла и обломки жернововъ, какъ и на сосѣднихъ городищахъ; ясно, что это доказательство теряетъ всякую цѣну, если предположить, что указанные предметы остались отъ поселенія, расположившагося на могильникѣ много позднѣе, чѣмъ онъ былъ насыпанъ. Въ малмыжскомъ могильникѣ черепковъ, насколько извѣстно, не встрѣчено.

4) Рядомъ съ православнымъ кладбищемъ *въ с. Пьяный Боръ* находятся остатки стараго инородческаго. Почва кладбища состоитъ изъ мелкаго песку, который сильно выдувается вѣтромъ, такъ что многія могилы были обнажены и исчезли, но встрѣчаются и нетронутыя. Ихъ можно замѣтить по бугоркамъ, удержавшимся надъ черепомъ и остатками гробовъ. Крестьянскія дѣти знаютъ, что подъ такими бугорками легко найти кости вмѣстѣ съ предметами, и при мнѣ съ успѣхомъ разрыли нѣсколько ихъ, причемъ кромѣ череповъ былъ найденъ желѣзный топоръ и гвозди.

---

[1]) Наиболѣе древними изъ находокъ Муновскаго могильника намъ представляются находки маленькихъ мѣдныхъ стрѣлъ такъ назыв. скиѳскаго типа.

отъ того-же волости правл.). Жители деревни до послѣдняго времени сохранили много преданій о жившихъ на этомъ мѣстѣ богатыряхъ и разбойниках[1])

10) Въ 2-хъ верс. отъ дер. Вытчанъ-Сырьезь верхне-волопенкинск. общества были находимы какіе-то котелки и пр. Первые поселенцы дерерни, вотяки, предполагаютъ, что здѣсь до нихъ жили черемисы[2]).

Въ Можгинской волости Елаб. уѣзда извѣстны слѣдующія находки и любопытныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности.

11) Въ трехъ верст. отъ с. Можги указываютъ поле, гдѣ находили не мало стрѣлъ. Вотяки думаютъ, что это поле есть памятникъ кровавыхъ столкновеній между черемисами и вотяками, которыхъ привелъ сюда богатырь Морданъ[3])

12) Расчищенныя поляны и слѣды старыхъ жилищъ нашли первые русскіе поселенцы поч. Кайшуръ (Жельвяковскій)[4]).

13) Слѣды старой пашни, топоры и ножи особаго устройства находятъ близь с. Б. Пудги[5]).

14) Близь рер. Новая Монья (Виль-Монья) указываютъ слѣды жилищъ, полей и кладбища. До прихода вотяковъ (л. 250 тому назадъ) здѣсь будто-бы жили черемисы (Ильинская вол., въ 7 в. отъ волостн. правл.)[6]).

15) Есть слѣды стариннаго жилья близь дер. Ниж. Юря (Большекибьинской вол.), судя по преданіямъ, заселенной вотяками изъ подъ Вятки[7]).

16) Въ 1 верстѣ отъ дер. Вотскій Тоймабашъ (той же волости), въ лугахъ, есть остатки стараго жилья[8]).

17) Древне вотское селище указываютъ близь дер. Чельча (Шаршада), Мушановск. вол. Мѣстному населенію извѣстно воткое, нынѣ уже распаханное, кладбище и находки серповъ и друг. предметовъ[9]).

18) Древне-вотскія кладбища находятся близь дер. Маканъ-Пельга и Верхне-Бемышъ Пельга (Маканъ-пегинск. вол.)[10]).

19) Два древне-татарскія (?) кладбища находятся близь дер. Ибрашъ (Брюшли) и Тогаевой, Граховской вол.[11]).

20) старинное вотское кладбище находится близь дер. Вотскія Адамъ-Учи той-же волости[12]).

21) Вотское старое кладбище указывается близь с. Куракова[13]).

---

1) Тамъ же.
2) Тамъ же, 5.
3) Тамъ же, 9.
4) Тамъ же. 13.
5) Тамъ же, 15.
6) Тамъ же, 9.
7) Тамъ же, 17.
8) Тамъ же, 19.
9) Тамъ же, 24.
10) Тамъ же, 29 и 30.
11) Тамъ же, 32.
12) Тамъ же, 35.
13) Тамъ же, 38.

Находки въ районѣ камскихъ городищъ.

I. *Трошковскій кладъ.* Кладъ этотъ, найденный лѣтомъ 1890 г. въ полѣ дер. Трошковской, Галановской вол., Сарапульскаго уѣзда, имѣетъ немаловажное научное значеніе, такъ какъ въ немъ оказалось до 18 видовъ мѣднаго набора, встрѣчавшагося до сихъ поръ лишь весьма случайно въ отдѣльныхъ экземплярахъ. Указывая на одновременность всѣхъ этихъ разновидностей набора, кладъ кромѣ того представляетъ новыя данныя, соединяющія сарапульскія городища съ средне-вятскими и съ пьянoборскимъ могильникомъ. Всего въ дошедшей до насъ части клада находится 641 экземпляръ бляшекъ, но можно думать, что ихъ было больше, такъ какъ по слухамъ кладъ первоначально вѣсилъ до 6 ф., а въ пересланной намъ части оказалось лишь нѣсколько болѣе 5 ф. Въ кладѣ при разборѣ его оказалось: 1) два мѣдные нагрудника до 2-хъ вершк. ширины, четыреугольные, узорчатые, 2) три небольшія бляшки, плоскія, одна нѣсколько выпуклая и съ орнаментомъ, 3) кольцевидная пряжка съ двумя спиралями съ боку, 4) большая плоская лапчатая подвѣска и обломокъ такой же другой, два мѣдные плоскіе треугольника того же назначенія, 5) пять полныхъ подвѣсокъ въ видѣ животныхъ (медвѣдя и свиньи), 6) небольшой острый полый конусъ съ прорѣзью съ боку и посрединѣ, послѣдняя снабжена тѣснымъ рядомъ неподвижныхъ колецъ, 7) 154 остро-выпуклыхъ бляшекъ (изъ нихъ 3 съ остатками кожи, 2 съ зубчатымъ бордюромъ), 8) 57 такихъ же меньшаго размѣра, 9) два большихъ обломка длинныхъ и узкихъ бляхъ, составленныхъ изъ ряда такихъ же бляшекъ, 10) 13 выпуклыхъ круглыхъ бляшекъ, 11) 99 круглыхъ плоскихъ бляшекъ съ двумя ушками, (изъ нихъ 4 съ остатками кожи, 1 со спиральнымъ орнаментомъ; такія бляшки встрѣчены на средне-вятскихъ городищахъ), 12) 3 такія же бляшки небольшаго размѣра и съ однимъ ушкомъ каждая, 13) 141 продолговатыхъ выпуклыхъ двойныхъ бляшекъ, прямыхъ, съ насѣчками, 14) 94 выпуклыхъ двойныхъ бляшекъ рожками (изъ нихъ 38 въ обломкахъ), 15) 32 круглыя тройныя бляшки съ двумя ушками, 16) 3 такія же двойныя, 17) 26 бляшекъ, состоящихъ изъ трехъ поставленныхъ ребромъ полуколецъ, 18) 3 бусообразныя пронизки. Всѣ бляшки вылиты изъ мѣди.

II. Въ *д. Кувтиной* той же волости найдены: 1) бляшка, подобная № 7 изъ предыдущаго клада, 2) 3 бляшки № 8, на ремнѣ, 3) маленькая трубчатая подвѣска съ ушкомъ.

повидимому, чудскаго типа (ошланское). Но можетъ быть при дальнѣйшихъ изысканіяхъ окажется, что эта культура появилась на Пижмѣ съ другой стороны, напр., со стороны Ветлуги, иначе говоря, съ Волги. Ветлужскія и Волжскія древности намъ совершенно неизвѣстны, такъ что мы ничего не можемъ сказать ни за, ни противъ такого предположенія. Мы могли только подмѣтить, что пижемскія чудскія древности имѣютъ сравнительно съ чепецкими позднѣйшее происхожденіе (такъ что бронзовыя подвѣски почти не успѣли окислиться, нѣкоторыя серебрянныя вещи, напр. ожерелья, стали вырабатываться нѣсколько иначе) и не вполнѣ съ ними совпадаютъ (среди пижемскихъ древностей до сихъ поръ найдено мало болгарскихъ бусъ и чудскихъ подвѣсокъ). Затѣмъ намъ ясно, что чудскія пижемскія городища существовали почти одновременно съ вотскими средне-вятскими и съ яранскими одолемами. Нѣтъ вполнѣ достаточныхъ основаній утверждать, что по Пижмѣ разселилась часть чудскаго племени, изгнаннаго или вытѣсненнаго экономическими условіями изъ какого-нибудь стариннаго центра чудской народности: быть можетъ городища этой мѣстности есть не болѣе какъ своего рода фабрики чудскихъ мастеровъ. Находокъ арабскихъ монетъ изъ района пижемскихъ городищъ еще неизвѣстно, но на одной изъ подвѣсокъ, найденныхъ въ еманаевскомъ городищѣ, мы нашли сдѣланное наливомъ подражаніе арабскому диргему[1]).

1. *Бурыгинское.* Находится въ 20—25 в. отъ Кукарки на р. Немдѣ, впадающей въ Пижму, близъ дер. Бурыгино (иначе Нижневотское городище) и еще ближе къ поч. Долгоножкову. „Чтобъ живѣе представить себѣ мѣстность городища, вообразите себя стоящимъ на срединѣ массивнаго, кокошникообразнаго, идущаго правильнымъ полукругомъ вала саженъ въ 14 длиною. Предъ вами — очень узкая и длинная, постепенно опускающаяся едва замѣтными отъ вліянія времени уступами площадь городища, покрытая въ настоящее время лѣсомъ. Позади васъ — ровъ, настолько широкій, что по обширности своей скорѣе походитъ на полянку. По обѣимъ сторонамъ городища — крутые обрывы, одинъ по лѣвую руку къ Немдѣ, другой по правую къ широкому, поросшему лѣсомъ оврагу. Первый почти отвѣсенъ, саж. 20 вышины, второй нѣсколько положе и по нему пробита еще въ старину крутая пѣшеходная дорожка, идущая прямо въ ровъ; ниже ея прошла выкопанная въ недавнее время конная дорога. Почва, на которой стоитъ городище — плотный известковый камень.

Валъ состоитъ изъ известковой, на первый взглядъ даже зольной земли, съ камешникомъ, и потому въ немъ чрезвычайно легко рыться; множество большихъ и малыхъ ямъ доказываютъ, что кладоискатели съ усердіемъ воспользовались этою особенностью городища.

Площадь городища до ступеней такъ не велика и ископана, что трудно судить

---

[1]) Счастливое открытіе Курманскаго могильника, раскопаннаго въ 1888 г. гр. Ѳ. А. Уваровымъ (описаніе раскопки см. въ «Древностяхъ» т. XIV), представляетъ богатое поле для различныхъ предположеній и аналогій. Намъ здѣсь приходится указать, что древности этого могильника по культурѣ очень близки къ пижемскимъ чудскимъ древностямъ, именно нами найдены на пижемскихъ городищахъ совершенно такіе же льячки, спиральныя кольца, шумящія подвѣски, стеклянныя бусы, напрясла, окрученные мѣдною проволокою обручи, а въ районѣ этихъ городищъ такіе же шейныя кольца, мѣдные браслеты, серебряныя пряжки, какіе гр. Уваровымъ открыты на Окѣ близъ Касимова. Для насъ теперь несомнѣнно, что обѣ эти, такъ далеко расположенныя другъ отъ друга, мѣстности, носятъ слѣды одинаковой культуры и что, слѣдовательно, Пижма заселена была съ Волги, а не съ Чепцы.

желѣзнаго ножа, 11) какое-то желѣзное орудіе, въ родѣ прямого шила, 12) два звена повидимому мѣдной цѣпочки, 13) мѣдная узорчатая бляшка съ дырочкою, 14) мѣдная же узорчатая пластинка, согнутая вдвое, 15) мѣдная побѣленая вещица съ тремя подвѣсками, служившая головнымъ украшеніемъ или частью ожерелья, 16) сломанная оловянная пластинка съ рубчиками, 17) сломанная оловянная фигурка, вѣроятно часть украшенія, 18) нѣсколько горшечныхъ черепковъ съ простыми узорами. № 6 и еще какой-то[1]) были оставлены Алабинымъ для Вятскаго музея, остальные отосланы въ Археологическую Коммиссію.

„Преданіе говоритъ, что въ этомъ городищѣ, или какъ его называютъ мѣстные жители „круганъ“ [2]), жили богатыри, древнѣйшіе обитатели края. Замѣчательно, что народъ не называетъ ихъ чудью или чудаками. Само собою разумѣется, что существуетъ множество разсказовъ о лежащихъ въ этомъ круганѣ кладахъ, о томъ, что они нерѣдко показываются людямъ въ различныхъ образахъ, преимущественно въ видѣ старика, что иногда здѣсь слышатся какіе-то вопли, что мимо, по пролегающей тутъ дорогѣ, ночью нельзя проѣхать безъ невольнаго ужаса, отъ котораго шапка сама лѣзетъ съ головы и т. п., о русалкахъ, водящихся въ Немдѣ, о томъ, что зимою въ большіе морозы изъ продушинъ въ каменистомъ берегѣ, подъ курганомъ, выходитъ дымъ или паръ отъ дыханія живущаго въ этихъ разсѣлинахъ змѣя, иногда оттуда вылетающаго съ огненнымъ хвостомъ“ [3]).

Посѣтивъ въ 1883 г. Бурыгинское городище, я услышалъ слѣдующіе разсказы о добываніи здѣсь кладовъ. „Интересъ къ городищу и кладамъ въ настоящее время сильно ослабѣлъ, но въ старое, не очень впрочемъ отдаленное время, въ деревнѣ жили „коренные“ кладоискатели, которые не щадили никакихъ усилій къ отысканію кладовъ, хотя изъ боязни насмѣшекъ и вели свое дѣло очень скрытно. Вѣроятно, манія на отыскиваніе кладовъ усилилась особенно съ тѣхъ поръ, какъ на городищѣ нашли запись на опоковомъ камнѣ, гдѣ именно и какой кладъ зарытъ. Камень былъ найденъ безграмотнымъ старикомъ, который умеръ, не успѣвъ показать мѣста своей находки. Запись долгое время хранилась въ семьѣ разговаривавшаго со мною крестьянина, а потомъ была передана какому-то нищему Ефиму, который взялся отыскать кладоваго „мастера“ и унесъ ее за р. Вятку въ д. Галямы, гдѣ она и осталась. Камень былъ величиною въ кирпичъ и весь исписанъ буквами; въ записи было сказано, что кладъ состоитъ изъ „орудій“ и посуды, а денегъ не показано. Какъ бы то ни было, но крестьяне и теперь такъ увѣрены въ возможности найти на городищѣ кладъ, что первый вопросъ, предложенный мнѣ встрѣтившимся крестьяниномъ, былъ: самъ я „мастеръ“, или только „за посланника?“ Такъ какъ всѣ попытки отыскать кладъ до сихъ поръ были неудачны, то крестьяне пришли къ убѣжденію, что для его отысканія слѣдуетъ срыть все городище до основанія“.

Привожу и остальную часть составленнаго мною послѣ посѣщенія городища описанія. „Въ правомъ обрывѣ постоянно вываливаются вещицы, которыя въ старое время

---

[1]) Кажется № 5.
[2]) Это названіе даетъ г. Алабину поводъ сдѣлать предположеніе, что слово „курганъ“ русскаго происхожденія.
[3]) *Алабинъ* въ Вят. Вѣд. 1865, 55 и 56 и отдѣльно въ «Замѣткахъ».

тяженіи 50 саж., вначалѣ довольно широкій, потомъ съуживающійся. Теперь спускъ прерванъ углубившимся оврагомъ, но раньше, по разсказамъ, онъ доходилъ до самаго берега рѣчки. Ровъ широкій, по бокамъ сильно промытый. Поле за рвомъ идетъ постепенно возвышаясь.

Городище поднимается надъ берегомъ саженъ на 15—20, такъ что съ него окрестности видны на далекое пространство; особенно обширенъ видъ на долину Ижа, который извивается здѣсь многими изгибами.

При подошвѣ городища есть два естественныя возвышенія, которыя легко принять за большіе курганы.

Первый указалъ на Ижевское городище Алабинъ[1]). Въ 1886 г. его описалъ и частью раскопалъ свящ. I. Бобровскій. Онъ разрылъ лѣвый конецъ вала и нашелъ здѣсь: пережженныя кости, наконечникъ желѣзной стрѣлки и бронзовую пряжу чудского типа (пряжка образована спиралями, три лапчатыя привѣски)[2]). По вырытымъ ямамъ можно было замѣтить, что на значительномъ разстояніи отъ верху вала нѣкогда горѣлъ костеръ: по крайней мѣрѣ тутъ видны слои угля, перемѣшаннаго съ камнями и перегорѣлой землей. О. Бобровскимъ раскопана была еще средина вала, но, кажется, здѣсь ничего не найдено. Въ своемъ описаніи городища онъ даетъ еще слѣдующія свѣдѣнія. На площадкѣ при ея распашкѣ между прочимъ были найдены: нѣсколько мѣдныхъ шариковъ въ видѣ пуль, мѣдныя кольца, желѣзныя наконечники стрѣлъ и какая-то металлическая блашка крестообразнаго вида[3]). По народнымъ преданіямъ на городищѣ жили богатыри, которые свободно перебрасывались палицами съ богатырями другихъ городищъ, жили разбоемъ и оставили кладъ. Мѣсто этого клада даже указывается. Окрестные жители вообще боятся городища, а ночью не осмѣливаются и мимо проходить. Противъ городища на другомъ берегу Ижа есть нѣсколько ямъ, заливаемыхъ въ весеннее половодье; вѣроятно, онѣ позднѣйшаго происхожденія[4]).

9 іюня 1887 г. ижевское городище раскопано мною. Достаточно было небольшой развѣдки, чтобы понять, что на площади городища культурнаго слоя уже не существуетъ. Его естественнѣе всего было искать на боку оврага, къ которому площадка городища имѣетъ склонъ, но такъ какъ эта сторона покрылась большимъ слоемъ чернозема и дерна, то я рѣшился начать съ обнаженнаго и крутого лѣваго бока. Нѣсколькими широкими полосами рабочіе съ самаго низу обрыва поднялись до его верху. Находки встрѣчались не часто, а въ нѣкоторыхъ полосахъ ихъ почти совсѣмъ не оказывалось. Кромѣ расколотыхъ костей различныхъ животныхъ здѣсь собрано было довольно много льячковъ, желѣзныхъ ножей и стрѣлъ. Средняя часть осыпи оказалась наиболѣе содержательною. Въ два дня, при помощи приблизительно 15 рабочихъ, основательно была перекопана вся лѣвая сторона и сдѣланы большія развѣдки на правой, гдѣ находокъ оказалось еще менѣе (черепковъ совсѣмъ не найдено, зато здѣсь найдены лучшіе экземляры льячковъ). Пробныя раскопки на не занятыхъ пашней мѣстахъ площадки не дали никакихъ находокъ.

1) Алабинъ, Замѣтки относ. древностей Ват. Вѣд. 1865, 56.
2) Послѣднее не получено ли отъ крестьянъ?
3) Одна изъ найденныхъ стрѣлъ доставлена въ Вятскій Статист. Комитетъ.
4) Новыя свѣдѣнія, 31—34.

несмотря на то, что глинистая масса культурнаго слоя совершенно сливалась съ [illegible] и не могла быть разрыта, такъ какъ была мерзлая. Въ раскопкѣ принимали участие 11 рабочихъ.

Костей (лошади, бобра, медвѣдя, особенно домашнихъ и др.) найдено много, черепковъ мало. Самыми интересными находками на городищѣ — льячки, которыхъ, по разсказамъ крестьянъ, и раньше здѣсь находили множество. Льячки представляютъ собою глиняный ковшичекъ съ носикомъ на одной сторонѣ и толстою ручкою, по срединѣ которой проходитъ глубокое отверстiе для насаживанiя льячка на прутъ. Средняя величина льячковъ нѣсколько болѣе вершка. Глина для льячковъ вообще бралась плотная, иногда же она смѣшивалась съ растительными веществами. Льячки выдѣлывались руками, а бока сглаживались лопаточкой и кое-гдѣ украшались рисункомъ. Можно думать, что льячками зачерпывалась изъ тигля часть расплавленнаго металла, которая и выливалась затѣмъ въ форму[1]. Самые тигли также найдены на городищѣ. Судя по обломкамъ, большинство тиглей состояло изъ круглыхъ горшечковъ съ толстыми стѣнками, но нѣкоторые изъ нихъ имѣли своеобразную форму со сплющенными въ три грани боками. Поднятъ одинъ тигель очень небольшихъ размѣровъ. Любопытенъ плоскій толстый тигель, подобный тиглю, найденному на одномъ изъ [illegible] городищъ г. Пономаревымъ. Огромное количество льячковъ (нами подобрано нѣсколько цѣлыхъ и 57 поломанныхъ), находка разнообразныхъ тиглей и нѣсколько встрѣченныхъ тутъ же формочекъ показываютъ, что на [illegible] городищѣ нѣкогда существовала цѣлая литейная мастерская. Найденъ былъ въ значительномъ количествѣ и шлакъ; въ нѣкоторыхъ кускахъ его замѣчены вкрапленныя частицы мѣди.

Кромѣ предметовъ литья на городищѣ найдены вещи костяныя (4 игольника, разныхъ размѣровъ иглы, 3 вилки, одна цѣлая ложка и стебель другой, 10 наконечниковъ стрѣлъ и другихъ подобныхъ предметовъ, лопаточки съ затѣйливымъ рисункомъ, употреблявшiяся вѣроятно при обработкѣ гончарныхъ издѣлiй и, главное, льячковъ, — удочка, небольшой костяной ножъ, 7 обломковъ роговъ и костей со слѣдами обработки), желѣзныя (16 кривыхъ ножичковъ, длинное шило, топоръ, можетъ быть позднѣйшiй, обломокъ желѣзнаго прутка и [illegible] иглы такой же формы, какъ и костяныя) и серебряныя (тонкое колечко въ видѣ [illegible] и тонкая выпуклая круглая серебряная бляшка съ кружковымъ орнаментомъ, совершенно похожая на подобныя же, найденныя въ д. Речкахъ). Мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ не было отыскано. По разсказамъ крестьянъ, раньше были подняты на городищѣ слѣдующiе предметы: замокъ, маленькая мѣдная рюмка, мѣдныя витыя кольца (длиною съ полъ-аршина), желѣзная дужка отъ котла (можетъ быть прутъ для льячковъ), два мѣдные пробоя, толстое желѣзное кольцо, желѣзная сѣкира, мѣдный наборъ, желѣзные топоры, большое мѣдное ожерелье, серпы-горбуши и проч. По разсказамъ тѣхъ же крестьянъ, лѣтъ 15 тому назадъ, близъ д. Городище были выпаханы два витые, съ загнутыми концами, серебряные обруча, которые въ 1871 г. хранились у серебряника Колобова.

[1]) Такiе же льячки мы видѣли въ коллекцiи чудскихъ древностей г. Теплоухова, и такiе же, по слухамъ, найдены на Пижмѣ.

Наиболѣе интересныя находки были сдѣланы у вала, въ правомъ его концѣ, на площадкѣ. Здѣсь обнаружены слѣды большихъ костровъ, частью спускающихся внизъ; въ валу найдены два котлообразныя углубленія, стѣнки которыхъ были проникнуты золой и мелкими углями; на кострахъ поднято значительное количество обломковъ глиняныхъ тиглей и формъ. Насколько можно судить по этимъ обломкамъ, тигли были довольно велики, съ толстыми стѣнками, рюмкообразнаго типа, непремѣнно съ ножкой; форма соединялась съ воронкой, такъ же какъ на подобномъ приборѣ, найденномъ на Буйскомъ городищѣ. Формы найдены только одного этого вида, но въ нѣсколькихъ экземплярахъ; при помощи ихъ выливалось какое-то гире-образное цилиндрическое орудіе до $1^1/_2$ и болѣе дюймовъ толщиною и неизвѣстной длины; иногда нѣсколько такихъ формъ соединялось вмѣстѣ. Въ средней части раскопанной площадки найдено болѣе всего шлаку, битой гальки и обломковъ жернововъ[1]); каменные предметы найдены почти всѣ на лѣвой сторонѣ, такъ же какъ и желѣзныя вещи. Кромѣ каменныхъ предметовъ и тиглей на городищѣ были подняты слѣдующіе находки: 1) желѣзное шило, 2) желѣзный ножъ, 3) желѣзное огниво, 4) мѣдная бляшка, 5) небольшая мѣдная дужка, сплющенная въ кольцо[2]), 6) два обломка каменныхъ напряслицъ. Черепки Шуйскаго городища вообще имѣютъ значительную толщину (отъ 0,6 до 0,8 сант.), такъ какъ глина, изъ которой они сдѣланы, очень рыхла. Цвѣта она преимущественно красная, но иногда бываетъ темная или даже черная. Раковинной примѣси не встрѣтилось. Края сосудовъ очень прямые, съ самымъ слабымъ выгибомъ внутрь. Орнамента вообще нѣтъ, такъ какъ глина по своей слабости не могла бы долго сдержать узора, но видно, что обитатели городища все-таки умѣли украшать свою посуду. Самый употребительный орнаментъ — зубчатый, очень разнообразный: онъ идетъ ломаными линіями, прямыми линіями, колонками и проч.; шнурового орнамента не встрѣчено. Найдены черепки позднѣйшаго времени.

У мѣстныхъ крестьянъ весьма упорно держится мнѣніе, что въ валу городища скрытъ кладъ и вслѣдствіе этого они время отъ времени продолжаютъ разрывать его. Говорятъ, что когда-то на второй площадкѣ было найдено до пуда ржаваго желѣза, въ видѣ различныхъ подѣлокъ, но онѣ не сохранились. Конечно, валъ мною былъ не тронутъ; рабочіе остались недовольны этимъ распоряженіемъ, замѣтивъ мнѣ прямо, что я только раздразнилъ ихъ любопытство.

2. *Ернурское*. Находится близъ с. Великопольскаго, недалеко отъ дер. Черемисскій Ернуръ. По пути на городище встрѣчаются пеньки огромныхъ дубовыхъ деревьевъ, показывающіе, что здѣсь еще не особенно давно былъ большой дубовый лѣсъ.

Широкое, почти четыреугольное Ернурское городище расположено между двумя очень неглубокими оврагами, поросшими хвойнымъ лѣсомъ. Когда-нибудь по этимъ оврагамъ бѣжали небольшіе ручейки; еще и теперь подъ городищемъ лежитъ маленькое не засыхающее озерко. Площадка ровная, вспахана, довольно велика (по линіи вала 26, правая сторона 32 и лѣвая, сгибающаяся по срединѣ, 40 саж.). Культур-

---

[1]) Встрѣченъ обломокъ извѣстковаго жернова, но большинство ихъ изъ того же краснаго пористаго камня какъ и на Котельническомъ Скорняковскомъ городищѣ.

[2]) Вырыта въ прошломъ году Кубашевскими крестьянами.

жернова изъ известковаго ноздреватаго камня, битую гальку, шлакъ и множество мелкихъ кусочковъ угля. Года три тому назадъ на городищѣ росъ лѣсъ. О находкахъ не слышно. Поднятые на городищѣ черепки мелки, черные или желтые (рѣже) въ разломѣ, иногда съ раковинною примѣсью. Орнаментъ найденъ пока одинъ — зубчатый въ три косыя линіи.

Мѣстные жители Кормановское городище вмѣстѣ съ его окрестностями называютъ „Одо-лемъ“, жилье племени Одо. Кто были эти Одо, черемисы не знаютъ, но говорятъ, что это былъ богатый народъ. Извѣстно, что Одо по-черемисски значитъ вотякъ; если черемисы забыли этотъ народъ, отсюда слѣдуетъ, что вотяки ушли изъ глубины Яранскаго уѣзда уже давно и что въ окрестностяхъ нѣтъ ихъ на далекое разстояніе. Черемисы не знаютъ, гдѣ именно городище, и указываютъ неопредѣленно на всю окружающую возвышенность; показывая на самую высокую площадку, они говорятъ, что Одо отсюда съ кѣмъ-то перестрѣливались, съ помощью луковъ. Сохранилось преданіе, что на Одо-лемѣ когда-то находили серебро, и на этомъ основаніи на городищѣ и въ окрестностяхъ выкопано множество ямъ. По ту сторону лѣваго оврага можно видѣть яму особенно почтенныхъ размѣровъ, теперь старательно заваливаемую хворостомъ. Старикъ-черемисинъ, одинъ изъ моихъ проводниковъ, подробно разсказалъ, въ какомъ положеніи въ этой ямѣ онъ видѣлъ три котла и какъ онъ пытался ихъ подобрать, но къ сожалѣнію, неудачно. Кормановское городище открыто мною совершенно случайно, благодаря только тому, что мнѣ не хотѣлось обидѣть этого добродушнаго черемисина, съ большимъ оживленіемъ и благожелательствомъ передававшаго мнѣ все, что онъ зналъ о кладѣ и даже вызвавшагося проводить меня на самое мѣсто его.

4) *Шевнинское городище* находится далеко отъ предыдущихъ, въ 7 верстахъ отъ г. Уржума, близъ дер. Шеваниной и Бажиной.

Городище расположено на правомъ, весьма высокомъ берегу рч. Уржумки, протекающей какъ разъ у его подножія, и съ него открывается обширнѣйшій и рѣдкій по красотѣ видъ на долину рѣчки и окрестности. Кажется, что видъ отсюда считается красивѣйшимъ даже въ окрестностяхъ Уржума, гдѣ подобныя панорамы не въ рѣдкость. Кто видѣлъ эту прелестную, растилающуюся подъ ногами картину, тотъ ее не забудетъ. Вотъ мѣсто, гдѣ изслѣдователь забываетъ о своемъ прямомъ дѣлѣ, гдѣ рулетка долго остается свернутою и карандашъ забытымъ.

Площадка городища скромно и незамѣтно пріютилась на самой вершинѣ массивнаго, съ широкими и отлогими скатами на три стороны холма, обращеннаго въ долину. Только лѣвый, солнечный скатъ покрытъ скудною растительностью, на прочихъ разросся очень густой хвойный лѣсокъ. Изъ подъ холма бѣжитъ въ рѣчку родникъ. Площадка значительныхъ размѣровъ, довольно ровна и поката къ склонамъ. Валъ сильно опалъ, тянется на 35 саж. и кромѣ того съ лѣвой стороны закругляется на 8 саж., постепенно и незамѣтно сливаясь съ площадкой. Ровъ небольшой. Культурнаго слоя совершенно незамѣтно. Вездѣ на городищѣ — и на площадкѣ, и на склонахъ — послѣ легкаго слоя чернозема (въ четверть толщины) идетъ мелкій камешникъ, дѣлающій почву городища и его окрестностей совершенно негодною для пашни, даже

и представляющей по своему отношенію къ рѣкѣ нѣкоторое сходство съ такъ-называемою второю рѣчною террасой. Площадка покрыта небольшимъ лѣсомъ и сильно подмывается водою[1]). Мѣстные крестьяне давно знали о существованіи здѣсь могильника и въ 1877 г. сообщили о немъ г. Кузнецову слѣдующія свѣдѣнія.

Прежде могильникъ имѣлъ видъ низкаго холма, сплошь „какъ мостомъ" покрытаго широкими каменными плитами, отъ времени поросшими травой и мохомъ, а въ промежуткахъ деревьями[2]). Въ разстояніи аршина отъ обрыва берега видна была какая-то „землянка" аршинъ до 6 длины и 4 ширины, высотою до аршина; кругомъ ея были въ разныхъ мѣстахъ расположены небольшіе бугорки. Землянка и бугорки были тоже покрыты плитами. Со стороны берега небольшая сгнившая дверь (?) вела въ какое-то пустое пространство. Когда часть землянки обвалилась въ воду, то между оказавшимися въ обрывѣ костями было найдено въ небольшихъ слиткахъ золото и серебро (?), клинчатыя монеты и ружейный стволъ со штыкомъ; тутъ же потомъ были обнаружены различныя мелкія вещи, большая желѣзная скоба, двѣ прямыя сабли, какіе-то кресты и прочее.

Раскопавъ замѣченную вблизи совершенно нетронутую могилу, крестьяне нашли здѣсь, между костями и камнями, множество желѣзныхъ и мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій (часть древка у нѣкоторыхъ сохранилась, и можно было видѣть, что стрѣлы прикрѣплялись помощью колецъ), нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ полосъ, вѣроятно отъ панцыря (шир. 2 вершка, длиною до 2 четв. и болѣе), желѣзный шлемъ, два меча съ прямыми крестообразными рукоятками, желѣзный щитъ до 3 четв. длины, съ рамкою, сильно изоржавѣвшую кольчугу и металлическій поясъ, набранный изъ причудливыхъ фигуръ въ видѣ утокъ и гусей; на ногахъ костяка были сапоги, тотчасъ же разсыпавшіеся отъ прикосновенія. Весною того же 1877 г. на могильникѣ была вскрыта новая могила съ находками такого же характера, какъ и въ предыдущей, т.-е. сравнительно новѣйшаго, хотя и здѣсь встрѣтились вещи, повидимому, изъ бронзы. Побывавъ тогда же на могильникѣ, г. Кузнецовъ замѣтилъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ холмообразный видъ (?), что около него находится значительное количество покрытыхъ плитами холмиковъ (?), что человѣческія кости разбросаны на немъ „во множествѣ" на протяженіи 15 саж. Послѣ небольшой развѣдки онъ нашелъ въ берегу подъ камнемъ похороненные въ безпорядкѣ два костяка. Пять лѣтъ спустя, въ 1881 г., г. Кузнецовъ снова заинтересовался могильникомъ и предпринялъ на немъ систематическія раскопки. Первую траншею онъ заложилъ почти подлѣ самаго берега. Когда здѣсь снятъ былъ слой земли до аршина, обнаружился сильно потрупѣвшій костякъ; кости лежали неправильно и вещей при нихъ не оказалось. На полъаршина ниже найденъ былъ другой костякъ, головой на югъ, съ вытянутыми вдоль туловища руками; у праваго бока лежала пара лошадиныхъ ножныхъ костей, копытами па сѣверъ, а рядомъ съ черепомъ — обращенный на югъ черепъ лошади. Всѣ кости сильно погнили. Нѣсколько выше отыскана была бронзовая пряжка, въ видѣ коня

---

[1]) По наблюденіямъ г. Кузнецова въ продолженіе 5 лѣтъ берегъ былъ оторванъ водою на 3 саж.
[2]) Существованіе такого «моста» болѣе чѣмъ подозрительно.

со втулкой по срединѣ, витое; 6) двѣ тонкія плоскія пронизки въ 3 и $2^1/_2$ сант. длины, съ поясками на концахъ, изъ свѣтлой бронзы[1]).

6) Осенью 1887 г. крестьянинъ с. Сметанина, Яранскаго уѣзда Андріанъ Вагановъ, раскапывая на своей одворицѣ погребную яму, напалъ на остатки нѣсколькихъ человѣческихъ скелетовъ, при которыхъ нашелъ различныя вещи, именно: 1) около 20 штукъ мелкихъ серебряныхъ русскихъ монетъ времени великаго князя Іоанна IV, 2) топоръ, 3) ножикъ, 4) часть окладневаго мѣднаго креста, 5) двѣ пряжки черемисскаго типа, одна большая, другая малая, 6) круглое желѣзное кольцо болѣе вершка въ діаметрѣ, съ внѣшней стороны обработанное въ 8 граней, быть можетъ натопорникъ. 7) двѣ подвѣски къ серьгамъ или косоплетки, состоящія изъ тонкихъ серебряныхъ чашечекъ, нанизанныхъ на цвѣтные, повидимому, шелковые шнурки такъ, что образуютъ на нихъ шарики; на одномъ шнуркѣ три такихъ шарика, величиною въ орѣхъ, на другомъ два, величиною въ крупную горошину, 8) два обломка изогнутой мѣдной проволоки съ шариками, вѣроятно, отъ серегъ, 9) небольшая ниточка мелкихъ синихъ бусинокъ. С. Сметанино лежитъ на линіи исторической Черемисской (Галицкой) дороги, и потому открытыя Вагановымъ могилы удобнѣе всего пріурочить къ этой именно народности[2]).

7) Черемисское кладбище, находящееся въ 2 в. отъ с. Шаптинскаго, Яранск. уѣзда, было частью недавно раскопано. Кладбище занимаетъ правильную площадь въ 400 кв. саж., всѣхъ могилъ на немъ можно насчитать до 100; расположены онѣ правильными рядами отъ сѣвера къ югу. Раскопано было нѣсколько могилъ (около стараго иструпѣвшаго дуба), при чемъ оказалось, что покойники были хоронимы на глубинѣ $^3/_4$ арш., мужчины полагались головою на сѣверъ, а женщины на югъ (?). Слѣдовъ гроба въ могилахъ вообще не замѣтно, но въ одной замѣчены въ правой сторонѣ могильной ямы остатки дубовой колоды. Въ этой могилѣ найдены были слѣдующія предметы: 1) любопытное нагрудное или, вѣроятнѣе, поясное украшеніе, состоящее изъ жгутообразнаго плетенія изъ грубо отдѣланной бурой шерсти, къ которому прикрѣплены въ видѣ бахромы 8 кистей, образуемыхъ изъ мѣдныхъ неспаянныхъ пластинчатыхъ колецъ, нанизанныхъ по 9 штукъ на толстые шерстяные шнуры; оконечности ихъ образуютъ шнуровые узлы, на которые напущены мѣдные полу-колокольцы. 2) Сохранившійся подъ этимъ украшеніемъ обрывокъ грубаго бѣлаго холста. 3) Бывшія вблизи его же двѣ наложенныя другъ на друга шерстяныя неширокія полоски. 4) Затылочная кость черепа небольшихъ размѣровъ. 5) Большая мѣдная поясная пряжка. Въ другихъ могилахъ были найдены: 1) подержаное огниво, очень удобной формы, именно въ видѣ письменнаго значка буквы *в*, 2) большая мѣдная поясная пряжка, 3) большой съ толстымъ обухомъ желѣзный ножъ, сильно подержаный, 4) мѣдное кольцо съ тонкою дужкой и крупною плоскою наставкою, къ которой повидимому что-то было прикрѣплено, или можетъ быть на ней что-нибудь было написано[3]).

8) и 9) Два старинныя кладбища въ полѣ дер. Нурбели, Сернурской вол., Уржумск.

---

[1]) Означенные предметы находятся въ Музеѣ Московск. Археолог. Общества.

[2]) *А. С.*, Археологическія находки. Вятскія Вѣдом. 1888, 83.

[3]) *Спицынъ*, Новыя свѣдѣнія, 3 д.

лагаетъ къ молитвенному созерцанію, что старые властители края, черемисы, измѣняя своему обычаю, создали здѣсь что-то въ родѣ храма, „камень вышиною 11, толщиною 36 арш.“; сложенъ онъ былъ изъ огромныхъ камней, часть которыхъ и теперь безпорядочно разбросана по склону горы свидѣтельствуя, что постройка мольбища стоила усерднымъ язычникамъ не малыхъ трудовъ; о томъ же свидѣтельствуютъ и слѣды неширокой лѣстницы, выбитой на камнѣ, по которой прямо съ утеса можно было спуститься внизъ. Дорогъ былъ черемисамъ „камень“, но имъ они, покоряясь неизбѣжной судьбѣ, поступились смѣлому пришельцу; теперь ихъ не встрѣтишь на цѣлые десятки верстъ въ окружности, и такъ давно удалились они отсюда, что по увѣренію мѣстныхъ крестьянъ здѣсь ихъ никогда и не бывало. Ушли, но не забыли своего бога. Еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія поклонники Чимбулата въ большомъ количествѣ сходились на старое мольбище и приносили здѣсь свои жертвы, пока духовныя власти не увидѣли, что существованіе стараго почитаемаго „камня“ много мѣшаетъ распространенію среди язычниковъ православія, и не рѣшились прибѣгнуть для его уничтоженія къ содѣйствію свѣтской власти. Посылая въ 1830 г. къ черемисамъ миссіонера Покровскаго, митрополитъ Филаретъ просилъ Вятскаго губернатора распорядиться разрушеніемъ камня Чимбулата, „дабы вразумить ихъ о ничтожности сего мнимаго божества“ [1]). Камень былъ разрушенъ, съ немалымъ трудомъ, осенью того же года, по окончаніи полевыхъ работъ, яранскимъ исправникомъ. Мѣстные крестьяне разсказываютъ, что взорвать камень порохомъ не рѣшились, а разрушили его тѣми ломами, которыя въ этой мѣстности употребляются для обработки камня.

Сохранилась ли у черемисъ хотя слабая память о мольбищѣ бога Чимбулата? Кажется, да. Еще не такъ давно одинъ крестьянинъ, покорыстовавшись на небольшое вознагражденіе, проводилъ сюда издалека черемисина. Это былъ вѣроятно, послѣдній черемисинъ, полный вѣры въ боговъ своего народа и попавшій сюда не ради празднаго любопытства. Боязливо совершилъ онъ свое моленіе и удалился, оставя на камняхъ свѣчи и медъ: весело справилъ этимъ медомъ крестьянинъ поминки по язычеству“.

Въ Яранскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ найдены слѣдующіе отдѣльные предметы древности:

1) При распашкѣ поля д. Малые Ключи (на устьѣ Пижмы, близъ поч. Расцвѣтаева) найдено нѣсколько серебряныхъ ожерелій обычной формы и тамъ же поднята серебряная чаша съ какими-то изображеніями. Всѣ эти вещи поступили за безцѣнокъ къ кукарскому серебрянику, который надѣлалъ изъ нихъ крестиковъ и колечекъ; узнавшему объ этой находкѣ Алабину удалось добыть изъ нея только одно цѣлое ожерелье и часть другого. Онъ переслалъ ихъ въ Археол. Коммиссію [2]).

2) По разсказамъ крестьянъ, серебряное ожерелье найдено было недалеко отъ Нижневотскаго городища, по ту сторону Немды.

3) Серебряныя вещи когда-то давно, по словамъ мѣстныхъ жителей, были най-

---

[1]) Столѣтіе Вятск. губ. т. II, 550.
[2]) Вят. Вѣд. 1865, 56.

дены въ д. Новый Починокъ, Водозерской вол., между прочимъ подкова (?) и какіе-то предметы вооруженія (?).

4) Серебряное ожерелье и половина другого найдены были лѣтъ 25 тому назадъ въ Пачинской вол., на полѣ дер. Б. Тумапуры.

5) Крестьянинъ дер. Евдокимовской, около с. Тужи, по слухамъ, нашелъ недавно два серебряныя ожерелья.

6) Въ поч. Речважѣ, близъ с. Шаранги, лѣтъ 5 тому назадъ крестьяниномъ Сидоровымъ найденъ былъ подъ пнемъ кладъ различныхъ серебряныхъ и др. вещей, часть которыхъ онъ уже распродалъ, а часть мнѣ еще удалось у него видѣть, именно: 7 дугообразныхъ браслетовъ витыхъ или съ украшеніями, изъ красной и свѣтлой мѣди, (весьма похожи на подобныя чудскія глазовскія), наборъ серебристаго цвѣта изъ очень тонкихъ бляшекъ, при которомъ, по словамъ крестьянина, сохранились обрывки кожи (нѣкоторыя бляшки круглы и выпуклы, другія четыреугольныя, но всѣ съ украшеніемъ, состоящимъ изъ кружка и прямыхъ линій), тонкая и довольно длинная мѣдная пластинка, мѣдная застежка или щипчики для прикрѣпленій украшеній, обрывокъ цѣпочки отъ обыкновенной чудской подвѣски. Кромѣ этихъ вещей было найдено серебряное ожерелье обычной формы и величины.

7) Въ томъ же поч. Речважѣ мною пріобрѣтены изъ находокъ: желѣзные кодочигъ, удила, сошникъ и обломокъ замка отъ кремневаго ружья.

Въ поч. Лоскутовѣ находили сохранившіеся въ землѣ круги воска. Въ с. Шарангѣ и окрестныхъ деревняхъ я такъ много наслышался о находкахъ серебряныхъ и желѣзныхъ вещей, что составилъ себѣ понятіе объ окружающей мѣстности, какъ весьма обильной ими.

8) У поч. Высокогривскаго, Кундыжской вол., при распашкѣ найдены: половина каменнаго молотка, желѣзный кодочигъ и желѣзныя же орудія для выдѣлки бортей. Подъ лѣсомъ, бывшемъ при починкѣ, первые поселенцы (въ 1851 г.) замѣтили борозды отъ старой пашни [1]).

9) Въ полѣ поч. Казанскаго, Шешуртской вол. (близъ границы съ Костромск. губ.), на нови, около возвышенія находили топоры, серпы, косы и куски желѣза (слитки) [2]).

10) Толстое серебряное кольцо съ крючкомъ было, по разсказамъ, найдено на пашнѣ въ дер. Катни у р. Юмъ. По величинѣ его сочли поясомъ и приписали жившимъ будто бы тутъ разбойникамъ. (Сообщено И. В. Дьяконовымъ.)

11) Въ дер. Кожи въ 6 в. отъ Яранска, будто бы найдена была цѣлая куча мѣдныхъ бляхъ и котелъ. (Сообщено имъ же.)

12) Намъ пришлось слышать не мало разсказовъ о находкахъ желѣзныхъ и частью серебряныхъ вещей близъ дер. Килиморы. Среди прочихъ предметовъ здѣсь нами пріобрѣтена была ордынская монета.

13) Говорятъ, что не мало серебряныхъ вещей, между прочимъ ожерелій, находили близъ с. Кувшинскаго.

---

[1]) Новыя свѣдѣнія, 17.

[2]) Тамъ же, 21.

14) Ордынскія монеты въ довольно большомъ количествѣ найдены недавно въ г. Царевосанчурскѣ, въ рѣкѣ.

15) Въ Кокшагскомъ приходѣ находятъ во многихъ поляхъ и по настоящее время почти ежегодно украшенія и остатки земледѣльческихъ орудій, употреблявшихся исключительно черемисами[1]).

16) Въ полѣ дер. Куглянуръ, Яранск. уѣзда выпахиваютъ на нови желѣзные предметы (земледѣльческія орудія).

17) Подъ лѣсомъ, на нови, въ дер. Чумбарѣ Уржум. уѣзда, найдена монета Сарая Новаго 782 (1374) г. и вмѣстѣ съ ней кольца, браслеты и другія женскія украшенія изъ серебра, замокъ и бердышъ. Обломокъ браслета находится въ музеѣ Казанск. Археол. Общества. Въ полѣ дер. Чумбаръ находятъ также нерѣдко желѣзные наконечники стрѣлъ и копій[2]).

18) Въ томъ же музеѣ находятся желѣзные наконечники стрѣлъ изъ Ново-Торьяльскаго прихода и изъ дер. Бажиной[3]).

19) Въ полѣ Черемисскаго Малмыжа иногда находятъ наконечники стрѣлъ и копій, приписываемыхъ черемисамъ[4]).

20) Въ полѣ поч. Тарасовскаго (Вормазарки), при распашкѣ земли находили желѣзные предметы: мечи, удила и пр. Починокъ этотъ очень недавній.

21) Въ с. Лопьялахъ въ разное время, по разсказамъ, найдено серебряное ожерелье вмѣстѣ съ другими вещами и мѣдная (?) кольчуга.

Въ лѣво-бережной части Малмыжскаго уѣзда, куда вотяки ушли съ праваго берега р. Вятки, можно думать, въ сравнительно позднее время, находокъ извѣстно пока очень мало.

1) Грубая желѣзная сабля съ восточною надписью найдена въ полѣ д. Курьи. Находится у насъ.

2) При распашкѣ лужка, бывшаго до того времени подъ боровымъ лѣсомъ, въ верстѣ отъ рч. Лобани, въ 4 в. отъ д. Рыбныя Ватаги, въ песчаномъ грунтѣ на глубинѣ 2 вершк. найдено до 70 штукъ желѣзныхъ наконечниковъ копій, длиною около 2 вершк., „нѣсколько четырегранныхъ“ и три желѣзныя орудія въ родѣ кайла. Наконечники копій совершенно перержавѣли и легко разламываются. Что можно было взять изъ этой находки, то перековано, остальное брошено, какъ безполезное[5]).

---

[1]) Вятск. Вѣд. 1865 г., 89.
[2]) Извѣстія Каз. Арх. Общ. II, 58.
[3]) Каталогъ выставки, 88.
[4]) Вят. Вѣд. 1874, 21.
[5]) Новыя свѣдѣнія, 18.

шого хвойнаго перелѣска, растущаго на площади городища, и въ поѣздкѣ въ деревню для составленія приговора крестьянъ о томъ же перелѣскѣ, на другой день съ 13 рабочими я принялся за раскопку. Еще не зная, какъ быстро можетъ пойти работа при этомъ количествѣ рабочихъ, я рѣшился разрѣзать площадь городища сѣтью рвовъ, чтобы обнаружить такимъ образомъ, какія мѣста требовали большаго вниманія, какія меньшаго. Нѣсколькимъ рабочимъ было поручено проводить поперечные рвы, другимъ продольный [1]), третьимъ поручена развѣдка на склонѣ и въ концѣ вала. Проведя рвы, рабочіе стали перекапывать образовавшіяся четыреугольники, при чемъ я слѣдилъ, чтобы они доходили до материка и по возможности перебирали всю землю руками, не упуская безъ вниманія никакихъ находокъ, кромѣ самыхъ мелкихъ черепковъ и камешковъ. Работа шла настолько быстро, что къ вечеру вся площадка была перекопана, за исключеніемъ самой стрѣлки на разстояніи 4 арш., гдѣ культурнаго слоя почти не оказалось.

Большихъ фрагментовъ отъ черепковъ не сохранилось, такъ какъ глина, изъ которой дѣлались горшки обитателей Скорняковскаго городища, слаба. Цвѣтъ ея черный, свѣтлѣющій къ поверхности; раковинная примѣсь рѣдка и крупна. Рѣдко попадаются толстые черепки; обыкновенная толщина ихъ менѣе 0,4 сант. Орнаментъ разнообразенъ: 1) зубчатый на манеръ шнурового, самый употребительный; чаще всего этотъ орнаментъ идетъ двумя параллельными ломаными линіями по поясу сосуда и тотчасъ подъ нимъ, 2) обычный шнуровой (довольно рѣдко), 3) крупный зернообразный, также на манеръ веревчатаго; зерна идутъ и прямо и вкось, чаще расположены парами, 4) орнаментъ изъ крупныхъ, красивыхъ удлиненныхъ угловъ; иногда онъ идетъ двумя-тремя косыми рядами по краю сосуда, 5) иногда самый край орнаментированъ зубчиками, но не часто, 6) вдавленные кружки иногда играютъ роль самостоятельнаго украшенія, но вообще они употребляются въ сочетаніи съ другимъ орнаментомъ. Всѣ сосуды имѣютъ круглое дно; края обыкновенно снабжены поясками, иногда они прямые. Костей на городищѣ найдено ничтожное количество.

Обильнѣйшими по количеству были находки жернововъ и битой гальки. Жернова большіе, неправильной формы, изъ мелкозернистаго желтаго или краснаго песчаника, съ весьма ровною, почти отшлифованною поверхностью; есть жернова и изъ другого матеріала — изъ очень слабаго красновато-желтаго конгломерата; ихъ найдено тоже не мало. Битой гальки, употребляемой, по нашему мнѣнію, для нагрѣванія воды, на этомъ городищѣ, какъ и на другихъ той же группы, найдено довольно много. Изъ другихъ вещей найдены слѣдующія: 1) 20 обломковъ льячковъ, по формѣ совершенно подобныхъ тѣмъ, какіе найдены на Пижемскихъ городищахъ, но нѣсколько большей величины и изъ очень слабой глины, 2) болѣе полудюжины красиво обработанныхъ каменныхъ палочекъ, которыя можно было бы принять за точила, если бы на нихъ были слѣды употребленія и если бы нѣкоторыя изъ нихъ не были слишкомъ красиво для точила обработаны; вѣроятно, онѣ употреблялись при плетеніи или другой подобной работѣ, 3) часть глиняннаго кольца, служившаго украшеніемъ, 4) два каменныя ядра, вершокъ въ діаметрѣ, вѣроятно позднѣйшія, 5) четыре мѣдныхъ украшенія въ видѣ бля-

[1]) Онъ проведенъ во всю длину площадки и кромѣ того доведенъ почти до самой вершины вала.

желѣзная пряжка, мѣдная булавка, обломки желѣзныхъ принадлежностей ружья, обломокъ точильнаго камня. Въ окрестностяхъ городища (въ полѣ дер. Вновь-Садинской) были выпаханы два желѣзные копья и огниво. Найденные на городищѣ черепки дѣлаютъ невозможною аналогію его съ средне-вятскими: они толсты, орнамента нѣтъ, края сосудовъ очень выгнутые, дно прямое, глина темная и красная, обыкновенно съ раковинною примѣсью. Работа сосудовъ грубовата. У крестьянъ с. Красногорья есть запись на кладъ, будто бы схороненный въ Ковровскомъ городищѣ. Не очень давно, въ сѣнокосную пору они цѣлой толпой пріѣхали сюда, принялись копать, стравили хлѣбъ, но ничего не нашли.

Въ общемъ городище по положенію, по характеру укрѣпленія и по находкамъ на немъ, можетъ быть приписано позднѣйшему времени; не есть ли это первое по времени мѣстоположеніе Котельнича?[1])

3) *Шабалинское*. Находится выше по Моломѣ, на болѣе высокомъ берегу, въ разстояніи около версты отъ предыдущаго. Оба городища обращены другъ къ другу и отлично видны одинъ съ другого. Берегъ Моломы здѣсь довольно высокъ и крутъ, но обваливается, хотя и медленно.

Городище любопытно, во-первыхъ, своею величиною, — оно превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ Средне-вятскія городища, такъ что на его площади свободно раскинулась цѣлая деревня, съ избами, хозяйственными постройками и огородами[2]), а во-вторыхъ, характеромъ своего укрѣпленія. Довольно массивный и высокій валъ идетъ прямо, не сгибаясь, почти подъ прямымъ угломъ къ берегу и, пройдя такимъ образомъ болѣе 70 саж., выходитъ въ поле, далеко не доходя до оврага[3]). Какой смыслъ могло имѣть такое недоконченное укрѣпленіе, трудно сказать, но весьма возможно, что оно сравнительно недавняго происхожденія и принадлежитъ также русскимъ. Писцовая книга 1629 г. указываетъ здѣсь погостъ, но когда онъ поставленъ, неизвѣстно. На площади городища ясны остатки православнаго кладбища, откуда сваливается внизъ по лѣвому скату много костей, и между ними не очень рѣдки и находки крестовъ, серегъ и другихъ металлическихъ предметовъ; старики помнили столбъ, поставленный на мѣстѣ церкви, но теперь слѣды его совершенно исчезли. Характерныхъ находокъ, какъ на самомъ городищѣ, такъ и на склонѣ его не встрѣчено. Въ валу пробиты два широкіе проѣзда, но ими теперь не пользуются; одинъ изъ нихъ шириною въ 2 саж.: здѣсь могли быть какія-нибудь ворота.

По разсказамъ крестьянъ, зарытый въ „увалѣ" кладъ млится то свѣчкой, то бѣлымъ конемъ. На него есть росписи, но по нимъ ничего до сихъ поръ не находили. Опредѣленныхъ сужденій о назначеніи городища и населявшей его народности у крестьянъ нѣтъ. Вы услышите отъ нихъ только мнѣніе, что здѣсь жили не наши народы, великаны, которые перебрасывались палицами съ великанами, жившими на Ковровскомъ городищѣ, приглашая тѣмъ другъ друга въ гости, что случалось чаще всего почему-то по утрамъ.

---

[1]) Впервые Ковровское городище описано въ Каталогѣ древностей, 44.

[2]) Дер. Шабалина, иначе Городокъ.

[3]) Высота его изо рва до 2 саж., ровъ незначителенъ.

[illegible] Записокъ древностей[1]).

4) Истобенское. Находится близь с. Истобенска у дер. Тиваненки (Анфріевской [illegible]). Здѣсь рѣка [illegible] дѣлаетъ [illegible] крутой изгибъ, къ востоку и обращено [illegible], такъ что [illegible] для удобства наблюденій вверхъ и внизъ по теченію рѣки. Здѣсь же возвышается сравнительно высокій берегъ, идущій нѣсколько ниже Истобенска.

Городище расположено между берегомъ рѣки и глубокимъ оврагомъ, идущимъ [illegible] почти подъ прямымъ угломъ, вслѣдствіе чего Истобенское городище отличается среди другихъ своею [illegible]. Обѣ стороны городища имѣютъ по 24 саж., а [illegible] на 26 саж. Высоту вала съ стороны поля можно считать $1^1/_2$ саж.; онъ [illegible] тѣмъ, что на площадку спускается постепенно, незамѣтно, такъ что [illegible] почти на 7 саж. Ровъ почти не существуетъ; онъ замѣненъ широкимъ лугомъ. И площадь городища, и валъ состоятъ изъ плотной глины, въ которую съ трудомъ проникаетъ даже щупъ, не говоря уже о лопатѣ, которая оказывается здѣсь почти безполезною. Культурнаго слоя вверху городища нѣтъ; онъ сползъ на бока оврага, гдѣ и можно составить коллекцію изъ черепковъ, костей, можетъ быть и другихъ вещей, если срубить растущій здѣсь кустарникъ, который теперь сильно затрудняетъ не только раскопки, но и развѣдки. Крестьяне передаютъ, что на городищѣ были находимы костяныя и желѣзныя стрѣлы, а разъ нашли и мѣдное копье(?), но о другихъ находкахъ не слышно.

Въ окрестностяхъ Истобенска распространено преданіе о сраженіи близъ него какихъ-то [illegible] съ устюжанами, и Тиваненскіе крестьяне, пользуясь имъ, дѣлаютъ предположеніе, что на ихъ городищѣ стояла которая-нибудь сторона сражающихся.

Площадь городища не распахивается, изъ опасенія неизбѣжной бѣды. Крестьяне вспоминаютъ, что много лѣтъ тому назадъ городище рѣшился распахать одинъ изъ деревенцевъ; пахалъ онъ его нѣсколько лѣтъ подрядъ, но затѣмъ умеръ внезапною смертью. Изъ старины еще болѣе далекой они разсказываютъ, что крестьянина, также не побоявшагося распахать очарованное мѣсто, перенесло на другой берегъ оврага съ сохой и лошадью. Теперь крестьяне не охотно бываютъ на городищѣ даже ради прогулки. Существуетъ преданіе, что находящійся въ городищѣ кладъ требуетъ шесть головъ.

Въ первый разъ Истобенское городище указано въ Отчетѣ Стат. Комит. (стр. 25), потомъ въ Каталогѣ древностей (стр. 25). Нами это городище осмотрѣно въ 1887 и 1888 г., но наши старательныя личныя раскопки на правомъ склонѣ городища, кромѣ черепковъ, не дали никакихъ другихъ находокъ. Черепки наиболѣе сходства имѣютъ съ черепками Ижевскаго и Шуйскаго пижемскихъ городищъ. Они частью съ примѣсью, частью безъ, сѣрые и черные, рѣже красные съ желтою поверхностью. Орнаментъ чаще всего встрѣчается зубчатый; зубцы очень отчетливые, иногда крупные, идутъ [illegible], нѣкоторые оканчиваются угломъ. Рѣже употребляется веревочный орнаментъ, [illegible] иногда до 20 линій, идущихъ или прямо, или наискосъ; орна-

[1]) [illegible]

ментъ этотъ сопровождается звѣздочками. Встрѣчается также орнаментъ изъ небольшихъ кружковъ, расположенныхъ отдѣльно или по два. Края сосудовъ прямые, нерѣдко снабжены полосами; иногда по самому краю идутъ косые или прямые зубчики.

5) *Орловское.* Находится недалеко отъ Орлова, ниже его по теченію рѣки, въ полѣ дер. Топоровской. Если, подъѣзжая на пароходѣ къ Орлову съ низу, обратить вниманіе на лѣвый высокій берегъ, то на вышинѣ его легко замѣтить вырытый въ валу городища зубецъ, а затѣмъ и самый валъ. Въ ту пору, когда насыпано было городище, р. Вятка очевидно текла иначе, чѣмъ теперь: со временемъ къ правому берегу ея наметало громадную косу, которая заставляетъ ее теперь течь далеко отъ подошвы городища, а противъ него на другомъ берегу виденъ рукавъ старицы.

Орловское городище принадлежитъ къ числу большихъ. Оно расположено межъ двумя очень глубокими и крутыми оврагами, на мысу, меньшая сторона котораго (лѣвая) тянется на 40 саж. Прямой массивный валъ идетъ на 38 саж. Валъ не только самъ прямъ, но и расположенъ къ сторонѣ лѣваго оврага подъ прямымъ угломъ. Есть неглубокій ровъ. Площадь городища распахивается; почва на ней глинистая. По разсказамъ крестьянъ, находокъ здѣсь имъ никакихъ не случалось поднимать. Мои двукратныя (1887 и 1888 г.) внимательныя развѣдки на площади городища и на склонахъ не дали даже ни одного стараго черепка или кости; такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ загадочнымъ фактомъ совершеннаго отсутствія на городищѣ культурныхъ остатковъ. Весьма возможно, что Орловское городище, какъ и два указанныхъ выше Котельническія, позднѣйшаго, русскаго происхожденія. Крестьяне и горожане въ послѣдніе годы не разъ принимались раскапывать валъ городища но, конечно, ничего въ немъ не нашли. Еще предпріимчивѣе былъ встарину какой-то кладовщикъ, который вырылъ въ валу такую яму, что еще не очень давно она была саж. $1\frac{1}{2}$ глубиною. Праздныхъ толковъ о кладахъ, имѣющихся въ городищѣ, и о желѣзныхъ дверяхъ, видныхъ въ томъ и другомъ оврагѣ, не переслушаешь[1]).

6) *Вершининское.* Находится въ полѣ дер. Вершининской, въ 6 вер. отъ с. Подрелья, между берегомъ Вятки и очень глубокимъ, крутымъ и широкимъ оврагомъ. Благодаря высокому берегу и частымъ поворотамъ, которые здѣсь дѣлаетъ Вятка, виды въ этой мѣстности на теченіе рѣки и на зарѣчный берегъ обширны и весьма красивы, что понимаютъ даже сами привыкшіе къ нимъ съ дѣтства крестьяне. Такой видъ открывается и съ городища, — откуда видны церкви г. Вятки, Орлова и с. Быстрицкаго. Судя по сохранившейся части довольно массивнаго вала и особенностямъ мѣстности, городище когда-то было значительныхъ размѣровъ, а теперь отъ него сохранилась только часть одного бока, все остальное въ водѣ или опустилось къ ней. Такое единственное въ своемъ родѣ опаденіе городища много облегчено тѣмъ, что почва его — мелкій, рыхлый песокъ, едва скрѣпленный известью и землею. Валъ тянется теперь на 17 саж. Любопытенъ его составъ, хорошо обнаруженный со стороны обрыва; кромѣ песку въ немъ ясно видны большія горизонтальныя прослойки угля и золы. Одинъ такой слой, самый большой, идетъ въ основаніи вала; мѣстами гнѣзда угля въ немъ

---

1) Каталогъ древностей, 49.

мысу, образованномъ линіею берега и бокомъ одной изъ характернѣйшихъ такихъ котловинъ. Нагавицынская котловина имѣетъ узкій выходъ къ рѣкѣ и въ глубинѣ ея струится ручеекъ, который съ помощью весеннихъ потоковъ успѣлъ прорыть въ почвѣ небольшой оврагъ, проходящій черезъ этотъ выходъ прямо мимо стрѣлки городища. Въ устройствѣ городища любопытно прежде всего то, что мѣсто для него выбрано не на открытомъ высокомъ мысу, какихъ нѣсколько можно было найти въ окрестности, а на небольшой, низкой, замыкающейся естественнымъ возвышеніемъ площадкѣ, такъ что съ тылу городища чрезвычайно легко и наблюдать и обстрѣливать все, что искало бы на немъ убѣжища. Характеръ укрѣпленія и размѣръ городища таковы, что едва ли оно могло служить мѣстомъ обороны при какихъ угодно примитивныхъ способахъ войны. Валъ городища типичный кокошникообразный, довольно массивный, но не великъ (саж. 15 длиною); онъ совершенно цѣлъ съ боковъ и сохранилъ свою форму, очень изященъ и только кое-гдѣ попорченъ ямами кладоискателей. Площадка городища такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что на ней не могло бы размѣститься самое убогое крестьянское хозяйство, а между тѣмъ нельзя думать, что она осыпалась, такъ какъ валъ сохранился въ цѣлости; между концомъ вала и берегомъ есть даже проходъ. Площадь городища не имѣетъ правильной формы; лѣвая линія его довольно пряма, но правая (на сторонѣ рѣки) изрѣзана двумя котловинообразными спусками, которые быть можетъ имѣли какое-нибудь примѣненіе. Спускъ къ рѣкѣ высокъ и идетъ двумя крутыми скатами. Ровъ довольно широкъ и незамѣтно спускается въ оврагъ.

Городище нѣсколько покато, и потому почти весь культурный слой съ него уже снесенъ внизъ, на сторону оврага, къ которому покатость обращена. Вѣроятно, этотъ слой никогда не былъ значительнымъ, такъ какъ находками очень не богата даже сторона оврага, а на сторонѣ рѣки ихъ совсѣмъ не встрѣчается. Почва городища — крайне рыхлый, мягкій песокъ, лежащій на слоѣ песчаника; такая земля чрезвычайно легко раскапывается, но, благодаря ея рыхлости, всѣ мелкіе и тяжелые предметы съ поверхности вѣроятно опустились на значительную глубину и могутъ быть добыты только съ большимъ трудомъ; такъ небольшая мѣдная пряжка нами найдена была въ разстояніи аршина отъ поверхности. Развѣдки Нагавицынскаго городища нами были предпринимаемы не однажды, и на площадкѣ, и на склонахъ. Результатомъ ихъ явилась слѣдующая коллекція предметовъ, которая едва ли можетъ быть пополнена существеннымъ образомъ:

1) Здѣсь болѣе, чѣмъ на другихъ городищахъ, поднято было цѣлыхъ и битыхъ галекъ, съ несомнѣнными слѣдами употребленія ихъ. Это гальки весьма крѣпкихъ горныхъ породъ, но, несмотря на это, на городищахъ онѣ встрѣчаются обыкновенно или разбитыми, или со щелями, или съ обдержанными краями. Чѣмъ такія гальки могли служить? Не употреблялись ли онѣ для нагрѣванія въ сосудахъ воды и другихъ жидкостей? Можетъ быть, ихъ накаливали на огнѣ и затѣмъ бросали въ сосудъ, какъ теперь дѣлаютъ при такъ называемомъ бученьѣ. Горшки были большой величины, и кипяченіе налитой въ нихъ жидкости помощью одного только огня шло очень медленно, тѣмъ болѣе, что они не могли быть привѣшиваемы какъ котлы. Обычная величина описываемыхъ камешковъ — въ большой грецкій орѣхъ, иногда больше, иногда меньше.

2) Два любопытныя каменныя орудія, назначеніе которыхъ трудно угадать. Это обыкновенныя плотные песчаниковые леденцы такой величины и формы, что легко могутъ быть охвачены рукою взрослаго человѣка, въ три грани; у одного орудія грани гладко и красиво отшлифованы.

3) Гладкая мѣдная пряжка съ ушкомъ посрединѣ.

4) Кусокъ кремня, очевидно употреблявшійся при добываніи огня.

5) Кусочки шлаку.

6) Набранные въ значительномъ количествѣ черепки показываютъ, что обитатели городища имѣли сосуды той же формы и тѣхъ же величинъ, какіе встрѣчаются на костеносныхъ городищахъ. Глина всѣхъ сосудовъ одинаковая — черная, илистая, слабая, легко-распадающаяся на слои. Отъ вліянія атмосферы и вслѣдствіе долгаго лежанія въ землѣ черный цвѣтъ на поверхности переходитъ въ грязно-желтый, и чѣмъ слабѣе глина, тѣмъ она скорѣе желтѣетъ. Иногда раковинная примѣсь такъ сильна, что блестки выступаютъ наружу черепковъ, но вообще она бываетъ слаба, и есть много крѣпкихъ черепковъ, совершенно лишенныхъ ея. Можно замѣтить, что глина безъ примѣсей шла преимущественно на обработку малыхъ сосудовъ, которые замѣтно слабѣе по матеріалу и вѣроятно даже не обжигались. Всѣ горшки лѣпились отъ руки, но обработка ихъ не очень груба. Орнаментъ черепковъ простъ и бѣденъ. Онъ состоитъ изъ зубчатыхъ, а чаще шнуровыхъ линій, идущихъ то прямо, то перемежаясь, то наискось и рѣже всего волнистою линіей. Вообще же украшенія едва замѣтны, слабы, и многіе черепки лишены ихъ. На черепкахъ болѣе толстыхъ къ описанному орнаменту прибавляются круглыя или треугольныя ямки, сдѣланныя прутомъ и идущія или прямой линіей, или группами въ 3—4 ямки, или неправильными рядами. Толщина черепковъ не превосходитъ толщины нынѣшнихъ глиняныхъ сосудовъ; обыкновенно она доходитъ до 5 мм., и встрѣтился только одинъ черепокъ толщиною въ 7 мм. Въ очень небольшомъ количествѣ найдены своеобразные толстые черепки (до 17 мм. въ толщину) изъ весьма слабой красной песчанистой глины безъ примѣсей; съ наружной стороны они оглазировались, вѣроятно отъ дѣйствія огня. Такъ какъ подобные куски глины не могутъ быть остатками отъ какого-нибудь сосуда, то вѣроятнѣе ими облѣплялись снаружи котлы или что-нибудь подобное. Найдены были также 3 черепка отъ очень маленькаго, сильно прожженаго горшечка.

7) Кости различныхъ животныхъ встрѣчаются на городищѣ довольно рѣдко и притомъ въ мелкихъ обломкахъ. Въ большемъ количествѣ кости найдены на лѣвомъ склонѣ, въ оврагѣ, и всѣ онѣ оказались раздробленными. Часты находки цѣлыхъ и распавшихся лошадиныхъ зубовъ.

8) Угли встрѣчены рѣдко, маленькими кусочками, никогда гнѣздами и слоями.

Глубокій ровъ, проведенный мною съ конца вала на склонѣ оврага, обнаружилъ слѣдующіе слои, въ другихъ мѣстахъ или уже снесенные, или совсѣмъ отсутствующіе: 1) слой песку съ чорноземомъ, налегающій на легкую органическую прослойку, снизу красный, 2) слой желтаго песку, снизу также окрашенный и лежащій на тонкомъ, но отчетливомъ черномъ слоѣ, состоящемъ изъ культурныхъ остатковъ, гдѣ можно собрать много хорошо сохранившихся черепковъ, костей и остатковъ раковинъ, 3) послѣ орга-

мическаго слоя идетъ материкъ. Очевидно, на эту сторону оврага сбрасывались различные пищевые остатки.

По разсказамъ, встарину на городищѣ усердно разыскивались клады, чему доказательствомъ служатъ вырытыя на немъ большія ямы, числомъ 8, изъ которыхъ одна очень глубока. По разсказамъ же крестьянъ, на городищѣ жилъ атаманъ Миронъ [1]), перебрасывавшійся съ бобинскимъ великаномъ палицею въ 2 пуда вѣсомъ (с. Бобино видно съ городища).

Первое описаніе Нагавицынскаго городища городища помѣщено въ каталогѣ древностей (стр. 48).

9) *Чижевское*. Находится въ окрестностяхъ Вятки по Казанскому тракту, близъ д. Кузнецовской (Чижи). По Алабину, городище называется крестьянами „Марьинъ (т.-е. бабій) кокошникъ", такъ какъ форма его вала нѣсколько напоминаетъ этотъ старинный уборъ. Валъ городища виденъ издали; съ тракта онъ представляется, какъ валы всѣхъ вообще городищъ съ извѣстнаго разстоянія, сооруженіемъ основательнымъ и почтеннымъ.

Городище расположено между двумя оврагами, теперь вдали отъ рѣки, со временемъ наметавшей вдоль здѣшняго берега огромную косу. Валъ сохранился на протяженіи 80 шаговъ; съ правой стороны онъ уже нѣсколько осыпался; вышина вала до $1\frac{1}{2}$ саж.; почти на половинѣ своего протяженія онъ сильно изогнутъ. Площадь городища имѣетъ 200 шаговъ въ окружности, нѣсколько поката къ берегу, когда-то распахивалась, но теперь пашня заброшена. Ровъ широкій, мало замѣтный, сливающійся съ полемъ. На площадкѣ уже нѣтъ культурнаго слоя, но и на склонахъ присутствіе его едва замѣтно; вообще Чижевское городище одно изъ бѣднѣйшихъ. Алабинъ находилъ на площадкѣ уголь и черепки; я на склонѣ нашелъ кромѣ того кости и нѣсколько позднѣйшихъ желѣзныхъ обломковъ, а въ валу медвѣжій клыкъ. Черепки Чижевскаго городища похожи на черепки Нагавицынскаго, но нѣсколько новѣе и крѣпче ихъ.

„Существуютъ повѣрья о зарытыхъ въ немъ кладахъ и о какомъ-то воинѣ, въ немъ погребенномъ. Говорятъ, что иногда ночью этотъ отвѣчный жилецъ городища появляется на его гребнѣ, скачетъ по немъ на бѣломъ конѣ, махая мечомъ и потомъ опять скрывается въ свое таинственное жилище. Другіе утверждаютъ, что каждую ночь видна женщина вся въ бѣломъ, то печально сидящая на краю городища, обращенномъ къ рѣкѣ, то какъ тѣнь скользящая по его гребню. Говорятъ, что въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія кладъ этого городища выходитъ на поверхность его, при чемъ разверзаются существующія въ немъ желѣзныя врата какою-то таинственнаго зданія и каждому приходящему въ это время дается взять боченокъ серебра". (Алабинъ). „Будто бы и понынѣ въ каждую полночь кто-то въ видѣ женщины въ черной повязкѣ съ растрепанными волосами обходитъ всю равнину, окруженную валомъ (площадь), дико хохочетъ и предъ разсвѣтомъ исчезаетъ на развалинахъ" [2]).

Первый о Чижевскомъ городищѣ упоминаетъ Зябловскій, а впослѣдствіи ему

---

[1]) По имени лежащаго подъ городищемъ Неронова луга.

[2]) Изъ сочиненія одного вятскаго гимназиста. Въ архивѣ гимназіи 1838 г. дѣло 104, стр. 40—42. Городище тогда уже распахивалось, при чемъ на пашнѣ попадались кости.

посвятилъ цѣлую статью Алабинъ[1]). Описавъ городище, Алабинъ сдѣлалъ столько же смѣлое, сколько неосновательное предположеніе, что здѣсь лежало мѣсто перваго поселенія, пришедшихъ въ XII в. на Вятку, новгородцевъ; онъ думаетъ, что поселенцы сперва построили это городище и уже потомъ перенесли городокъ на иное мѣсто. Алабинское описаніе городища повторено въ отчетѣ Статист. Комитета (стр. 14) и съ нѣкоторыми добавленіями въ Каталогѣ древностей (стр. 48).

Чижевское городище извѣстно вятчанамъ по красотѣ своего мѣстоположенія, но на самомъ дѣлѣ открывающійся съ него на теченіе Вятки видъ далеко уступаетъ многимъ подобнымъ видамъ съ другихъ вятскихъ городищъ.

10) *Никулицкое* городище находится въ 12 в. отъ г. Вятки, въ с. Никулицкомъ. Расположено между крутымъ обрывомъ Вятки и глубокимъ оврагомъ, по одной сторонѣ котораго идетъ дорога изъ села къ рѣкѣ. Размѣры городища и теперь настолько значительны, что на его площадкѣ свободно размѣстилась церковь и довольно большое кладбище, а въ прежнее время, какъ легко замѣтить по плану городища, оно было значительно болѣе; по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, берегъ продолжаетъ обрываться и по настоящее время.

Внимательный осмотръ Никулицкаго городища показываетъ, что на немъ собственно два городища — одно старинное, вотское, другое позднѣйшее, русское. Вотское городище занимаетъ небольшую площадку (правая сторона ея имѣетъ 30, лѣвая 20 саж.), огражденную плохо сохранившимся, но вполнѣ замѣтнымъ валомъ до 30 саж. длиною. Эта площадка была въ послѣднее время распахана почти съ исключительною цѣлью изслѣдовать ее, но примѣчательныхъ находокъ на ней не было сдѣлано. Толщина культурнаго слоя на площадкѣ намъ осталась неизвѣстною, но можно было замѣтить, что онъ состоитъ изъ чернозема, въ которомъ легко отыскать старые и новые черепки. Въ обрывѣ со стороны рѣки обнаруженъ нетолстый зольный слой, въ которомъ мѣстами попадаются гнѣзда съ культурными остатками: костями, кусками шлака, углемъ, камнями и пр. Наиболѣе значительный культурный слой обнаруженъ на лѣвомъ склонѣ городища, въ видѣ оползня мѣстами свыше аршина глубины, но оползень этотъ болѣе черноземный, чѣмъ зольный, т.-е. онъ сравнительно недавняго происхожденія. Пробныя раскопки, произведенныя нами здѣсь лѣтомъ 1888 г., дали нѣкоторое количество старыхъ черепковъ, уголь и кости различныхъ животныхъ, раздробленныя и цѣлыя. Черепки оказались типа средне-вятскихъ городищъ. — Нашъ товарищъ по раскопкѣ, П. М. Сорокинъ, сообщилъ, что по его мнѣнію на сторонѣ лѣваго спуска городища можно замѣтить остатки существовавшаго здѣсь уступа.

Позднѣйшее, русское городище занимаетъ площадку, имѣющую 71 саж. съ правой стороны и 53 съ лѣвой; ограждающій ее валъ тянется въ длину на 62 саж. Система укрѣпленія городища двойная. Наиболѣе массивенъ первый валъ, имѣющій въ разрѣзѣ въ вышину не менѣе $4^1/_2$ арш.; благодаря широкому и довольно глубокому рву, валъ этотъ особенно внушительнымъ представляется съ тылу городища. За первымъ валомъ, совершенно параллельно ему, идетъ второй, менѣе высокій. Подобную

---

[1]) Вят. Вѣд. 1865, 72: „Марьинъ кокошникъ“.

систему укрѣпленія мы наблюдали въ русскомъ городищѣ с. Шестаковскаго. Въ первомъ валѣ продѣлана широкая брешь (до 20 саж.) для прохода къ церкви, но еще болѣе потерпѣлъ второй: отъ него осталась только половина. Осыпи съ русскаго городища со стороны рѣки и оврага незначительны: въ рѣку скатывается много костей съ стараго кладбища, расположеннаго, по старинному обычаю, около церкви. Близъ церкви существуетъ старый колодецъ.

Быть можетъ, Никулицкое городище есть мѣсто древнѣйшаго Хлынова, первое русское поселеніе въ Вятскомъ краю.

Первое упоминаніе о Никулицкомъ городищѣ находимъ у Зябловскаго. Указывая на него, Зябловскій говоритъ. „Валы городища такъ круты и прочны, что самая древность не могла истребить рачительные труды народовъ, обитавшихъ въ сей странѣ"[1]).

Алабинъ, давъ коротенькое описаніе городища въ 1859 г., приводитъ нѣкоторыя свои соображенія по исторіи его. Онъ обращаетъ серьезное вниманіе на указаніе Повѣсти о градѣ Вяткѣ, что Никулицынъ нѣкогда назывался Болвановскимъ городкомъ, вѣроятно, потому, — думаетъ почтенный изслѣдователь вятскихъ древностей, — что здѣсь было капище вотяковъ. Онъ такъ довѣряетъ этому письменному указанію, что предполагаетъ возможнымъ найти каменныхъ чудскихъ болвановъ еще и теперь въ рѣкѣ Вяткѣ, куда они были сброшены новгородцами въ 1181 г. Алабинъ сперва намѣревался произвести на городищѣ раскопку, но не нашелъ на немъ интересныхъ насыпей, узналъ, что ничего на урочищѣ не находилось, и рѣшилъ, что раскопка была бы безполезна[2]). Позднѣе незначительныя свѣдѣнія о городищѣ даны Статистическимъ Комитетомъ и нами[3]).

11) *Подчуршинское городище* находится недалеко отъ Слободскаго, у с. Спасо-Подчуршинскаго, и пользуется весьма широкою извѣстностью. Городище это оригинально по внѣшнему своему виду. Оно расположено на вершинѣ высокаго холма, стоящаго на верхней террассѣ праваго берега Вятки, лишено валовъ и городищемъ можетъ быть названо лишь потому, что эта вершина снабжена искуственными уступами. Въ общемъ городище представляетъ удлиненную, овальную площадку, кругомъ которой прошелъ одинъ большой уступъ и нѣсколько меньшихъ, — конструкція въ своемъ родѣ также единственная.

Первое упоминаніе[4]) о Подчуршинскомъ городищѣ находимъ у Лепехина. Въ 7 в. отъ г. Слободскаго, пишетъ онъ, внизъ по р. Вяткѣ есть примѣчанія достойное мѣсто по одному только наименованію; ибо оно прозывается городищемъ. Мѣсто сіе находится подлѣ с. Никольскаго, на самомъ правомъ берегу р. Вятки, и состоитъ изъ высокаго кургана, который по отлогости саж. 50 имѣетъ. Составъ его былъ глиняной, коя разными лежала слоями, но красная глина была преимущественнѣе. Верхъ кургана

---

[1]) *Зябловскій,* Описаніе Росс. Имп. т. III, 80.

[2]) Вят. Вѣд. 1859, 30.

[3]) Отчетъ Статист. Комит. за 1873 г. стр. 13 и Каталогъ древностей, 47.

[4]) Въ какой-то писцовой книгѣ XVII в. мы нашли указаніе, что Подчуршинскій погостъ стоялъ на городищѣ. Причтъ жаловался писцу, что крестьяне сосѣдней деревни не даютъ имъ брать воду изъ своего колодца, и получилъ разрѣшеніе на это.

плоской, круглой, въ округѣ до 70 саж. имѣющій, обросшій густымъ ельникомъ. Впрочемъ никакого укрѣпленія на немъ не видно, а только двѣ глубокія остались ямы, изъ которыхъ одна сѣверной, а другая полуденной противуположена сторонѣ. На полуденномъ концѣ сего кургана построена деревянная часовня, въ которой окольные жители изъ дали въ Петровъ день съѣзжаются на богомолье, которое по сказкамъ жителей изъ самой старины продолжается. Народная молва много о семъ мѣстѣ повѣствуетъ на басни похожаго; но какъ писменныя свидѣтельства, которыя по ихъ же разсказамъ слишкомъ за 100 лѣтъ истреблены пожаромъ, то я за излишнее почитаю упоминать объ оныхъ; и если кому случится читать о Слободскомъ или лучше сказать о Шестаковскомъ (?) городищѣ, тотъ будетъ знать, гдѣ оно находится"[1]). Позднѣе (въ 1810 г.) Зябловскій вкратцѣ повторяетъ то же[2]).

Болѣе подробное описаніе городища мы находимъ въ одномъ мѣстномъ изданіи 1838 г. „Примѣрная высота оной горы 10 саж., поверхность ея въ длину 70, а въ поперечникѣ 33 саж. Отъ подошвы до поверхности она покрыта пихтовымъ и еловымъ лѣсомъ, грунтъ земли подъ оной красный валъ. Признаковъ древняго строенія на ней никакихъ не видно, кромѣ ветхой деревянной часовни, стоящей на самомъ верху; кѣмъ, когда и по какому случаю построена она, неизвѣстно. Недалеко отъ нея видна яма, отъ времени почти засыпавшаяся, и въ полугорѣ — небольшой провалъ, гдѣ, по сказанію старожиловъ, былъ колодецъ. Съ восточной и южной стороны примѣтенъ уступъ, какъ бы для обхода или удобнѣйшей защиты мѣста. 12 іюня и въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ къ часовнѣ стекается народъ изъ разныхъ мѣстъ, особенно новокрещенные вотяки, для отправленія панихидъ по своимъ умершимъ родственникамъ, а какъ выражаются они, по „заложнымъ".[3]).

Въ 1861 г. появилось новое описаніе городища. Авторъ описанія говоритъ, что холмъ при подошвѣ имѣетъ до 300 с. въ окружности, а въ вышину саж. 13, что часовня построена (перестроена?) лѣтъ 13 тому назадъ какимъ-то вятскимъ купцомъ, что городище окружено съ 2-хъ сторонъ оврагомъ „съ насыпанными на ихъ поверхности небольшими валами" (?), что въ полугорѣ находится яма, въ которой по народному преданію засыпаны желѣзныя двери, а ключи отъ нихъ лежатъ въ ближайшехъ озеркѣ[4]). Авторъ передаетъ также любопытное преданіе о городищѣ, которое мы почти цѣликомъ приводимъ ниже.

Бывшему въ Вятской губерніи для археологическихъ изслѣдованій Лерху указали въ Вяткѣ на Подчуршинское городище, какъ на весьма примѣчательную древность. Онъ не преминулъ явиться сюда и даже предпринялъ раскопку, о которой мы находимъ слѣдующее извѣстіе въ Вятскихъ Вѣдомостяхъ: „Раскапывая городище, г. Лерхъ, почти при первыхъ ударахъ заступа, напалъ на человѣческія кости; продолжая раскопку далѣе, онъ находилъ ихъ въ большемъ количествѣ и на разной глубинѣ — отъ 3-хъ вершковъ до $2^1/_2$ арш. отъ поверхности земли. Скелеты человѣческіе лежали

---

1) *Лепехинъ*, Дневныя Записки, III, 226—227.
2) *Зябловскій*, Землеописаніе Росс. Имп. т. III, стр. 81.
3) Вят. Вѣд. 1838, 25.
4) Вят. Вѣд. 1861, 1.

плоской, круглой, въ округѣ до 70 саж. имѣющій, оброcшій густымъ ельникомъ. Впрочемъ никакого укрѣпленія на немъ не видно, а только двѣ глубокія осталися ямы, изъ которыхъ одна сѣверной, а другая полуденной противуположена сторонѣ. На полуденномъ концѣ сего кургана построена деревянная часовня, въ которой окольные жители изъ дали въ Петровъ день съѣзжаются на богомолье, которое по сказкамъ жителей изъ самой старины продолжается. Народная молва много о семъ мѣстѣ повѣствуетъ на басни похожаго; но какъ писменныя свидѣтельства, которыя по ихъ же разсказамъ слишкомъ за 100 лѣтъ истреблены пожаромъ, то я за излишнее почитаю упоминать объ оныхъ; и если кому случится читать о Слободскомъ или лучше сказать о Шестаковскомъ (?) городищѣ, тотъ будетъ знать, гдѣ оно находится"[1]). Позднѣе (въ 1810 г.) Зябловскій вкратцѣ повторяетъ то же[2]).

Болѣе подробное описаніе городища мы находимъ въ одномъ мѣстномъ изданіи 1838 г. „Примѣрная высота оной горы 10 саж., поверхность ея въ длину 70, а въ поперечникѣ 33 саж. Отъ подошвы до поверхности она покрыта пихтовымъ и еловымъ лѣсомъ, грунтъ земли подъ оной красный валъ. Признаковъ древняго строенія на ней никакихъ не видно, кромѣ ветхой деревянной часовни, стоящей на самомъ верху; кѣмъ, когда и по какому случаю построена она, неизвѣстно. Недалеко отъ нея видна яма, отъ времени почти засыпавшаяся, и въ полугорѣ — небольшой провалъ, гдѣ, по сказанію старожиловъ, былъ колодецъ. Съ восточной и южной стороны примѣтенъ уступъ, какъ бы для обхода или удобнѣйшей защиты мѣста. 12 іюня и въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ къ часовнѣ стекается народъ изъ разныхъ мѣстъ, особенно новокрещенные вотяки, для отправленія панихидъ по своимъ умершимъ родственникамъ, а какъ выражаются они, по „заложнымъ".[3]).

Въ 1861 г. появилось новое описаніе городища. Авторъ описанія говоритъ, что холмъ при подошвѣ имѣетъ до 300 с. въ окружности, а въ вышину саж. 13, что часовня построена (перестроена?) лѣтъ 13 тому назадъ какимъ-то вятскимъ купцомъ, что городище окружено съ 2-хъ сторонъ оврагомъ „съ насыпанными на ихъ поверхности небольшими валами" (?), что въ полугорѣ находится яма, въ которой по народному преданію засыпаны желѣзныя двери, а ключи отъ нихъ лежатъ въ ближайшехъ озеркѣ[4]). Авторъ передаетъ также любопытное преданіе о городищѣ, которое мы почти цѣликомъ приводимъ ниже.

Бывшему въ Вятской губерніи для археологическихъ изслѣдованій Лерху указали въ Вяткѣ на Подчуршинское городище, какъ на весьма примѣчательную древность. Онъ не преминулъ явиться сюда и даже предпринялъ раскопку, о которой мы находимъ слѣдующее извѣстіе въ Вятскихъ Вѣдомостяхъ: „Раскапывая городище, г. Лерхъ, почти при первыхъ ударахъ заступа, напалъ на человѣческія кости; продолжая раскопку далѣе, онъ находилъ ихъ въ большемъ количествѣ и на разной глубинѣ — отъ 3-хъ вершковъ до $2^{1}/_{2}$ арш. отъ поверхности земли. Скелеты человѣческіе лежали

---

[1]) *Лепехинъ*, Дневныя Записки, III, 226—227.
[2]) *Зябловскій*, Землеописаніе Росс. Имп. т. III, стр. 81.
[3]) Вят. Вѣд. 1838, 25.
[4]) Вят. Вѣд. 1861, 1.

въ колодахъ и безъ колодъ, ногами на востокъ, а лицомъ на югъ. Замѣчательно, что нѣсколько скелетовъ найдено было съ перерубленными ногами. При костякахъ не найдено вещей; но зато г-ну Лерху удалось напасть на окраинѣ городища, въ грунтѣ еще не тронутомъ, на слѣды кузницы (шлакъ и уголья) и тутъ же открыть: кольцо желѣзное, кольцо костяное, похожее на пуговицу (?), и лезвіе желѣзнаго ножа. Липкій, глинистый грунтъ много мѣшалъ раскопкѣ, а также дѣлалъ затруднительною очистку костей отъ насѣвшей и плотно прилегавшей къ нимъ земли, тѣмъ не менѣе г. Лерху удалось отобрать для себя нѣсколько череповъ въ довольно исправномъ и цѣломъ видѣ. Черепа эти двухъ различныхъ типовъ и указываютъ на древнія заселенія здѣшнихъ мѣстностей пришлымъ русскимъ племенемъ и мѣстнымъ чудскимъ"[1]). Выводы г. Лерха интересны, но едва ли онъ не напалъ на простое старое русское кладбище, существовавшее при построенной на городищѣ церкви. Редакція Вѣдомостей присоединяетъ къ своему сообщенію короткое описаніе городища, гдѣ, между прочимъ, говоритъ, что оно носитъ въ простонародьѣ названіе „Богатырской горы", и что площадка его длиною 64 и шириною 18 саж.

Не забываетъ Подчуршинское городище въ своей статьѣ о вятскихъ древностяхъ и Алабинъ, писавшій о немъ въ томъ-же 1865 г. „Холмъ, — говоритъ онъ, — ограненъ со всѣхъ сторонъ какъ бы ступенями, вѣроятно въ предохраненіе отъ размывки дождемъ и для большаго утвержденія насыпи, составляющей городище... Преданіе говоритъ, что на этомъ холмѣ существовало зданіе, которое, будто бы, провалилось, но что и доселѣ иногда показываются желѣзныя двери зданія, въ восточной сторонѣ холма. Разсказываютъ, что къ раскопкѣ городища издавна неоднократно уже приступали. Такъ одинъ вятскій воевода, прельщенный разсказами о драгоцѣнныхъ кладахъ, хранящихся въ этомъ холмѣ, принялся съ народомъ разрывать, но когда стали дорываться до желѣзныхъ дверей, то изъ нихъ вылетѣлъ такой огонь и дымъ, столько летучихъ мышей, послышался такой страшный трескъ и произошелъ такой смрадъ, что самъ воевода и всѣ его рабочіе въ ужасѣ разбѣжались, и когда чрезъ нѣсколько времени осмѣлились подойти къ мѣсту раскопки, то не увидѣли уже и слѣда его". Далѣе Алабинъ сообщаетъ о раскопкѣ городища Лерхомъ, который, по его словамъ, производилъ эту раскопку въ теченіе двухъ дней, разрѣзалъ городище неглубокими канавами въ двухъ направленіяхъ, но нашелъ только 15 скелетовъ въ гробахъ и колодахъ да слѣды кузницы[2]).

Въ 1873 г. городище описываетъ, по вызову Статистическаго Комитета, мѣстное волостное правленіе. Незатѣйливое описаніе это признаетъ между прочимъ высоту холма въ 18 саж. и сообщаетъ, что при раскопкѣ его находили золу и уголь[3]).

Въ 1881 г. о городищѣ упоминаетъ въ своей работѣ о Слободскомъ уѣздѣ Куроптевъ, но онъ ограничивается повтореніемъ описанія, помѣщеннаго въ Вятскихъ Вѣдомостяхъ[4]).

---

[1]) Вятск. вѣд. 1865 г., 48.
[2]) Замѣтки, стр. 19—20.
[3]) Отчетъ 1873 г., стр. 29—30.
[4]) Слободской уѣздъ, стр. 8.

По народному преданію на городищѣ и около него (между прочимъ и въ Никулицынѣ) жили пришедшіе откуда-то новгородцы, которые выставляли себя передъ издавна обитавшими тутъ вотяками особенными людьми, богатырями. На городищѣ предполагается кладъ, состоящій изъ боченковъ съ золотомъ, кинжаловъ, копій и другихъ „богатырскихъ“ вещей. Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о городищѣ даютъ церковные документы села Спасо-Подчуршинскаго. Изъ нихъ мы узнаемъ, что находящаяся на площадкѣ городища часовня построена въ 1730 г. во имя апостоловъ Петра и Павла, въ память церкви, стоявшей на томъ же мѣстѣ и сгорѣвшей отъ молніи. Вмѣсто сгорѣвшей церкви была построена въ 1720 г. новая, уже на другомъ мѣстѣ, существовавшая до 1767 г., когда была построена нынѣшняя каменная церковь во имя Преображенія Господня. Около часовни можно замѣтить углубленія, какъ бы слѣды бывшаго тутъ въ старое время кладбища. Къ часовнѣ бываютъ крестные ходы 12 іюня, въ день преп. Онуфрія, и въ Петровъ день. Въ эти дни въ часовнѣ служатъ молебны и панихиды, и на городище стекается множество народу какъ изъ окружающихъ деревень, такъ и изъ города“ [1]).

При личномъ осмотрѣ Подчуршинскаго городища (лѣтомъ 1887 и 1888 гг.), насъ болѣе всего поразилъ обширнѣйшій, можно сказать единственный въ губерніи видъ съ городища на долину рѣки Вятки. Благодаря тому, что холмъ самъ по себѣ стоитъ на очень высокомъ берегу, предъ зрителемъ ширь горизонта открывается громаднѣйшая. На весьма далекое разстояніе взоръ можетъ слѣдить за всѣми извивами рѣки Вятки, которая отсюда кажется небольшой рѣчкой, за линіей праваго высокаго берега и совершенно теряется въ морѣ лѣсовъ, луговъ и старицъ, перемежающихся по зарѣчной сторонѣ. Съ площадки городища видны: с. Чепазное, Ильинское, Волчевское, Карино, с. Кругловское, Слободской, с. Совьинское. Подъ холмомъ раскинуто небольшое Подчуршинское село съ хорошей церковью и богатыми крестьянскими домами, по другую сторону — деревня. Въ тылу городища — постепенно поднимающіяся красивыя поля, покрытыя волнующеюся золотистою рожью, у подошвы его — дорога. Видъ съ городища такой, что стоило бы его посѣщать ради одного этого вида. Мнѣ, какъ археологу, городище было любопытно и въ другомъ отношеніи. Еще издали, подъѣзжая къ городищу, глазъ отмѣчаетъ свѣтлую полосу, идущую вокругъ вершины холма и обозначающую линію главнаго уступа. Уступъ становится осязательнѣе, когда поднимаешься на площадку: онъ идетъ недалеко отъ нея кругомъ всей площадки и особенно явственъ со стороны рѣки, гдѣ холмъ нуждался вѣроятно въ болѣе надежномъ укрѣпленіи противъ разрушительной силы снѣга и дождей. Ниже этого уступа въ разныхъ мѣстахъ ската замѣтны слѣды другихъ уступовъ, менѣе ясныхъ, но все же несомнѣнныхъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ, какъ намъ кажется, естественное происхожденіе. Скатъ холма къ сторонѣ рѣки пологъ, такъ что можетъ быть распахиваемъ, скатъ въ тылу крутъ, но далеко не такъ, какъ, по разсказамъ, крутъ онъ былъ раньше.

Площадь городища представляетъ сжатый овалъ 160 саж. въ окружности, при длинѣ въ 53 саж. и ширинѣ 20 саж. Она сильно изрыта и кромѣ того забросана

---

[1]) Новыя свѣдѣнія, стр. 21—23.

сывались палицами до 2-хъ пудовъ вѣсомъ. Послѣ себя богатыри оставили въ городищѣ сокровища. Священникъ Ильинскаго села въ 1866 г. сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о раскопкѣ Кріоборскаго городища однимъ кладоискателемъ, лѣтъ 40 тому назадъ до нашего времени. Участники раскопки, крестьяне поч. Кріоборскаго, разсказывали о. Рязанцеву, что „мастеръ“ пришелъ откуда-то изъ Казанской губерніи. Онъ никогда не разлучался съ объемистою книгою, изъ которой вынималъ огромные свитки съ планомъ городища и указаніемъ мѣстъ, гдѣ что скрыто. Прожилъ онъ въ починкѣ не менѣе полугода. Мастеръ указалъ мѣсто для рытья, и крестьяне усердно принялись за работу. Сверху оказался толстый слой песку, далѣе шло нѣсколько рядовъ кирпича, потомъ толченый уголь, рядъ обожженныхъ бревенъ „и наконецъ дорылись до отверстія, выдѣланнаго изъ глины, изъ котораго шелъ въ свою пору дымъ“. Туда и хотѣлъ лѣзть смѣлый кладоискатель, несмотря на значительную глубину отверстія, „но вмѣшательсто правленскихъ властей спутало все дѣло“. Этотъ разсказъ любопытенъ лишь по своей легендарности, и, конечно, вполнѣ неправдоподобенъ.

Нами Кріоборское городище осмотрѣно лѣтомъ 1888 г., но поставленная нами на ближайшую очередь раскопка его до сихъ поръ еще не осуществлена. Городище расположено въ казенномъ лѣсу.

Черепки Кріоборскаго городища оказались двухъ типовъ: 1) черепки крѣпкіе, сѣрые, умѣренной толщины, съ крупною раковинною примѣсью, иногда грубые, орнамента не найдено; 2) черепки, во всемъ подобные черепкамъ средне-вятскихъ городищъ. Первыхъ значительно болѣе. Найдены еще: битая галька, раковины Unio, битые жернова или подобные имъ камни, обрубленная костяная игла, обломокъ какого-то костяного предмета[1]).

13) Какіе-то валы есть въ полѣ дер. Митягинской, въ 3 в. отъ с. Ильинскаго, на Чепцѣ[2]).

Въ области верхне-вотскаго племени намъ пока извѣстны слѣдующія отдѣльныя находки и другія древности инородческаго характера:

1) Въ 1886 г. близъ Слободска, при устройствѣ земляной насыпи у Каринскаго перевоза на 4-й верстѣ отъ города, у дер. Родіоновской рабочими были найдены три человѣческіе черепа, изъ которыхъ одинъ былъ такъ великъ, что нижняя челюсть его свободно помѣщалась на подбородкѣ обыкновенной величины, и при нихъ нѣсколько вещей: большой желѣзный обоюдоострый мечъ длиною болѣе аршина, большое желѣзное копье и нѣсколько штукъ маленькихъ мѣдныхъ украшеній. Двѣ первыя вещи доставлены Земскою Управою въ Стат. Комитетъ, украшенія разобраны рабочими, а черепа закопаны въ землю. Находку эту трудно приписать вотякамъ.

2) Старинныя вотскія стрѣлы хранились съ давнихъ поръ въ церкви с. Волкова. При встрѣчѣ возвращающагося изъ г. Вятки въ село крестнаго хода мѣстные жители

---

[1]) Писцовая 1629 г. отмѣчаетъ *Чушково городище* на рч. Осетрѣ, впадающей къ Холуницу. Недалеко отсюда, у с. Вохмы отмѣчается на картахъ дер. Городищинская; близъ дер. Моинской таже писцовая знаетъ Укорскій истокъ. Всѣ эти данныя показываютъ, что мы имѣемъ основаніе ожидать новыхъ археологическихъ открытій и въ бассейнѣ р. Холуницы.

[2]) *Спицынъ*, Новыя свѣдѣнія, стр 25.

брали эти стрѣлы, и, усѣвшись верхомъ на лошадей, держали ихъ передъ собою вмѣстѣ съ зажженными свѣчами. Въ 1824. г. стрѣлы эти были отобраны по распоряженію гражданскаго начальства, и куда переданы — неизвѣстно[1]).

3) Въ Ваткѣ, въ домѣ Швыговскаго (на концѣ Спасской улицы) найденъ на глубинѣ аршина мѣдный, вѣроятно вотяцкій, идолъ, котораго, кажется, можно бы признать богомъ грома и вообще атмосферныхъ явленій (рисунокъ этого идола будетъ приложенъ къ одному изъ слѣдующихъ выпусковъ „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній"). Описаніе этой находки было помѣщено нами въ Вятскихъ Вѣдомостяхъ[2]). „Изображеніе бога очень типично: опираясь на небольшое облако, стремительно несется мужественная фигура съ пукомъ огня въ одной рукѣ — знакъ молніи — и огромною трубою въ другой — знакъ грома. Могущество всесильнаго бога прекрасно передано энергическимъ оборотомъ головы и воинственнымъ положеніемъ рукъ, но лучше всего — выраженіемъ лица; на строгомъ обликѣ широкая, но не длинная борода, огромные, нѣсколько спускающіеся внизъ усы, большія брови. Хорошо передана воинственная стремительность фигуры, особенно если смотрѣть сзади. Правая рука съ большимъ пукомъ огня простерта и приподнята такъ, какъ будто одно мгновеніе — и богъ ударитъ громомъ по всему лицу земли; соотвѣтственно этому вся фигура обращена влѣво. По тѣлу широко вьется у пояса и перекидывается чрезъ правое плечо легкая ткань въ складкахъ; конецъ ея развѣвается по вѣтру. Сперва молнія, послѣ громъ: молнія въ правой рукѣ, громъ, изображенный огромною, съ широкимъ раструбомъ трубою — въ лѣвой. Рука держитъ трубу за средину, отверстіемъ вверхъ. На головѣ что-то въ родѣ короны, съ выступами впереди и позади. Облако, на которомъ несется богъ грома, небольшое. По четыремъ сторонамъ его вкось проведены черты, которыя продолжены и къ низу облака: очевидно, эти черты означаютъ дождь. Вся фигура немного болѣе вершка вышиною, литая изъ желтой мѣди, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подправлена напилкомъ. Безъ поддержки стоять не можетъ и потому надо думать, что она къ чему-нибудь прикрѣплялась".

По разспросамъ оказалось, что подъ самымъ домомъ Швыговскаго, а также въ огородѣ, были изрѣдка дѣлаемы находки и раньше, напр. были найдены такія вещи, какъ неопредѣленная каменная фигурка, сосуды съ пепломъ и костями. Описываемый идолъ сравнительно не древняго происхожденія, такъ какъ его работа значительно болѣе искусна, чѣмъ работа напр. чудскихъ идоловъ.

4) Въ 12 в. отъ с. Верховятскаго (Екатерининскаго) Слободского уѣзда, за пог. Дѣдовскимъ было поселеніе „Богатырево", гдѣ жили какіе-то богатыри, „но это поселеніе существовало недавно, такъ что слѣды его сохранились еще хорошо".

5) Въ дер. Тунгусовской, близъ села Окатьева, въ нижнемъ полѣ на берегу рѣчки Кандроватицы находятся „слѣды древняго не русскаго жительства, извѣстнаго у крестьянъ подъ любопытнымъ названіемъ „Карловщины"[3]).

---

[1]) Памятн. книжка на 1870, 57.
[2]) Вят. Вѣд. 1886 г., 80.
[3]) Вят. Вѣд. 1883 г., 57.

6) Въ церкви с. Гостевскаго находится желѣзная стрѣла, вѣроятно подобная Волковскимъ и имѣющая одинаковое происхожденіе. Она плоская, съ легкими гранями, въ длину болѣе 3 дюймовъ, въ ширину, у плечиковъ, $1\frac{1}{2}$ сант. Стрѣлкѣ придается своеобразное значеніе: на нее смотрятъ какъ на надежное средство избавиться отъ головной боли[1]).

7) Желѣзныя вещи находятъ въ различныхъ мѣстахъ по рч. Юму, напр. въ д. Заболотской (на холмѣ), въ Кротахъ, откуда мною вывезены огнива и нѣкоторые другіе предметы.

Мы пока не имѣемъ никакихъ твердыхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, въ какомъ отношеніи чудская чепецкая культура находится къ древностямъ камскихъ, пижемскихъ и средне-вятскихъ городищъ. Если бы оказалось, что древности всѣхъ этихъ мѣстностей представляютъ одну и ту же культуру на разныхъ ступеняхъ исторической жизни одного народа, то археологія вятскаго края и исторія древнѣйшихъ его обитателей могли бы быть изложены въ одной стройной картинѣ. Тогда можно было бы утверждать, что нынѣшніе вотяки, вмѣстѣ съ пермяками и зырянами, составляютъ остатокъ древней чуди, жившей въ нашемъ краю прежде на верховьяхъ Чепцы и Камы, а потомъ, подъ вліяніемъ историческихъ событій (разоренія Булгаръ и Камы татарами), обѣднѣвшей и разошедшейся отсюда по окраинамъ великаго камскаго лѣса: на берегъ Камы, на Пижму и на среднее теченіе Вятки. Это объясненіе той исторической загадки, какую доселѣ представляетъ собою камская чудь, столь привлекательна, что дальнѣйшіе труды мѣстныхъ археологовъ должны бы повидимому направиться главнымъ образомъ на добываніе новыхъ фактовъ именно въ указанномъ направленіи. Тѣ очень немногія данныя, которыя мы уже имѣемъ, говорятъ за возможность тѣснаго соотношенія между тѣми и другими древностями. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны чудскія пижемскія древности, столь тѣсно смѣшавшіяся съ вятскими и быть можетъ дѣйствительно перешедшія однѣ въ другія. На камскихъ городищахъ мы не нашли древностей, аналогичныхъ съ чудскими, но это обстоятельство можетъ быть объяснено тѣмъ, что чудь двинулась сюда въ сравнительно позднѣйшее время, уже утративъ многія особенности своей недолговѣчной, расцвѣтшей подъ чужимъ вліяніемъ, культуры. При нашей постановкѣ вопроса о чуди, самою интересною мѣстностью вятскаго края для археологическихъ изслѣдованій, кромѣ костеносныхъ городищъ, являются чепецкія древности, особенно тѣ, которыя представляютъ постепенное вымираніе чудской культуры или переходъ къ древностямъ иного характера.

Новѣйшія наши розысканія приводятъ къ мысли, что городища средне-вятскаго типа разбросаны по значительной части теченія р. Чепцы, начиная съ ея устья и восходя почти до средины ея, вплоть до городищъ чудскихъ. Здѣсь эти городища расположены какъ по самой р. Чепцѣ, такъ и по впадающимъ въ нее болѣе значительнымъ притокамъ (Косѣ и Филиповкѣ), а отсюда уходятъ на р. Вою и занимаютъ ее почти до устья. Въ этомъ значительномъ районѣ намъ извѣстно уже семь далеко другъ отъ друга стоящихъ городищъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что современемъ

[1]) Описаніе стрѣлы и обрядъ „смѣненія“ ея см. въ Вят. Вѣд. 1865, 79.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
9	1 снизу	мѣсто нахожденія	мѣста нахожденія
12	1 »	Кротковъ	Кротовъ
14	17 »	Зажайловъ	Заусайловъ
19	3 сверху	юнщумской	юкшумской
20	2 снизу	Ерпура	Ернура
33	17 сверху	Веретенниковъ	Верещагинъ
33	13 снизу	халуницы	холуницы
34	18 сверху	Ерпуръ	Ернуръ
39	7 снизу	Acnetuna	Аспелина
58	8 сверху	Кажиперки	Кижинерки
68	21 »	коней	копей
73	17 »	Курепла	Курила
78	16 »	ормаментъ	орнаментъ
80	16 снизу	Эндерабо	Эндерабѣ
80	12 »	Гизама	Гишама
80	6 »	мезиха	Мезика
81	8 »	Нижнеу[illegible]пской	Нижнеуканской
95	12 »	XVI	XIV
104	16 »	Арамаяъ	Яромазъ
112	8 »	1887—1880 и 1888 г.	1887 и 1888 г.
127	23 сверху	Бавтемиръ	Бактемиръ
138	12 снизу	Яранска	Яренска
140	3 сверху	волопенкинскаго	возипельгинскаго
163	4 »	Тумаиуръ	Туманuръ
»	15 снизу	Шешуртской	Шешургской
»	6 »	Кизиморы	Килимары
165	1 сверху	ялтскія	вятскія

ВЯТСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

КОСТЕНОСНЫЯ ГОРОДИЩА.

Рис. 1—11: Костяные наконечники боевыхъ молотовъ. Рис. 13: Костяная ложка. Рис. 14: Издѣлье изъ рога неизвѣстнаго назначенія.

ВЯТСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

КОСТЕНОСНЫЯ ГОРОДИЩА.

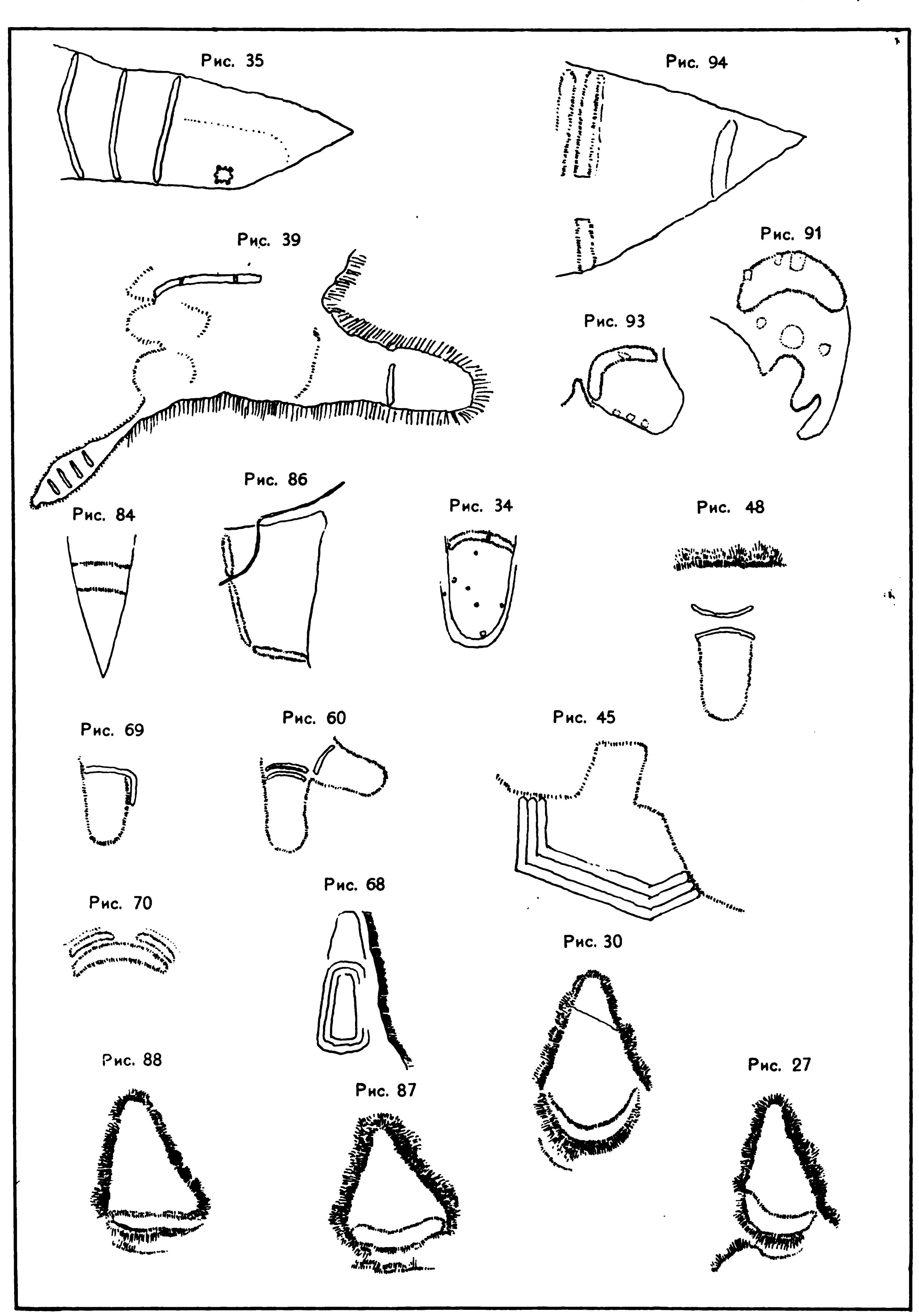
Костяныя лопаточки неизвѣстнаго назначенія; нѣкоторыя со втулкой въ рукояткѣ, другія съ сквознымъ отверстіемъ, иныя съ узоромъ изъ круглыхъ ямочекъ, точекъ или зигзагообразныхъ линій.

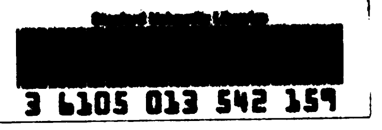
ВЯТСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

КОСТЕНОСНЫЯ ГОРОДИЩА.

Рис. 1—5 Орудія неизвѣстнаго назначенія (м. б. для выдѣлки узоровъ на посудѣ); 11—12 острия шилья; 6—7 гребни; 8—9 пластинки съ дырочкой; 16—18 пронизки; 15 и 31 съ орнаментомъ и изображеніемъ головы; 21—22 медвѣжьи клыки и 19—рѣзецъ, съ дырочками для привѣшиванія; 28—маленькая стрѣлочка; 29—тупая стрѣла; 23—ложка; 24—27—бабки и лодыжки, съ дырочками; кость съ рель- ефнымъ изображеніемъ звѣр. головы; 35—37—части удилъ (?) и проч. Рис. 20—обломокъ кремневаго ножичка или стрѣлки.

СХЕМАТИЧЕСКІЕ ПЛАНЫ ГОРОДИЩЪ.

3 6105 013 542 159

